

# ОГОНЁК

№ 43 ОКТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

*Да здравствует великий советский народ—строитель коммунизма!*

(Из Призывов ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

СВЕТИТЬ ЗВЕЗДАМ СЕМЬИ ЕСОВЫХ!

Бр. ТУР — ВДАЛИ ОТ ДОМА.

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*




№ 43 (1740)

23 ОКТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

## ПУСТЬ КРЕПНЕТ ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ, СТРАН В БОРЬБЕ ЗА МИР И ДЕМОКРА



Теплой была встреча Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, возвратившегося в Москву с XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Фото А. Новикова.

## БОЕВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕХ ТИЮ, ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАРОДОВ, ЗА СОЦИАЛИЗМ!

Из Призывов ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.





**Митинг трудящихся г. Москвы во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина 20 октября 1960 г. На трибуне — товарищ Н. С. Хрущев.**

# Правда свое в

**Д. ГОРЮНОВ, В. КОНДРАШОВ**

Пятнадцатая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций продолжает в Нью-Йорке свою работу. По-прежнему телеграф, телефон, радио разносят по свету сообщения о заседаниях различных комитетов. До конца сессии еще далеко. Некоторые обозреватели полагают, что она продлится до января.

Однако печать всех стран, мировая общественность задолго до закрытия сессии комментируют результаты ее работы, подводят первые итоги так широко и пространно, как, вероятно, не обсуждались итоги ни одной другой сессии ООН. И это не случайно. Виднейшие государственные и общественные деятели, авторитетные органы печати многих стран единодушно признают, что первый этап пятнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи имеет выдающееся историческое значение, явился принципиально новым этапом в многолетней практике работы ООН.

Инициатива Советского Союза, Н. С. Хрущева обсудить в Организации Объединенных Наций важнейшие проблемы современности с участием глав государств встретила широчайший отклик во всем мире.

Разные на свете страны, разные общественно-политические системы утвердились в них, часто по-разному смотрят государственные деятели на международные события. По-разному отнеслись в странах к советскому предложению. Лидеры многих государств сразу же горячо и искренне приветствовали призыв Н. С. Хрущева.

Была и другая реакция. Западная пресса подняла невероятный шум об очередном «пропагандистском маневре красных». Так называемые специалисты по русским делам с ученым видом знатоков предвещали, что «Хрущев останется в одиночестве». За этими предсказаниями нетрудно было видеть плохо скрытую надежду на то, что глава Советского правительства, главы других государств откажутся от поездки в Нью-Йорк. Тогда западному блоку, господствующему в ООН, удастся, как и прежде, провести сессию в привычной обстановке пустопорожних прений, протащить угодные решения.

А когда в ясный сентябрьский день «Балтика», на борту которой находился Н. С. Хрущев, взяла курс на Нью-Йорк, какая политическая буря разразилась в западном мире! Сколько за десять дней, что плыла «Балтика», состоялось лихорадочных совещаний в Вашингтоне, Лондоне, в других столицах! Сколько бессонных ночей провели руководители американской политики, ломая голову над «проклятым» вопросом: «быть или не быть», участвовать или не участвовать в сессии!

Радиостанция «Балтики» принимала все новые и новые сообщения о предстоящем отъезде в Нью-Йорк глав многих государств и правительств. Становилось очевидным, что попытки скомпрометировать советскую идею, игнорировать ее провалились начисто... Дошла очередь и до господина Эйзенхауэра. «Американское правительство, — писал обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Джозеф Олсоп, — до последнего момента призывало глав государств не приезжать, но в конечном счете Хрущев вынудил даже президента Эйзенхауэра присоединиться к этому собранию...» За президентом потянулись премьеры Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и некоторые другие союзники США.

Уже в Нью-Йорке мы попытались выяснить, сколько же глав правительств прибыло на сессию. Перелистали страницы многих газет, обратились в секретариат ООН — и нигде не получили точного ответа. Здесь, в США, где любят статистику, это было поистине поразительно!

В ООН нам заявили: «Трудно сказать, сколько глав правительств находится здесь. Вчера их было 25, но сегодня эта цифра могла измениться...»

Мы были свидетелями, как почти каждый день на нью-йоркские аэродромы Айдлуайлд и Макгайр приземлялись самолеты с главами государств. В те дни улицы крупнейшего города мира оглашали пронзительные сирены полицейских машин и мотоциклов. Нью-йоркская полиция с чрезмерным и, как нам думалось, показным усердием сопровождала автомашины с главами делегаций, когда они следовали в ООН или в свои резиденции.

Что привело в Нью-Йорк глав правительств более тридцати стран земного шара? Какие вопросы обсуждаются на этой самой представительной в истории ООН сессии Генеральной Ассамблеи?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо вернуться к 23 сентября, к «большому дню ООН», как назвали его американские и другие иностранные журналисты.

Нужно было видеть, с каким нетерпением делегаты, многочисленные гости, корреспонденты — а последних было рекордное число — 1 600 из шестидесяти трех стран — ждали в этот день выступления главы советской делегации Н. С. Хрущева. Их ожидания не обманулись. Глава Советского правительства высказал на сессии глубоко аргументированные, ясно и четко сформулированные предложения Советского правительства по жгучим международным проблемам, волнующим миллионы простых людей во всех частях света.

Разве не волнуют человечество вопросы войны и мира! План всеобщего и полного разоружения, предложенный Советским Союзом год назад, мог бы явиться прочной гарантией мира, если бы он был принят. Но западные державы хотят утопить проблему разоружения в бесконечных разговорах в различных комитетах и комиссиях. Прикрываясь



Фото А. Гостева.

# ...озьмет

переговорами, как ширмой, они хотели бы тем временем продолжать опасную гонку вооружений. Но Советский Союз не желает участвовать в таком обмане народов. Он справедливо считает, что этот вопрос вопросов современности должен быть обсужден на самом представительном форуме с участием глав правительств. Должны быть приняты действенные и безотлагательные меры по разоружению.

Какое честное сердце останется безучастным, если речь идет о ликвидации колониализма! Разве можно дальше терпеть на земле это прóклятое людьми наследие прошлого в наш век великих научных открытий, когда человек, преодолев земное притяжение, смело штурмует космос! В исторической Декларации, внесенной на Ассамблею ООН, Советский Союз предлагает незамедлительно ликвидировать колониальный режим, предоставить всем народам, еще томящимся в колониальном иге, свободу и независимость.

А проблемы Организации Объединенных Наций? Народы возлагали большие надежды на сохранение мира, создавая ее. Но им нередко приходится испытывать горечь разочарования от несовершенства этой организации. Положение в Конго, где секретариат ООН сыграл злую роль, встав на сторону колонизаторов, — суровый тому пример. Пятнадцать лет прошло с момента создания ООН. Лицо мира за это время изменилось. Произошли глубокие социальные сдвиги. Вырос и укрепился могучий лагерь социализма. Свободу и независимость обрели многие в прошлом колониальные страны. Мир изменился, а структура аппарата ООН отражает интересы лишь одной группы стран, а именно колониалистских империалистических держав. Советский Союз предлагает ликвидировать эту несправедливость, представить в органах ООН все три группы стран.

Глава советской делегации выступал на сессии несколько раз. Он говорил без дипломатических уловок и наигранных реверансов. Говорил просто и ясно. Страстно и убежденно отстаивал идеи и предложения, в которых воплотились чаяния миллионов простых людей. Каждая его речь производила глубокое впечатление. Мы часто наблюдали и в зале и на галерее прессы, когда даже люди, не разделявшие наших взглядов, были захвачены мастерством, с которым излагал и защищал Никита Сергеевич советскую позицию.

К нам, советским журналистам, часто подходили западные корреспонденты и откровенно выражали свое восхищение речами руководителя советской делегации. Однако странно, на другой день в отчетах иных американских обозревателей все ставилось с ног на голову: пресса большого бизнеса отрабатывала доллары. И все же на страницах американских газет нередко прорывались честные признания. «Кажется невероятным,— писал Джозеф Ньюмен в «Нью-Йорк геральд трибюн», комментируя слова Н. С. Хрущева, — что один человек с помощью нескольких речей вызвал такое землетрясение...»

Участие Н. С. Хрущева и других глав государств и правительств придало заседаниям сессии особую весомость, авторитетность. Сильное впечатление произвели речи глав делегаций социалистических стран Антонина Новотного, Владислава Гомулки, Георге Георгиу-Деж, Яноша Кадара, Тодора Живкова, Мехмета Шеху, руководителей делегаций советских республик Н. В. Подгорного и К. Т. Мазурова. Это был голос нового мира, несущего народам счастье и процветание, избавление от войн и страданий. Большой озабоченностью за судьбы мира, стремлением найти разумные решения назревших проблем были проникнуты выступления героического сына кубинского народа премьер-министра Фиделя Кастро, президента Ганы Кваме Нкрума, президента Гвинеи Секу Туре, президента Индонезии Сукарно, премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, президента ОАР Гамаля Абделя Насера и других представителей независимых государств.

Но под сводами золотисто-голубого зала ООН звучали и иные голоса. Когда началась общая дискуссия, стало ясно, что не все главы правительств приехали сюда с открытым сердцем и добрыми намерениями. Фарисейские слова, попытки увести в сторону от важнейших проблем, стремление выдать черное за белое, прямая клевета — какой плесенью пахнуло от иных выступлений! Такой была, к примеру, речь премьер-министра Канады Дифенбейкера.

А король Иордании Хусейн, говоря о причинах, побудивших его приехать в Нью-Йорк, заявил, что его цель—«дать отпор попыткам стран советского блока разрушить ООН». Поистине жалкий вид являл этот «спаситель ООН», когда он, захлебываясь, защищал своих богатых хозяев.

Представители западных стран вынуждены были маневрировать, занимать оборонительную позицию. Отсутствие конструктивных предложений, нежелание открыто и честно обсуждать назревшие вопросы восполнялись закулисным сговором, сомнительными махинациями. Когда аргументы не помогали, в ход пускалось старое испытанное оружие — машина голосования, механическое большинство. Так было с советским предложением обсудить проблему разоружения на пленуме Ассамблеи. Так было с вопросом о восстановлении в ООН законных прав народного Китая. «США **потерпели** победу» — такими красноречивыми словами характеризовали некоторые нью-йоркские газеты результаты голосования по вопросу о Китае, эту поистине пиррову победу западного блока.

Ход истории не остановить, правда и справедливость пробьют себе дорогу. Мощные толчки времени уже дают о себе знать в видавшем виды здании на Ист-ривер.

В один из сентябрьских дней у здания ООН состоялась волнующая церемония. В то утро здесь были подняты флаги молодых государств Африки — новых членов ООН. Флаги эти как бы символизировали неудержимое стремление народов к свободе и независимости, неминуемый крах прогнившей системы колониализма. Но эти флаги, впервые взметнувшиеся в длинном строю флагов других суверенных государств, напоминали о том, что еще многие народы томятся под ярмом колониализма, что колониализм еще жив, что он добровольно не сдает свои позиции, цепко держится за свои привилегии.

Эти две тенденции с особой силой проявились во время обсуждения советского предложения рассмотреть вопрос о ликвидации колониальной системы на пленарном заседании ООН. Колониальные державы и их лакеи боялись широкого обсуждения этого вопроса!

Мы помним, как накалялись страсти на заседании 12 октября. Как выступил Н. С. Хрущев. Как представитель Англии дважды пытался провалить советское предложение, чтобы вопрос о колониализме был рассмотрен на пленарном заседании. Как бросались ему на помощь представители Новой Зеландии, Колумбии. Они говорили: разве мы отрицаем важность вопроса, но зачем торопиться, куда спешить, почему не прислушаться к парламентской практике и не обсудить этот вопрос сначала в комитете, наконец, к чему эти страсти?

Суровой отповедью колонизаторам прозвучали голоса представителей народов, недавно получивших независимость. Они говорили о том, что колониализм лишил многие народы права на естественное развитие их стран, что советская Декларация дает возможность колониальным народам освободиться и идти по пути прогресса и независимости.

Страсти достигли своего апогея, когда председательствующий Боланд сломал свой председательский молоток, пытаясь остановить представителя Румынии, давшего суровую отповедь американскому делегату, который клеветал на социалистические страны. Заседание было прервано.

— Слишком много было ударов молотка председателя на этой сессии, — сказал нам один американский журналист. — Слишком часто ему приходилось прерывать ораторов.

«Наблюдательный» корреспондент не сказал, однако, что председательский молоток лишь в редких случаях останавливал потоки клеветы и часто старался оборвать слова правды.

Ночь на 13 октября была черной для западной дипломатии. Она прошла в переоценке ценностей, в закулисных сговорах, в мучительных раздумьях. На другое утро, боясь оказаться в изоляции и разоблачить свое колониалистское лицо перед всем миром, представители Америки и Англии выступили вновь и вынуждены были высказаться за обсуждение советского предложения на пленуме Ассамблеи.

...Сессия Генеральной Ассамблеи продолжается. Возможно, что не все новое, доброе, характерное для ее первого этапа сохранится в последующие дни, но оно, несомненно, даст свои плоды. Может быть, это произойдет не сегодня, может быть, это придет завтра, но история неумолимо возьмет свое. «...мы верим,— говорил Н. С. Хрущев на митинге во Дворце спорта, докладывая о поездке на сессию ООН, — что здравый смысл победит, правда восторжествует, добрые семена дадут обильные всходы... Со своей стороны мы будем все делать, чтобы Организация Объединенных Наций перестроилась в духе требований времени, чтобы она стала действенным и универсальным инструментом всеобщего мира».




У здания театра имени Лахути, где происходила Первая советская конференция солидарности народов Азии и Африки.



В президиуме конференции.



Камил Чапейу (Камерун) среди работниц текстильного комбината Сталинабада.

# СОЛИДАРНОСТЬ МЫ

**С 10 по 12 октября в столице Таджикистана Сталинабаде проходила Первая советская конференция солидарности народов Азии и Африки. Конференция выступила за дальнейшее расширение и укрепление братских уз дружбы и солидарности со всеми народами Азии и Африки. Участники конференции единодушно поддержали Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, выдвинутую Н. С. Хрущевым на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.**

**Ниже мы печатаем статью делегата Первой советской конференции солидарности народов Азии и Африки дагестанского поэта Р. Гамзатова.**

**Расул ГАМЗАТОВ,**
**народный поэт Дагестана**

В детстве я любил часами наблюдать за рождением рек и долго-долго следить за их течением. В тех высоких горах и глубоких ущельях, куда упали веселые звезды моей далекой весны и где высохли счастливые родники моей недавней юности, там, в моем Дагестане, реки и ручейки бегут, как скакуны, и шумят, как дети на свадьбе. Но потом они встречаются друг с другом, как влюбленные, и несут свои воды к далекому, многокрасочному морю.

По разным дорогам нашей великой Советской державы прибыли мы в чудесный, поэтический Сталинабад. Мы привезли свою волю и заветнейшие чувства своих народов. Все эти чувства вылились в одну реку любви, братства и солидарности наших народов.

В мире не было более величественного, более красочного, более волнующего моря, чем море наших страстей, нашей радости, нашей любви, нашей солидарности.

Меня послали в Сталинабад жители заоблачных высот, жители малочисленного, многонационального народа Дагестана. Я счастлив, что в Сталинабадском парке, в аллее Солидарности, мне удалось посадить чинару Дагестана.

Не скрою, перед моим отъездом в Сталинабад на берегу седого Каспия не так грело солнце, как в Таджикистане. В моих горах шли последние дожди и выпали первые снежинки. В полях увяли последние цветы. А в морских волнах по утрам купались только смельчаки-одиночки и то в большинстве случаев, чтобы продемонстрировать перед любимой девушкой свое крепкое кавказское здоровье.

А виноделы Дагестана со знанием дела пробовали на вкус молодые вина из богатого урожая этого года и говорили, что по всем признакам оно не уступает старым, столетним хваленым винам.

По горным дорогам у подножий суровых скал, недалеко от волшебных водопадов, горели ночные чабанские костры. Это чабаны со своими колхозными отарами возвращаются с гор на зимние пастбища. Эти чабаны у костров пели какие-то очень светлые, грустные песни, потому что они на время расстаются с родными аулами, с альпийскими лугами, с солнечным теплом, потому что впереди зима, большие испытания. Сегодня я вспомнил слова из этой песни. Обращаясь к уходящему солнцу, чабаны пели:

Ничего, солнце, ничего.
Мы твое тепло в сердцах несем.
Мы сделаем из твоих светлых лучей
Золотую метлу
И все несправедливое с дороги уберем.

Я думаю, никто в мире не может не принять золотую метлу из светлых солнечных лучей, которая метет с дороги мира все несправедливое. В двадцатом веке выше всех и крепче всех держит в своих руках эту золотую метлу наша великая Советская социалистическая держава, дружная советская семья социалистических республик. Мы это знаем, этим гордимся, радуемся, торжествуем, любим!

Когда в небе появляются тучи, крестьянин спешит в поле спасать от дождя урожай. Когда в чистом небе нашей планеты появляются черные тучи войны, люди спешат спасать мир на земле. Это стало законом жизни нашего народа. Об этом знают и друзья и враги. Это мы показали и тем и другим. Одним — братским рукопожатием, другим — крепко сжатым кулаком. Это мы доказывали: одним — своей жизнью, другим — своей кровью. Это мы показывали: одним — своей нежностью, другим — своим мужеством, одним — своей любовью, другим — своей ненавистью, одним — своим мудрым спокойствием, другим — решительными мерами. Этому посвящены все наши мысли, все наши дела, все наши песни. Не видеть этого или отрицать это могут либо глупцы, либо подлецы, или те и другие, вместе взятые. К сожалению, наша планета пока что не лишена ни тех, ни других, ни третьих.

Мне рассказывали, как один обманщик-спекулянт, чтобы скрывать свои торговые махинации и свое недоброе лицо, ходил на базар в чадре. Так ему удалось обмануть несколько простаков. Но как только ему предложили за товары подходящую цену, он потерял самообладание, его походка, слова выдали его, с него была сорвана чадра.

Нынешние торговцы свободой и человеческим достоинством, грабители богатств чужих стран, душители культуры целых народов, мастера лжи, клеветы, организаторы шпионажа и диверсий тоже стремятся скрывать свое истинное лицо от народов всего мира. Но народы не простаки. Их нельзя обмануть. Мы срывали и будем срывать чадру с поджигателей войны, мы покажем всему миру их волчьи зубы.

Ведь было время, когда они не могли произнести слов: «СССР», «социализм»... Сейчас они хорошо знают названия всех пятнадцати советских республик.

Африка. Это слово для нас долгое время звучало как стон раненого, как звон цепей. Сейчас это слово стало звучать как слово «свобода», как слово «независимость», а в будущем, мы уверены, это слово будет звучать как слово «счастье», «радость», «любовь»!

Новые государства Африки не только стали хозяевами своей земли, они теперь принимают участие в решении важных международных проблем.

Я видел, как колхозники Таджикистана в эти дни ждут раскрытия коробочек, чтобы хлопок во всей красе показал свое белое лицо. Мы все ждем с нетерпением, когда все африканские страны сбросят с себя ярмо колониализма и в аллее Солидарности ярко зацветут саженцы свободных африканских государств. Мы уже это время видим!

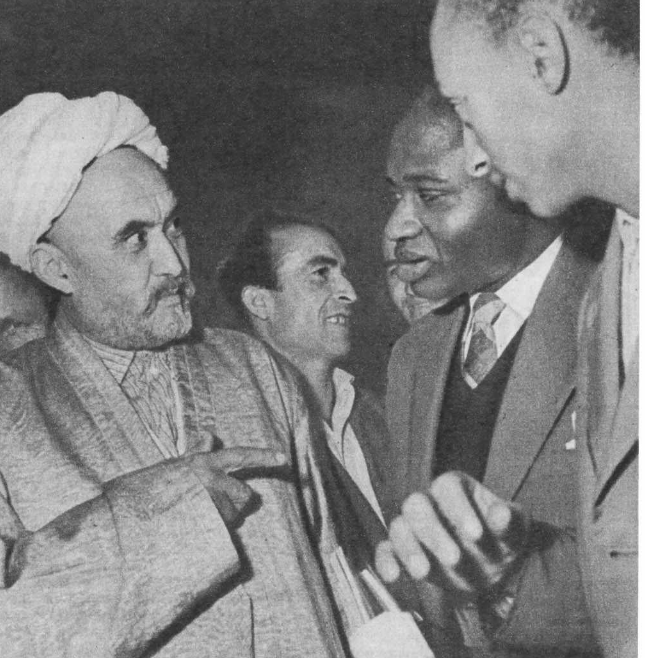
Напуганные и растерянные мощным движением народов Азии и Африки, империалисты и милитаристы Запада начинают трубить тревогу, порою они становятся даже в позу обиженных: вот, мол, Советский Союз хочет противопоставить народы Азии и Африки народам Европы и Америки. Бедная Европа!

Мы отвечаем на это: нет, господа, мы не спутаем народ с колонизаторами, мы не спутаем грабителей с созидателями. Я видел, какое наследие оставила Англия в Индии. Англичане воздвигали памятники своим вице-королям, маршалам и фельдмаршалам, а у подножия этих памятников лежали нищие, бездомные, безграмотные индийцы, которым было суждено в своей стране разговаривать на чужом языке.

Я видел башни слез Голландии. Голландские матери проливали эти слезы, ожидая возвращения своих сыновей из далекой Индонезии. Не картины Рембрандта привезли сыновья этих матерей в Индонезию. Я был недавно в Бандун-



В зале заседаний.



Беседуют участники конференции: кази Таджикистана Юсупов, Ибрагим Мукиби (Уганда) и Мухаммед Абдулвали (Йемен).



Делегаты конференции в гостях у таджикских школьников.

**Фото Дм. Бальтерманца.**

# СЛЕЙ И ДЕЙСТВИЙ

**ге, и мне рассказывали, какие картины оставили голландцы на прекрасной индонезийской земле. Эти картины окрашены кровью индонезийского народа, написаны бомбами и снарядами колонизаторов.**

**Я видел на парижском вокзале, как молодых французов провожали на грязную войну в Алжир. Не песни Беранже, не романы Бальзака повезли они туда. Французские колонизаторы знают только песни смерти. Истекает кровью на собственной земле алжирский народ. Мы прекрасно знаем: убийцы алжирских детей ничего общего не имеют с французским народом. Сейчас во Франции много говорят о величии французов, видя его не в культуре народа, а в бомбах, испытаниях ядерного оружия, в пролитии крови на алжирской земле.**

**Я видел Хиросиму. 6 августа 1945 года утром, когда дети собрались в школу, американские самолеты бросали в этот город на детей не книги Драйзера, а атомную бомбу. Страшное орудие смерти лишило жизни сотни тысяч мирных жителей. Но разве этих убийц мы станем путать с народом Америки? А разве стихи гениального Верхарна бельгийцы привезли в Конго? Нет же, нет!**

**Колонизаторы никогда не показывали народам Азии и Африки прекрасную душу своих народов. Вместо народного сердца они показывают в колониях свои гнилые зубы. Но мощный кулак народов теперь бьет их по этим зубам. Колонизаторы не умеют петь песни своих народов, они только принюхиваются к земле, чтобы своими длинными руками захватить, присвоить все. Но теперь колонизаторам дают по носу и по рукам. Свободолюбивые народы за свои обиды, за все унижения, нанесенные им, мстят колонизаторам.**

**Недавно дагестанский народ отмечал свое 40-летие. В Москве прошла успешно декада литературы и искусства Дагестана. Песни нашего народа звучали по всему Советскому Союзу. В этих песнях звучали всем нам дорогие слова: «свобода», «счастье», «мир», «Родина», «дружба».**

**В одной из этих песен были такие слова о дружбе, которые мне хочется здесь повторить.**

***Да здравствуют все дороги, которые нас соединяют, и все двери, которые мы друг другу от всего сердца открываем!***
***Да здравствует привязанность друг к другу наших сердец и крепкое пожатие наших рук!***

**Так пусть же здравствует солидарность мыслей, чувств, действий, борьбы всех народов Азии и Африки!**

В дни работы конференции в Сталинабаде, в парке Садриддина Айни, делегаты и гости заложили аллею Солидарности. На снимке: дерево сажает индийский писатель Шифдан Сингх Чаухан.




12 октября в Токио от руки фашистского бандита пал известный политический деятель Японии, председатель социалистической партии Инэдзиро Асанума. Он был убит ударом кинжала в грудь во время выступления перед тысячной аудиторией.

**На снимке:** члены социалистической партии с портретом покойного председателя Инэдзиро Асанума направляются к помещению руководства партией.

Фото Джэпэн Пресс.

# МАРИОНЕТКИ СЛУЖАТ ДОЛЛАРУ

Все более широкие слои населения Южной Кореи объединяются в борьбе против американских марионеток. Демонстрации, проходившие в последние недели, в которых десятки тысяч крестьян и рабочих объединились с интеллигенцией и студентами Сеула и других городов, являются симптомом все расширяющейся основы этой борьбы.

Пятнадцать лет американской оккупации, в том числе три года войны, привели страну к полному банкротству. Улицы крупнейших городов кишат нищими, безработными и обездоленными крестьянами. Характерно, что лозунги демонстраций, проведенных в последние недели, включают требование безработных вновь открыть фабрики и требование крестьян вернуть около 100 тысяч гектаров плодороднейших земель, захваченных американцами под аэродромы, артиллерийские полигоны, казармы и другие военные сооружения.

Победа, одержанная во время апрельских забастовок, имела большое значение. Она привела к избавлению от ненавистного режима Ли Сын Мана, который, спасая свою шкуру, ночью, как вор, убежал под защиту американцев. Но земля все еще оккупирована американскими войсками, богатства страны расхищаются американскими монополистами, а у власти все еще находятся американские марионетки. Следует сказать, что по крайней мере половина всей американской «помощи» Южной Корее попала в карманы верхушки американских марионеток; что в то время как местные южнокорейские предприятия закрываются и ряды безработных растут, магазины переполнены американскими товарами с черного рынка, нелегально ввезенными местными компрадорами; что импорт превышает экспорт в 17 раз и что Ли Сын Ман с благословения американцев израсходовал половину всего бюджета на 1959—1960 финансовый год на подкупы при выборах 15 марта. Падение правительства Ли Сын Мана вызвало негодование в Вашингтоне.

Чтобы вновь вернуть доверие американцев, новое правительство Южной Кореи попыталось осуществлять ту же политику, что и ненавистная клика Ли Сын Мана. Это и явилось причиной возникновения новой волны недовольства в Южной Корее. Народ начинает видеть, что его интересы снова предаются старыми марионетками в новой оболочке, пытающимися отнять у него плоды его победы в апреле месяце. Тот факт, что большинство официальных лиц ненавистного лисынмановского режима, арестованных за фальсификацию выборов 15 марта и за избиение студентов 19 апреля, постепенно освобождено и возвращено на их прежние посты, еще больше возмутил массы демонстрантов на прошлой неделе. Тысячи полицейских, принимавших участие в избиениях, вместо наказания и увольнения были просто переведены в другие районы страны. Шеф полиции Хонд Шин Ки, один из непосредственных виновников избиений, был оправдан. Студенты Сеула 11 октября обратились в нижнюю палату парламента и потребовали прекратить это посмешище, возобновления ареста, осуждения и наказания виновных. Но до тех пор, пока правительство связано с американскими ставленниками, а суды и полиция укомплектованы преступными остатками лисынмановского режима, до тех пор, пока Южная Корея остается оккупированной американскими вооруженными силами, народная борьба происходит в очень тяжелых условиях.

Власти Южной Кореи признают, что условия жизни в настоящее время хуже, чем когда-либо за четырехтысячелетнюю историю Кореи. Таков итог пятнадцатилетней оккупации американцев и правления их марионеток. Нет сомнения, что трудящиеся Южной Кореи скоро положат конец такому трагическому положению, несмотря на американскую оккупацию. Они изберут для себя лучшую жизнь, материальное и культурное процветание, которого достигли их братья севернее 38-й параллели.

Дж. ПАККАРД

# КОЛОНИЯМ — НЕЗАВИСИМОСТЬ!

Эмрис ХЬЮЗ,
член английского парламента

Вот уже свыше десятилетия, как государственный департамент в Вашингтоне усвоил себе взгляд на Организацию Объединенных Наций как на частную собственность Соединенных Штатов.

Ныне все изменилось. Год 1960-й стал поворотным в истории ООН.

Сессии этого международного форума государств собирались не раз. Но обычно после первых дней работы интерес к ним в печати угасал. Не то на этот раз! К тому, что говорилось на XV сессии, внимательно прислушивались люди во всех уголках земли. Это, безусловно, результат пребывания и выступлений на сессии премьера Хрущева.

Больше всего реакционные круги в министерствах иностранных дел западных стран печалит тот факт, что быстро меняется самый характер Организации Объединенных Наций. Все больше наций Африки и Азии утверждают свое право иметь независимые взгляды на вещи. Их крепнущий голос, осуждающий империализм и колониализм, уже не заглушить.

Макмиллан, выступая на сессии, ссылался на то, что Англия после войны предоставила независимость многим из эксплуатировавшихся ею бывших колониальных владений. Пусть это так, но процесс должен быть ускорен — таково настоятельное требование истории.

Хрущев предложил немедленную независимость для колоний. А почему бы нет? Я не вижу причин для того, чтобы, например, Соединенные Штаты имели против этого какие-либо возражения.

В самом деле, разве Соединенные Штаты не были когда-то колониальным владением Великобритании? И разве не было такого времени, когда британский король Георг III послал туда английскую армию, чтобы подавить восставших, возглавляемых Джорджем Вашингтоном? Георг III говорил тогда, что американцы еще не созрели для самоуправления, что ими нужно править из Лондона. Но американцы вышибли армию короля Георга и обрели независимость.

То, чего Америка требовала два столетия назад, народы Африки и Азии требуют сегодня. Те, кто желает продолжать прежний курс, заявляют, что африканские страны еще не созрели для самоуправления. Но если это и так, то чья здесь вина? И что требуется для того, чтобы они созрели?

Африканским странам нужны не оккупационные армии под командованием колониальных губернаторов, а техническая помощь опытных специалистов; нужны учителя, врачи, которые могут помочь народам, а не будут командовать ими и эксплуатировать их.

Вот почему Хрущева так жадно слушали в Африке.

Организация Объединенных Наций перестает быть «клубом для белых людей». Многие газеты Запада изо всех сил стараются преуменьшить значение выступлений Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи. Но даже «Таймс» пишет в одной из статей: «Ему (Хрущеву) следует отдать должное за то, что он сломал барьер, возникший после Парижской конференции в мае, и за то, что он снова пустил все в ход».

В конце концов это и есть то самое важное, что произошло на сессии Генеральной Ассамблеи.

Положить конец гонке ядерных вооружений, которая угрожает самому существованию человечества, — наиболее важная задача, стоящая сегодня перед нами. И Хрущев заслуживает, чтобы ему отдали должное за то, что он «снова привел все в движение» в этом насущном для народов вопросе. Нам всем надо бороться за то, чтобы это движение не замирало, пока разоружение и мир не станут действительностью.

# Борьба за кубок началась

Летом все пути вели в Рим. Теперь многие спешат в Лейпциг. Здесь открылась шахматная олимпиада — крупнейшие командные соревнования.

Сорок одна федерация подала заявку, и одна из последних заявок поступила от шахматистов США. Как известно, госдепартамент не «рекомендовал» поездку в ГДР. Увы, это не первый случай, когда госдепартамент пытается «подсказывать ходы» своим шахматистам. На сей раз американская федерация решительно протестовала против таких «рекомендаций», а мать чемпиона США Бобби Фишера вышла на улицы с плакатом: «Айк сказал нет, федерация говорит: да!..»

Чемпион мира сборная СССР выехала в Лейпциг в сильнейшем составе, во главе с Михаилом Талем. На олимпиаде в Мюнхене в 1958 году Таль числился запасным. Прошло два года — и теперь чемпион мира, естественно, играет «первую скрипку».

При всей фанатичной любви к шахматам Талю не хотелось покидать Ригу. За один день до выезда команды у него родился сын. Чемпион мира обдумывал не свой дебютный репертуар, а имя новорожденного.

Итак, первая доска команды СССР М. Таль, на второй впервые в своей практике выступает М. Ботвинник. На третьей доске играет вечно юный П. Керес, на четвертой — самый успешный шахматист 1960 года Виктор Корчной. (Он в этом году стал чемпионом СССР и героем турнира в Буэнос-Айресе.) Да, любая страна может завидовать такой команде, в которой В. Смыслов, экс-чемпион мира, и гроссмейстер Т. Петросян числятся в запасе.

Вместе с нашими гроссмейстерами в Лейпциг выехал и переходящий кубок чемпиона мира. Наши шахматисты не любят закидывать своих соперников шапками, но откроем секрет: никто из них не сомневается в том, что кубок совершает лишь туристскую поездку в Лейпциг.

И вот мы в Лейпциге. Подъезжая к гостинице «Астория», я с удивлением прочел извещение: «Временно закрыто». Шахматисты оккупировали все пятьсот комнат.

Какая же дружная, своеобразная шахматная семья поселилась в «Астории»! Сколько приветственных слов, сколько дружеских рукопожатий ждало нас у входа! Вот кто-то хлопает меня по плечу. Оборачиваюсь и вижу Бобби Фишера. Строго говоря, семнадцатилетнему парню не очень прилично хлопать по плечу пожилого человека. Но я знаю, что Бобби Оксфорда не кончал.

Бобби охотно рассказывает о последних событиях. Его мама, оказывается, не только носила плакаты, но в знак протеста объявила голодовку, которую прекратила только на седьмой день, когда было решено послать команду Америки в Лейпциг.

— Молодец ваша мама!

— У такого сына может быть только хорошая мать,— шутит Бобби.

— Бобби, а почему не приехал Решевский?

— Он поставил странные условия. Во-первых, он хотел играть на первой доске, а ведь чемпионом Америки являюсь я. Кроме того, Решевский потребовал за свое участие в олимпиаде гонорар — три тысячи долларов. Для Рокфеллера или Моргана это, конечно, немного, но для бедной шахматной федерации — солидная сумма.

Об организации олимпиады можно слышать самые лестные отзывы. Для участников созданы идеальные условия, да и зрителям не на что жаловаться.

На лейпцигской олимпиаде немало новичков из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но было бы ошибочным полагать, что эти шахматисты приехали или прилетели в Лейпциг в качестве «пушечного мяса». Если так думал Эйве, то он ошибся. Экс-чемпион мира потерпел сенсационное поражение от молодого индийского шахматиста Аарона! В первый день олимпиады одна из ведущих европейских шахматных стран, Голландия, чуть ли не проиграла Индии.

Еще хуже закончился первый тур для команды Дании, которая проиграла команде Туниса с разгромным счетом 0 : 4.

Кричать «караул» маститым командам пока еще рановато, но приятно отметить, что шахматное искусство переживает золотой век.

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Лейпциг.

Рассказывают, что группа нигерийцев предложила изобразить на флаге независимой Нигерии солнце и комара в знак того, что именно они спасли страну от наплыва европейских поселенцев, не выносивших жары и гибнувших десятками от тропической лихорадки.

Болотистое устье Нигера называли «могилой белого человека». Но все же колонизаторы, не считаясь с жертвами, с XV века упорно «осваивали» эту область. И как страшный памятник их деятельности сохранилось старинное название нигерийского побережья: «Невольничий берег». Отсюда португальские, английские и французские купцы три с лишним века вывозили живой товар в Америку.

Казалось бы, что может быть позорней работорговли? Но на Западе находятся люди, которые считают, что с работорговли началось приобщение «диких» к цивилизации, что с появлением на Черном материке белого человека с мушкетом и кандалами началась африканская история. Да, но какая история? История кровавого колониализма, история истребления подлинных хозяев африканской земли, история ограбления ее несметных богатств.

На самом же деле у африканских стран своя многовековая история. Нигерия — родина древнейшей самобытной цивилизации Африки. На южном берегу озера Чад археологи обнаружили следы высокой культуры, относящейся ко временам до нашей эры. Достоверно известно, что близ озера Чад в X веке существовало могучее государство Канем, в XVI веке его сменило государство Борну. К западу от озера с XIII века появляются мусульманские султанаты. Одновременно на юге, неподалеку от морского побережья, расцвели самостоятельные государства Ифе и Бенин. Первые европейцы, посетившие Бенин в 1485 году, восторженно описывали столицу государства, богатейший царский дворец, восхитительные бронзовые статуи. В 1897 году английский флот вошел в устье реки Нигера и расстрелял этот древний город из корабельных пушек. Над Нигерией взвился флаг Британской империи.




Этот снимок мы получили накануне провозглашения независимости Нигерии. Так готовились нигерийцы к своему большому празднику.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

# Доброго пути, Нигерия!

1 октября 1960 года пестрый флаг Британии сполз вниз, уступая место зелено-бело-зеленому флагу независимой Нигерии.

Итоги колониального господства всюду одинаковы: однобокая сырьевая экономика, нищая и неграмотная деревня, сохранение пережитков феодализма и племенного деления. Интересно, что именно в Нигерии зародилась у английских чиновников идея «косвенного управления», то есть управление африканским населением через посредство традиционных владык — князьков, вождей и старшин, — принятых на службу в колониальный аппарат.

Это изобретение лорда Лугарда, губернатора Нигерии, нанесло особенно сильный ущерб развитию нигерийского севера. На юге колонизаторы построили для своих контор дома с кондиционированным воздухом, с электрическим освещением и телевидением, а на севере стоят угрюмые глинобитные дома эмиров, окруженные приземистыми хижинами общинников, царит мракобесие невежественного духовенства, затворничество женщин.

В результате колониального раздела прошлого века в границах Нигерии оказалось несколько африканских народностей и племен. Крупнейшие среди них — хауса на севере, ибо на юго-востоке и йоруба на юго-западе. Национальная проблема в однородно-африканском государстве не была бы трудной, если бы англичане, используя свой индийский опыт, не разделили коварно страну в 1947 году на три автономных провинции: Северную с населением 20 миллионов, Восточную с 8 миллионами и Западную с 7 миллионами. Раздел ослабил силы всенародного фронта борьбы за освобождение. Играя на национальных противоречиях и опираясь на поддержку северных феодалов, англичане сумели оттянуть предоставление независимости. Но ненадолго. Забастовка горняков Энугу в ноябре 1949 года, закончившаяся расстрелом рабочих, всколыхнула страну. После этого, встав на путь конституционных уступок, английское правительство уже было не в силах сойти с этого пути.

Дорога к свободе для Нигерии не была мирной прогулкой под ручку с колонизаторами, эта дорога залита кровью народных героев.

Нигерия теперь именуется доминионом, федерацией трех провинций. В каждой провинции свой парламент и премьер-министр. Федеральное правительство возглавляет Абубакар Тафава Балева. Главой государства считается генерал-губернатор.

Проблемы Нигерии — это обычные проблемы слаборазвитой страны. Прежде всего чрезвычайно низкий уровень жизни местного населения, особенно на востоке и на севере. А возможности страны воистину колоссальны. Нигерию называют последним крупным алмазом, выпавшим из британской короны. Хорошо орошаемые приморские низины, поросшие лесом, используются под плантации какао, масличной пальмы и бананов. Леса вдоль рек изобилуют деревьями ценнейших пород. Бескрайние саванны севера удобны для продуктивного скотоводства. Правда, почвы саванн далеко не те, о которых говорят: воткни оглоблю — вырастет телега; плодородный слой не превышает 10 сантиметров. Но хлопчатник и земляной орех дают там неплохие урожаи. Своеобразие сельского хозяйства Нигерии состоит в том, что здесь почти нет европейских плантаторов. Производителем сырья является нигерийский крестьянин, попавший в кабалу к колониальным компаниям, которые скупают у него продукты за бесценок.

Простое перечисление рудных месторождений в Нигерии заняло бы, наверное, полстраницы. Здесь нашли железо, свинец, цинк, олово, колумбит, вольфрам, золото, тантал, а также уголь и нефть. До сего времени вся добыча начисто вывозится из страны. Недаром железные дороги тянутся от главных горнодобывающих районов к портам. Теперь задача состоит в том, чтобы использовать богатейшие ресурсы страны в целях прогресса самой Нигерии.

Не менее важной и сложной остается проблема культурной отсталости. Сеть просветительных учреждений практически нужно создавать заново. Сейчас из детей школьного возраста учатся в Западной провинции 62 процента, в Восточной провинции — 40 процентов, а в Северной — лишь 5 процентов.

Передовые нигерийцы понимают, что для скорейшей ликвидации последствий колониализма в материальной и духовной сфере нужен разносторонний и равноправный обмен товарами, культурными ценностями, опытом, идеями с другими странами.

Ломая колониальные заборы, в большой мир выходит могучая Нигерия, страна древней истории и богатейших возможностей. Ее тридцатипятимиллионный народ шагает из прошлого в будущее.

**Л. ЯБЛОЧКОВ**




# НА СОРОКОВОМ ПЕРЕВАЛЕ

Сабит МУКАНОВ

Я вырос на необозримых просторах казахской степи, где нет ни гор, ни даже высоких холмов, и представлял, что гора — это конус, поднимающийся высоко над землей.

Неподалеку от родной моей степи — Кокчетавщина. Некоторые горы там действительно совпадали с моими представлениями о них. А потом, когда я стал взрослым, мне пришлось побывать на Урале, Тянь-Шане, Памире. И тогда я убедился в бедности своего детского воображения.

Передо мной открылась величественная панорама гор-гигантов. Они располагались террасами — одна выше другой, и самые дальние с величавым спокойствием дремали в синей глубине бездонного неба. Только солнечным лучам да отважным альпинистам были доступны их вершины. Вот откуда, наверное, у казахов родилась пословица: «Близко подножие горы, да далека вершина, близка слава хорошего человека, да сам он далеко».

На моих глазах родной край, Казахстан, поднимался с вершины на вершину, одолевая перевал за перевалом. И я знаю, какую вершину он штурмует сейчас, в свои сорок лет, потому что мы вместе с ним росли и вместе продолжаем мужать. Я один из тех, кто был свидетелем рождения республики.

В славном 1920 году в моей жизни произошло два великих события: Казахстан был провозглашен самостоятельной советской республикой, и я вступил в партию Ленина. Последнее выглядит фактом только моей биографии, если на это смотреть с точки зрения жизни одного человека. А если задуматься, то второе тесно связано с первым. Я видел, как рождался новый казах: казах-борец, казах-трудолюб, казах — властелин новой, светлой судьбы, казах — строитель своей республики.

Явственны плоды его усилий, усилий моего народа. Казахстан сегодня — это республика с хорошо развитой промышленностью и передовым сельским хозяйством. Об этом недавно, на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, рассказывал наш самый близкий друг Никита Сергеевич Хрущев:

«Возьмем, например, советские республики Средней Азии. Теперь Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан — все братские республики Средней Азии из отсталых колоний царской России стали передовыми, промышленно развитыми социалистическими республиками. За период с 1913 по 1960 год включительно продукция крупной промышленности возросла в перечисленных республиках в 60 с лишним раз. Такая некогда отсталая страна, как Казахстан, сейчас производит промышленной продукции на душу населения уже столько, сколько производится в Италии, а электроэнергии, например, на душу населения в Казахстане производится больше, чем в Италии, и столько же, сколько в Японии».

«До революции в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении не было высших учебных заведений, а в Киргизии, Таджикистане и Туркмении — даже техникумов, а в минувшем учебном году в этих республиках обучалось 211 тысяч студентов высших учебных заведений и 176 тысяч учащихся техникумов и других средних специальных учебных заведений. На каждые десять тысяч жителей этих республик приходится в среднем 88 студентов высших учебных заведений и 73 учащихся техникумов, не считая большого количества молодежи, уехавшей учиться за пределы своих республик — в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Саратов, Новосибирск, Томск и другие культурные центры. Напомним, что во Франции на каждые десять тысяч жителей приходится лишь 40 студентов высших учебных заведений, в Италии — 34, а в Западной Германии — 31, то есть почти в три раза меньше, чем в Советской Средней Азии».

Факты, приведенные Н. С. Хрущевым, свидетельствуют о богатой и многообразной жизни народов Средней Азии.

И вот смотришь на эти невиданные достижения экономики и культуры моей республики и вспоминаешь смешные картины прошлого. Взять, например, автомобиль. Впервые я увидел его в 1913 году. В то лето в нашем ауле, расположенном на берегу озера Дос, остановился крупный скототорговец из Кургана — Бурлэ. Он ехал на летнюю ярмарку в Атбасар для закупки скота. У него была своя легковая машина фирмы «Форд». Стояла сухая погода, и машина оставляла за собой густую завесу пыли. Наши аульчане не то чтобы видеть,— слышать никогда не слыхали о машине, которая заменяла бы несколько лошадей. Решив, что это движется смерч, люди стали поспешно укреплять юрты... А сейчас не допотопный «Форд», а самые совершенные машины ходят по улицам аулов, не вызывая ни у кого удивления. Да что там автомобиль! Многие жители аулов предпочитают теперь самолет автомобилю.

Прошлой осенью я был в Атбасаре. Там я встретил своего старого знакомого, и он мне рассказал вот какую историю. Один парень женился на девушке из Атбасара. Свадьбу они решили отпраздновать в Свердловске. И что же вы думаете? Молодожены улетели в Свердловск, прихватив с собой еще двадцать родичей невесты. В этом году я побывал в своем ауле. Там мне как-то задали такой вопрос: «Когда наши полетят на Луну? Если дело за людьми, то мы с удовольствием полетим». Я по выражению их лиц видел, что это говорилось не в шутку, а всерьез.

Давным-давно, в голодный год, кто-то изрек: «Пшеница — еда, а золото — просто металл». А теперь в казахских аулах ходит новая пословица: «Золото в пшенице». Правдивость этой пословицы подтверждается самой жизнью.

До 1955 года Казахстан был по выращиванию хлеба одной из отстающих республик. И вот прошло каких-нибудь пять-шесть «целинных» лет, и Казахстан обогнал по производству зерновых Украину и уверенно догоняет Российскую Федерацию. Производство такого невиданного количества хлеба не только укрепило зерновую мощь нашего государства, но и круто подняло уровень жизни местного населения. Усадьбы казахских колхозов и совхозов застраиваются новыми добротными домами. И сейчас, в какой бы аул вы ни приехали, везде вас встретят радость и счастье.

Быстро развивающаяся социалистическая экономика стимулирует рост нашей многонациональной культуры. Не будем далеко ходить за примерами. Когда-то (тогда я был еще подростком) мой дядя Нуртаза, съездив в Петропавловск, рассказывал: «Я видел лампу, горящую без жира, а свет ее яснее самого солнца!» А люди покачивали головами и вздыхали: «Ох, не придется нам увидеть такое чудо!» Теперь лампочки Ильича горят почти во всех аулах моей республики и в моем ауле. А радио, о котором бедняк не мог мечтать не только наяву, но и во сне, стало в каждом доме таким же привычным, как стол, стул, свет.

Прочно вошла в быт каждой семьи книга. За сорок лет Советской власти в Казахстане окончательно сложилась и окрепла казахская литература. Ее лучшие произведения завоевали популярность далеко за пределами нашей страны. А ведь гордость нашей дореволюционной литературы Абай Кунанбаев не смог опубликовать ни одного из своих творений. Теперь повести, романы, рассказы молодых писателей и опытных мастеров издаются огромными тиражами. Прогресс во всем, везде.

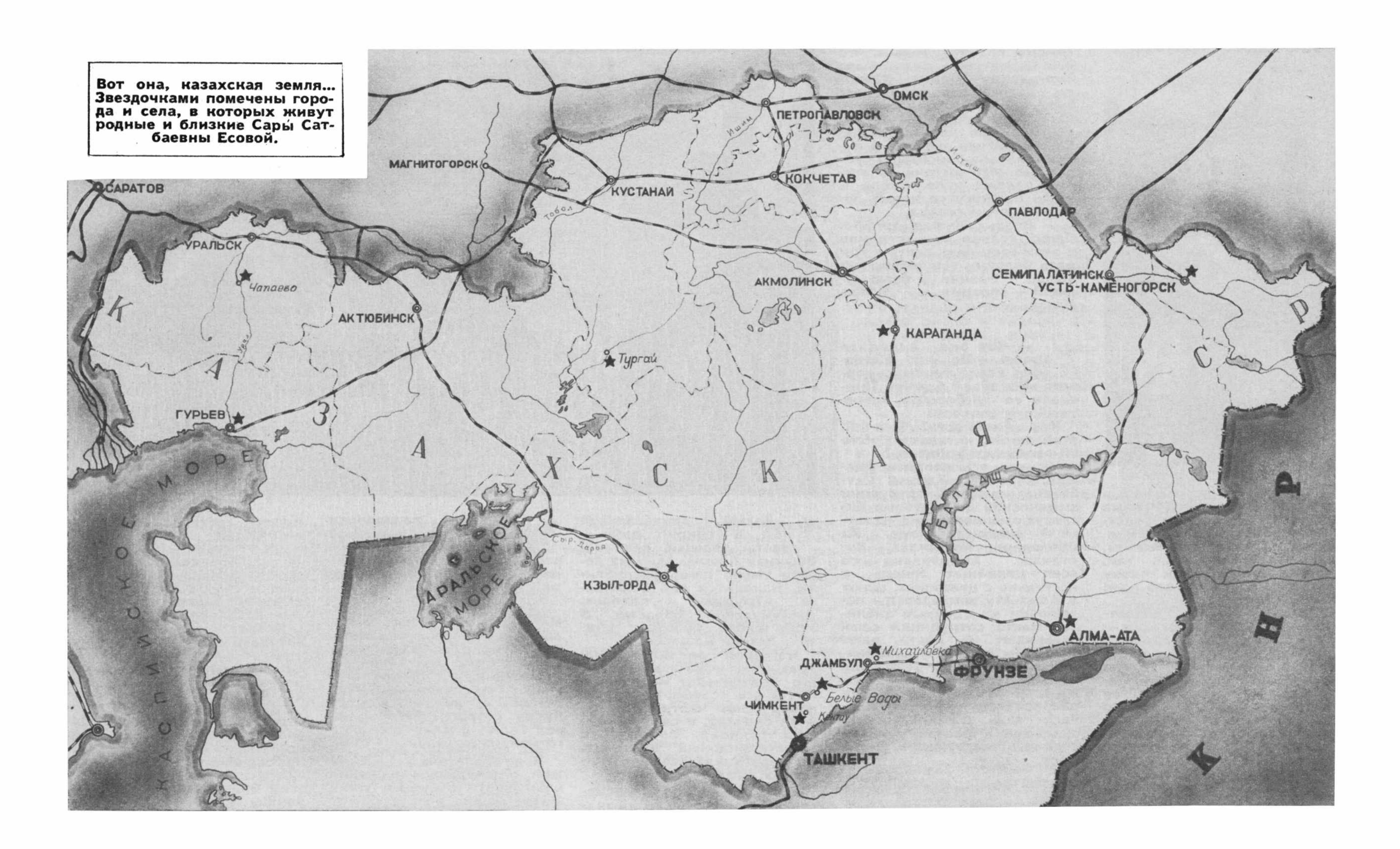
Всеми своими успехами казахский народ обязан Ленинской Коммунистической партии, ее мудрой национальной политике. В день сорокалетия своей республики он говорит великое спасибо Коммунистической партии, Советскому правительству, народам братских республик. Это спасибо необъятно, как казахская степь, ярко, как казахское солнце, пламенно, как сердце казаха.

НА СНИМКАХ: Рахметолла Муканов — ударник коммунистического труда. Он строит Бухтарминскую ГЭС.

Бурлит и пенится Иртыш у самой высокой в стране Бухтарминской плотины...

Фото А. Горячева.






**Вот она, казахская земля... Звездочками помечены города и села, в которых живут родные и близкие Сары Сатбаевны Есовой.**

# ДЕСЯТЬ ЗВЕЗД

**Галина КУЛИКОВСКАЯ**

**Фото А. Гостева, Б. Кузьмина, Д. Ухтомского.**

Токта! Атантусь!

— Стой! Слезай!

Девушка только ниже пригнулась к шее лошади, на полном скаку выхватила маузер из-за пояса и выстрелила, не целясь, в темные фигуры, летевшие наперерез. Сзади сухо щелкнул винтовочный выстрел: поддержал сопровождавший ее товарищ.

И вдруг первый из преследователей, чуть ли не в метрах десяти от Сары, круто осадил коня и резко повернул назад.

Что случилось? Надеялись встретить ее одну? Или перестрелка не входила в их расчеты?

Впереди, где-то совсем недалеко, залаяли собаки. Там, за горой,— осталось только обогнуть ее по узкой тропинке — аул.

— Проскочили! — с облегчением вздохнула девушка, зорко различив в темноте приземистые массивные лепешки юрт...

Вот как бывало в те беспокойные годы. В горах прятались еще не добитые басмачи и алашордынцы. То тут, то там вспыхивали зарницы пожаров, поднималась стрельба. Давно это было. Лет сорок назад, когда в черно-смоляных косах не блестело серебро.

Нет, не просто девушка с пятиконечной звездой на гимнастерке неслась тогда стремительно на коне! То была сама боевая юность, рвущаяся в грядущее.

Наша встреча с этой огненной юностью, ее юностью, неожиданно началась в музее.

Искали мы в Алма-Ате большую семью с глубокими, идущими из Октября корнями. Семью ветвистую, которая, подобно гигантскому древу, пустила бы молодую поросль по всей казахской земле. И оказалось, что найти такую семью не так-то просто, хотя много, очень много хороших людей живет в зеленокудрой, звенящей ручьями красавице Алма-Ате. Поехали мы в Тастак — недавно это был еще пригород, а теперь тоже в черте столицы — к старому коммунисту Игену Тастанбекову. Когда-то, в двадцатые годы, он создавал в Семиречье ревкомы, боролся за первые кооперативы. Много времени прошло с тех пор. Сейчас Тастанбеков — персональный пенсионер, глава большой семьи. Шестеро сыновей у него и четыре дочери. Пришли мы в тихий проулочек, толкнули легкую калитку и попали на пир. Женился четвертый сын! Кого только не было за свадебным столом! Учительница и авиатор, связисты и работники торговли. Приросла эта обширная родня к Игену Тастанбекову, к его беленькому в яблонях домику и не выходит из пригородной алма-атинской орбиты. А нам ведь нужна семья, судьба которой была бы связана со многими уголками республики!

Прослышали мы про казахского исследователя, который поразил ученый Париж своим докладом, сделанным на чистейшем французском языке, про родню создателя «жуматовки», особого сорта пшеницы, которая на итальянском рынке вытеснила канадскую... Но маловаты их семьи, а мы ищем большую фамилию.

Познакомились еще с другими родословными. Пришли в Центральный музей Казахстана, решили поговорить с его директором Сарой Сатбаевной Есовой. Сказали нам, что она хорошо знает ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны, часто ездит, много видит.

Невысокая энергичная женщина, с очень живыми, еще сохранившими лукавство молодости черными глазами, охотно согласилась помочь. Пока Сара Сатбаевна с кем-то советовалась по телефону, что-то выписывала, листала книги и вспоминала, мы с экскурсоводом отправились по залам музея. Шли мы мимо диорам джайляу и рудников, мимо чучел тигров и медведей, мимо юрты кочевника и старинных предметов одежды, мимо портретов первых просветителей в Казахстане и мимо пушки, которая верно служила героям знаменитой Черкасской обороны...[1]. И тут наше внимание привлек снимок, вернее, одно лицо на нем, показавшееся удивительно знакомым, только что виденным. Под ним значилось: «Группа комсомольцев первого поколения. Снято 29 октября 1958 года».

Не сама ли это Есова? Конечно же, это она!

Экскурсовод подводит нас к еще одной музейной реликвии. Большая фотография, наклеенная на толстый с изломами по краям пожелтевший картон, она несет на себе следы далекой поры. Тесными рядами сомкнулись казахи и русские, уйгуры и украинцы. Рудокопы Риддера и чапаевцы, шахтеры Караганды и джигиты-партизаны Тургая, нефтяники Эмбы и железнодорожники Актюбинска. Те, кто завоевывал и утверждал на казахской земле Советскую власть. Законно заседают они на первой Всекиргизской конференции РКП большевиков. В центре — секретарь ЦК РКП(б)

← Сара́ Сатбаевна ЕСОВА.

Фото Д. Ухтомского.

[1] Под таким названием вошла в историю полуторагодичная героическая борьба с белогвардейцами крестьян Лепсинского уезда в Семиречье.



★ Фотоаппарат — хороший помощник Ислама Исаева, одного из родственников нашей героини. Он объективно «запомнит», если что делается не так. А ему, Исаеву, как члену коллегии Госстроя, все надо знать и помнить.

Самая, пожалуй, хлопотная у него профессия — строитель. По образованию военный инженер, в войну он строил и восстанавливал морские сооружения на Балтике. И теперь занимается строительством, только гражданским, по всему Казахстану. Где только не приходится ему бывать: и в новой столице горняков, городе коммунистического завтра — Рудном, и в Караганде, и в Джезказгане, и в Темир-Тау, и на целинных элеваторах, и на лесах здания новой гостиницы в Алма-Ате.

И все время границы нового раздвигаются. Вернее, нет новому границ. Только что еще безмятежно тихой была Тургайская долина. Кажется, после революционных бурь, шумевших над ней, ничего не замечалось тут особенного. Так нет же, копались-копались геологи и нашли сначала бокситы, а сейчас на юго-востоке огромные залежи угля. Скоро и здесь поднимутся новые поселки, потом города.

— Везде большая стройка. Одних только жилых домов в этом году надо сдать в три раза больше, чем шесть лет назад. Размах богатырский! — говорит Ислам Исаев.



★ — Вот она, целинная земля! — Марьям Сатбаевна Есова бережно держит ее в своей ладони. Прислали ее хлеборобы кокчетавского совхоза.

Что в ней есть? Чего ей, этой земле, не хватает? Что ей требуется добавить?

На все эти вопросы должна ответить Марьям Сатбаевна, научный сотрудник химической лаборатории Института почвоведения Казахской академии наук. Из Павлодара, Кокчетава, Кустаная, Акмолинска — со всех целинных земель, и не только с целинных, шлют в Алма-Ату земледельцы посылочки на срочные анализы. Часто сотрудники сами выезжают на места, дают совхозам советы и рекомендации. И Марьям Сатбаевне приходится нередко выезжать. В этих вопросах она разбирается глубоко. Кончала ведь Тимирязевскую академию в Москве, училась у самого академика В. Вильямса.



★ Белый двухэтажный дом, а вокруг дома — цветы, деревья, делянки. Обычная школа, одна из десяти тысяч школ республики. Находится она в колхозе «Трудовой пахарь», Джамбулской области. В этой школе работает учитель Жанай Башаров.

Нарушил он фамильную традицию и не пошел, как его брат Давлет Башаров и почти все Исаевы, по животноводческой части. Правда, и он сначала, в силу семейной традиции, поступил в зооветеринарный институт. Но перетянула все же педагогика. Стал учителем.

Только прибыл в Акжарскую школу, только познакомился с ребятами, пообвык — война. Прошел с пехотой от Сталинграда до Праги. Был и в Берлине.

После войны снова та же школа. Любит этот не очень разговорчивый человек детей. Близки ему все их дела и заботы. И хоть не биолог он, а историк, но если дети работают на пришкольном участке, то и учитель с ними.

— Человек должен многое уметь, многое знать, — говорит Башаров. — Ведь раньше у нас только два процента всего населения владели грамотой. А сейчас в школах обучается полтора миллиона ребят.

★ Как она разволновалась, Галия, приемная дочь Сары Сатбаевны, как засуетилась, когда мы передали ей привет от матери!

— Как мама выглядит? Не шалит ли сердце? Здорова ли? Не переутомляется ли? — так и посыпались вопросы. — Ведь она такая неугомонная, а годы-то не те уж... А что поделывает Нурланчик? — так нежно, по праву старшей сестры, зовет Галия вполне степенного кандидата наук.

И вот уже вместе с Салимой, дочерью, поспешно накрывает нехитрый ужин. Разве можно просто так отпустить гостя, если он от самой Сары?..

На столе — чай, виноград, лепешки, яблоки. Все свое. Чистенький домик утопает в саду. А за садом — длинная-предлинная в Белых водах улица...

Колхоз имени Ленина, в котором они живут, большой, богатый. Все в нем есть: хлопок и пшеница, сады и бахчи. И, конечно, овцы. Разве может быть казахский колхоз без овец? В этом году, говорят, доход его возрастет до 18 миллионов. А по доходам и все остальное. Восемь школ в колхозе. А какая в нем отличнейшая, по всем правилам сооруженная баня!..



Емельян Ярославский и старый большевик, друг питерских рабочих казах Алиби Джангильдин.

Среди хмурых и озабоченных мужчин (шел тысяча девятьсот двадцать первый голодный и холодный год), среди кепок и фуражек, флотских бескозырок и папах — несколько женских лиц. Всего несколько из нескольких сот делегатов! И они — знамение времени. За два-три революционных года гигантский скачок совершила из плена рабства женщина Востока. Если бы не Октябрьская революция, то какую бы работу в тесной и дымной юрте старого, нелюбимого мужа выполняла бы та широколицая казашка-девчонка, примостившаяся перед объективом в первом ряду? Размалывала бы камнями, стирая в кровь пальцы, зерно? Иль баюкала бы, сама почти ребенок, надрывающегося от плача своего младенца, завернутого в грубую овчину?

Белая кофточка девушки подчеркивает черноту густых кос, переброшенных через плечо. Сколько же ей лет?

— Восемнадцать здесь нашей Саре Сатбаевне, — ласково замечает экскурсовод. — Коммунистка уже. И восемнадцать ей было, когда она, счастливая, видела Ленина, слушала Ильича. Где? На Девятом Всероссийском съезде Советов. Нет, не как гость, а как полноправный делегат от Киргизской автономии.

Так вот кто, оказывается, та юная, с косами, казашка со старой фотографии: наша новая знакомая Есова! Вот какой была ее молодость. Богатой же должна быть и вся жизнь, начинавшаяся так бурно!..

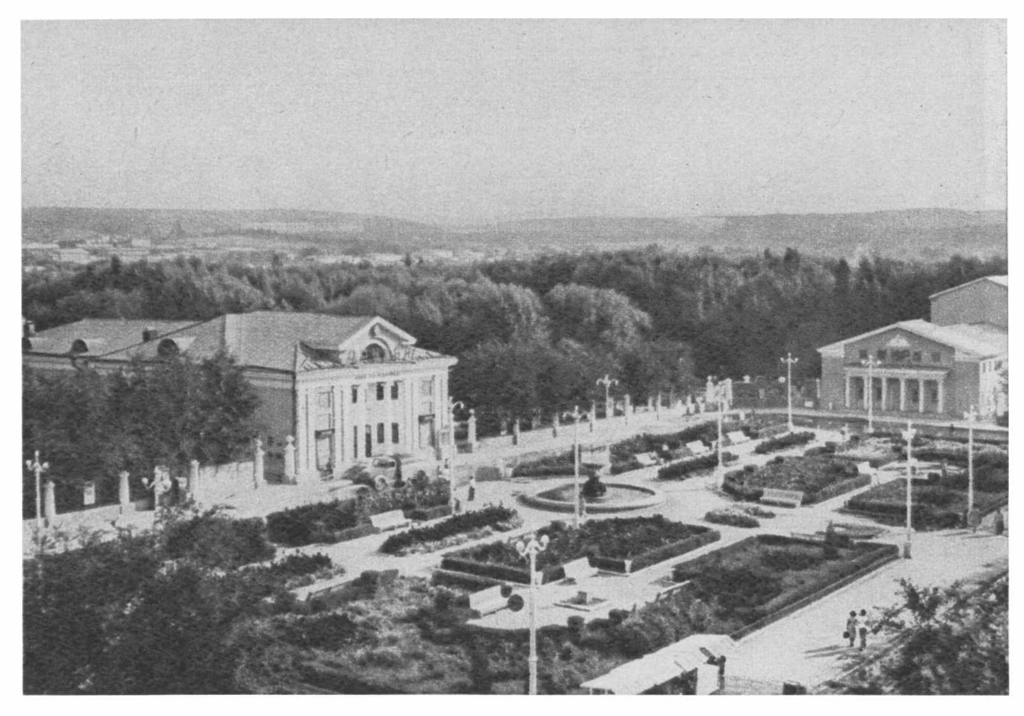
Молчит молоденькая экскурсовод-казашка. Недавно она в музее. Нет, больше, чем написано в книгах, она о своем директоре не знает. Но и то, что написано, очень много. Первые совещания и съезды женщин Востока. Их организовывала и открывала она, Есова. Руководящие органы партии и комсомола. Много раз выбирали в них ее, Есову. Первая женская газета. Потом первый женский журнал. Их первым редактором была она, Есова. С Надеждой Константиновной Крупской и Александрой Михайловной Коллонтай советовалась по вопросам работы с женщинами Востока она, Есова. Известная, видная всем биография. Но все ли ее страницы раскрыты? Попробуем остановиться на некоторых из них...

Первая страница — почти из детства.

Перовск (позже Кзыл-Орда) — тихий уездный городок. Когда проезжает телега, на улице долго висит облако едкой пыли. Скучно жить в Перовске. Душно. Скорей бы возвращался старший брат, Ергали! Он всегда привозит какие-нибудь необыкновенные новости. Но в то лето Сара сама уехала. Уехала в Оренбург, в педагогическое училище. Редко кто из казахов посылал девчонок учиться, да еще из таких бедных, каким был ее отец.

Ергали встретился с сестрой в Оренбурге. Не то чтобы она очень подросла, но как-то изменилась, посерьезнела. Волосы гладко и строго зачесаны назад. Под прямым и коротеньким росчерком бровей — пытливые, быстрые глаза. Как она слушала брата, когда он рассказывал о Москве и Петрограде и об Октябрьской революции! Именно из его, Ергалиных, уст она впервые услыхала великое имя, обнимающее для нее все новое, в котором, предчувствовала она, лежит и ее будущее, — Ленин.

Через четыре года Сара вернулась в Перовск. Нет, он не показался теперь ей скучным. Она знала, что́ ей надо сейчас здесь делать. Делать — это значит прежде всего быть комсомолкой. Таково логическое следствие ее убеждений и взглядов. Делать — это значит не только преподавать историю и географию в школе, ученики и ученицы которой намного старше ее самой, молоденькой учительницы. Делать — это значит вести кружки ликбеза для женщин-казашек и заниматься с железнодорожниками. Это, наконец, ходить вечерами помогать детским домам и интернатам и репетировать спектакли в кружках художественной самодеятельности. На все хватало у нее энергии и времени. В ней словно пробудились дремавшие силы, которые исподволь накапливались из поколения в поколение и теперь вдруг прорвались. Что ж удивляться тому, что ее, деятельную и горя-





★ Кадырбай Утегалиев — двоюродный брат Сары Сатбаевны. Стихия этого молодого человека — вода. А ее очень и очень не хватает пескам Туранской низменности. На этих песках сеют рис и пшеницу, выращивают кукурузу и дыни. И еще как! Ведь именно здесь, в Кзыл-Ординской области, установлен мировой рекорд по урожайности риса — 150 центнеров с гектара. Но урожай зависит от влаги. Специальность Кадырбая, мелиоратора, очень нужна здесь.

На государственной опытной станции Утегалиев занимается рисом и бахчой. Сооружает арыки, пускает и перекрывает в них воду, замеряет ее температуру и дозу... Словом, определяет наилучший водный режим для плантаций.

— А как у вас, в России, с поливными землями? — спрашивает Кадырбай.— Как на Ставропольщине, на Кубани? Хочется вырваться на Волгу, посмотреть каналы, шлюзы, Цимлянское море!

Как не понять его: хозяину воды в пустыне нужно видеть и настоящую «большую воду»!



★ Удивителен город Кентау: вырос он в горах, здесь нет реки, нет железных дорог, а красив и живописен, как только бывает в восточной сказке. Все в нем есть: плавательный бассейн, пруды с рыбой, площадь, которая так и называется Площадью Цветов, улицы, напоминающие парк, в зарослях которого прячутся от зноя дома — новые, светлые, чистые. И везде вода, она струится и журчит в асфальтовом ложе вдоль тротуаров, мощные насосы гонят ее к фонтанам и бассейнам. Воду эту, так же как и город, породили рудники.

Дело в том, что грунтовые воды очень близко подходят к выработкам Ачисайского комбината. И если не откачивать их, то затапливают шахты. Их вывели в молодой, строящийся город.

Все это чудесное рождение Кентау произошло на глазах Турсуна Есова. В 1951 году Алма-атинский горнометаллургический институт послал его сюда. Работал сначала под землей рядовым инженером смены, потом начальником смены на участке Баялдыр. Ездил в Болгарию. Сейчас он управляющий шахтстроем всего комбината. А жена его Наталия — инженер по технике безопасности.



★ Бибигуль — цветок — такое нежное имя дали этой крошечной девочке. Она родилась в тот самый знаменательный день 19 августа, когда в небо так счастливо взлетел корабль-спутник со Стрелкой и Белкой...

Бибигуль — самый юный отпрыск в династии Исаевых — Есовых. Ее дед Керей Исаев — коневод в зауральской степи. А физик Нурлан Исаев приходится ей дядей. А мама Хабиба Акчулакова — инженер-теплотехник «Гипроказнефти» в городе Гурьеве. Вероятно, и папа имеет отношение к нефти, раз они живут в таком «нефтяном» городе?

Урал Акчулаков — коренной нефтяник. Здесь родился, здесь и вырос. Сюда после окончания Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина перетянул и Хабибу. Сейчас он старший геолог разведывательной партии. Ищет нефть, ищет новые сокровища в казахстанской земле.

---

чую, избрали членом уездного исполкома? Семнадцатилетнюю Сару засыпали тогда письмами и поздравлениями. Ведь это был первый случай, когда женщина-казашка стала представительницей власти.

Потом в ее жизни произошло самое важное событие. Она вступила в партию. Это было в июле 1920 года.

А через два месяца, осенью, она вдруг... исчезла. Убежала Сара тайком, бросив все: своих великовозрастных учеников и кружки ликбеза, уисполком и самодеятельные концерты, родительский дом и даже дочь свою — белоголовую Галию. Но о дочери — особая, третья страница.

Скрылась Сара внезапно, не предупредив никого, не попрощавшись ни с кем: ни с отцом, ни с подругами, ни с друзьями, ни с учениками. И только два человека были посвящены в это загадочное происшествие: все понимающая ее мать Ажар и первый секретарь укома партии, который снимал ее с учета.

...Ребенку три года. Круглая юрта с низким пологом — для него целый мир. А степь, что открывается за юртой, пугающе безбрежна. Ребенок еще совсем беззащитен и плачет от



→ Группа делегатов Первой краевой конференции РКП (большевиков). 1921 год. В первом ряду, вторая слева,— Сара Есова.



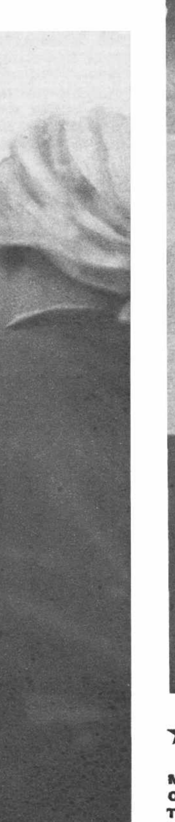
★ Попробуйте себе представить половину больничной койки на тысячу человек. Нелепость? Но именно такое соотношение существовало в Казахстане менее полувека назад. В огромной стране, раскинувшейся от Каспия до Тянь-Шаня, было всего лишь... 186 врачей. Сейчас их почти 11 тысяч в Казахстане.

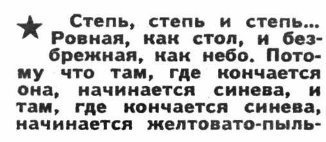
Батима Картабаева, родственница Сары Сатбаевны,— одна из них. Она главный врач районной больницы в Тургае.

На сотни километров отдален от железных дорог Тургай. Только в особых, неотложных случаях выбираются сюда животноводы. Но чаще всего делать это им и не приходится. Картабаева садится в санитарный самолет или в санитарную машину и проникает в самые недоступные уголки. Она не только оказывает помощь заболевшим, но и проверяет здоровье всех подряд — и детей и взрослых. Профилактика — главный принцип в ее работе.

Любят Батиму в народе. Коммунисты района оказали ей большое доверие, избрав сначала в члены райкома партии, потом — Кустанайского обкома. А на X съезде Компартии Казахстана она избрана членом Центрального Комитета.







★ Степь, степь и степь... Ровная, как стол, и безбрежная, как небо. Потому что там, где кончается она, начинается синева, и там, где кончается синева, начинается желтовато-пыльный ковер. Можно ехать по нему час, другой, целые сутки и не встретить ничего, кроме пожухлой за знойное лето травы. Ковыль, типчак, редкие кустарники возле озер — вот, пожалуй, и все...

Но нет ничего на свете милей Керею Исаеву, чем эта степь. Росли они все вместе, четыре родных брата: Есенгали, Ураз, отец Нурлана и Бекета, Керей и Ислам Исаевы. Но только один из них,

---

слепня. Но судьба его предрешена. Еще не успевшая распуститься жизнь навек отдана в распоряжение другого, вероятно, все уже изведавшего человека. Проданная жизнь! Саре не было и трех лет, когда ее отец стал получать за нее калым. «Невеста» выросла, времена изменились, но родственники «жениха» и знать ничего не хотели. Грубо и нагло они выслеживали ее, ожидая только удобного случая, чтобы схватить и увезти. И в тот момент не было, вероятно, у девушки другого выхода, как только скрыться. Нет, не малодушие, а голос рассудка толкал ее на этот шаг. Спасаясь сама, она несла свободу другим. Ведь сколько раз бросалась она на выручку своих подруг по несчастью! И делала это с истинным адвокатским блеском и завидным бесстрашием.

По заданию крайкома партии Сара ездила из района в район, из аула в аул, сообщая женщинам радостные вести: в 1920 году был издан декрет об отмене калыма, запрещении многоженства и аменгерства[1]. Казашки и узбечки бросали свои дела и удивленно обступали странную посланницу, одетую не по народному обычаю: гимнастерка цвета хаки, перетянутая ремнем, такая же юбка, мужская шапка, только без козырька. Кое-кто не верил, что Сара — женщина. Тогда девушка срывала шапку, и две косы змеились по спине. Или высоким сильным голосом запевала любимую «Сулушаш». Тогда сомнений ни у кого больше не оставалось, и тут же завязывались откровенные разговоры.

Как-то в горном ауле, километрах в ста от Ташкента, шел показательный процесс. Есова была общественным обвинителем. Она произнесла страстную обличительную речь, которой зажгла всех и вызвала бурное негодование против калымщиков. Возвращалась в город Сара поздно ночью, верхом. Выехала из аула в полной темноте, перешла благополучно вброд быструю речку. Все спокойно, как будто никого нигде. И вдруг подозрительно частый цокот копыт. Так настигает только погоня.

— Токта! Атантусь!

Потом произошло нам уже известное...

Нет, нелегко было в те трудные годы отстаивать права женщин на новую, светлую жизнь...

Что же касается ее дочери, то вот эта история.

Относится она к тому периоду, когда учительствовала Сара еще в Кзыл-Орде (Перовске).

Сидела как-то дома, проверяла тетради учеников, и вдруг стук. Кто бы это?

Открыла дверь, а на пороге двое: девочка и мальчик. В лохмотьях — а на улице зима,— грязные, с ввалившимися глазами. Просят хлеба. Сара взяла их за руки и провела в комнату. Раздела, отмыла ребят, висевшую на них клочьями одежду тут же сожгла. Потом накормила и уложила спать. В тот момент она еще не знала, что будет с ними делать. Гражданская война обездолила многих ребят. Детские дома и колонии были переполнены. Часто брали детей на воспитание в семьи. И Сара, глядя на уснувших ребят, тоже решила: оставлю у себя.

Наутро мальчик сбежал, а Галия осталась. Сара полюбила эту светловолосую тонкую девочку, везде возила ее за собой — в Ташкент, Оренбург, Алма-Ату. Дала ей свою фамилию — Есова. Так у нее появилась дочь.

Галия спокойно росла под крылом своей юной приемной матери: ходила в школу, училась в рабфаке, поступила в институт. Да, девочка была уже в вузе, а Сара могла только мечтать о нем. Для нее, считала она, время не наступило. Только много лет спустя, перед самой войной, она окончила вуз. А в то время поступала так, как ей подсказывало ее большое, доброе сердце: прежде всего надо поднять детей. Теперь их было у нее трое. Кроме Галии, Турсун, родной брат Сары, еще совсем мальчишка, и Марьям, ее сестра.

Итак, эта страница биографии С. С. Есовой невольно привела к ее семье. Что она собой представляет? Как же сложились даль-

[1] Обычай, обязывающий вдову выйти замуж за ближайшего родственника умершего мужа.



он, Керей, ушел на эту обнаженную зауральскую землю, на которой хозяин лишь он да ветер!

Свистит ветер, подвывает в непогоду вокруг маленького саманного домика, будто дразнит Керея. А Керей ухмыляется только, погладит по щечке младшего сына, сядет на коня, зорко всмотрится в даль. Где же его табуны?.. И тут ему ветер — помощник. Схватит где-то на лету далекое ржание и поднесет на невидимых крыльях к самому уху Керея. И верно: поскакал в указанном ветром направлении Керей — и вон уже клубится пыльная туча: там они, быстроногие...

★ Высокие, стройные девушки — племянницы Сары Сатбаевны. Светлана — молодой врач, только что окончила институт. Роза — директор кинотеатра. Живут они в той самой Кзыл-Орде, в которой... Нет, девушки до сих пор без улыбки не могут слышать этой истории из тетиной юности. Она для них как вымысел, как анекдот. Разве можно себе представить, чтоб их кто-то украл или куда-то кому-то продал? Сами себе выберут они и занятие по душе, сами найдут и спутника в жизни.

Светлана доверительно нам сказала, что этот вопрос лично ее пока не волнует. Мечтает она об аспирантуре.

Что ж, может быть, по-своему она и права?

Водят девушки нас по городу, показывают свою асфальтированную, живописную Кзыл-Орду. От старого пыльного Перовска осталась, пожалуй, только мечеть, в которую сейчас мало кто ходит.

А вон возле кинотеатра имени Амангельды — сад. В его закладке, когда здесь была столица, участвовала тетя. Сара Сатбаевна хлопотала о саженцах, организовывала молодежь... Теперь сад вырос, шумит высокой кроной.

★ Сорок пять минут летит «Як-12» от Уральска до Чапаева — большого села на правом берегу Урала. И сорок пять минут под крылом самолета — голая равнина с вкрапленными в нее озерами. Гуляют по ней ветры, навевая воспоминания о героических былях этих мест.

В селе — музей В. И. Чапаева. В этом доме находился штаб 25-й стрелковой дивизии. А возле районного Дома культуры стоит сам Чапаев, в бурке и папахе. На берегу реки возвышается обелиск. Он сооружен на том самом месте, с которого бросился Чапаев в мутные воды Урала...

Село разрослось. В нем сейчас несколько школ и библиотек. На многие сотни метров протянулись его улицы. Пройдите по ним, и вы обязательно встретитесь с родными Ураза Исаева, покойного мужа Сары Сатбаевны. Плотный и кряжистый, уже немолодой человек в кепи — Давлет Башаров. Его здесь знают все — чабаны, табунщики, доярки и свинарки.

Башаров со своей семьей — а она у него немалая: двое взрослых сыновей и четверо малых ребят — занимает отдельный дом. Но как ни велика его семья, всегда в этом доме найдется место для гостя. То приедет из колхоза Есенгали Исаев, то нагрянут племянники...



нейшие судьбы ее воспитанников, где они сейчас?

...Дневной зной спал, и с Ала-Тау вместе с быстрыми сумерками в город неслышно спустилась прохлада. Улицы притихли — и тем громче кристальный перезвон снежных вод. В этот час алмаатинцы распахивают окна, двери, террасы навстречу свежему дыханию гор. И Сара Сатбаевна раскрыла двери балкона.

Дома она не одна. Молодой человек с английской книгой в руках — ее старший сын, Нурлан. Его фамилия по отцу — Исаев. Высокий лоб. Живые глаза. Не удивительно, что перед его портретом останавливались посетители Всемирной выставки в Брюсселе. Вероятно, они восклицали при этом: «Как, этот казах — аспирант, физик-ядерщик?» Поистине необыкновенная судьба потомка чабана!

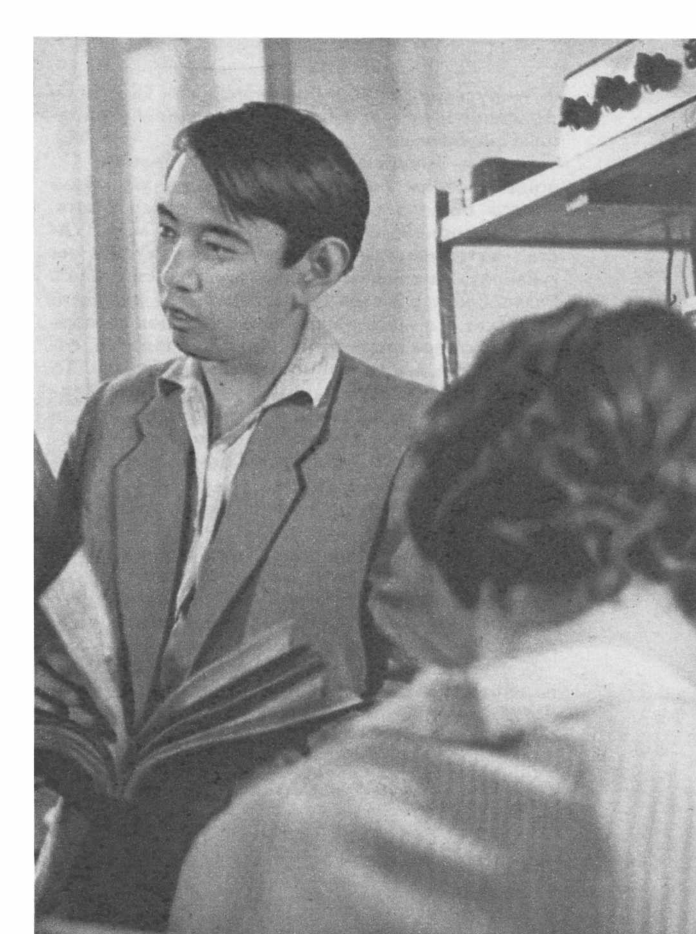
Да, дед Нурлана был скотоводом, а Нурлан — ученый. Что ж в том удивительного? Обычное явление, ставшее в нашей стране закономерностью. И все же его дорога в науку не совсем обычна.

Учился мальчик в школе, очень любил физику и математику. И на исходе седьмого класса мальчик пришел к категорическому выводу: кончать десятилетку за десять лет в военное время непозволительно медленно, нельзя ли это сделать побыстрее, хотя бы за восемь лет? Нурлан ушел из школы и стал заниматься сам. Через год сдал экзамен на аттестат зрелости с отличными оценками по физике и математике. И сразу же — в университет. Пришлось приемной комиссии зачислить пятнадцатилетнего юнца на физико-математический факультет.

Расчет Нурлана оказался верным. Он выиграл два года. И еще через пять лет, получив назначение в Усть-Каменогорск, повторил начало пути своей матери: стал учителем. И так же, как у матери, так и у сына школа была только первым, отправным этапом на жизненном пути. Занимаясь с детьми, он не переставал мечтать о большой науке. Влекло его на передний край физики — к ядерным исследованиям. Поступил в аспирантуру. Диссертация, которую он защитил в мае этого года, посвящена приближенным методам расчета некоторых видов реакторов.

Будущее кандидата физико-математических наук определено: путешествие в глубь ядра. Он совершит его в Институте ядерной физики, двадцать первом по счету институте Академии наук Казахской ССР, созданном на земле кочевников-скотоводов.

Сара Сатбаевна очень хотела бы показать нам своих внуков — Арика и Ирен. Девочка названа так в честь французской ученой Ирен Жолио-Кюри. Недаром же она дочь физика! Но сейчас внучата гостят у другой бабуш-



→ Нурлан Исаев, сын Сары Сатбаевны, в институте.

★ ...Грация Прохорова — экономист. Она работает в статистическом управлении Восточно-Казахстанской области. В ее руках, можно сказать, пульсирует жизнь всего бурно растущего рудного Алтая. Каждый день приходят в управление со всех сторон сводки — с Зыряновского, Лениногорского, Усть-Каменогорского и Белогорского комбинатов.

Рапортуют гиганты цветной металлургии. Недалек час — резко подскочит вверх кривая добычи свинца в Зыряновке. Здесь создается один из крупнейших рудников открытой разработки.

Когда Нурлан Исаев приехал в Усть-Каменогорск, ГЭС тут только строилась. Появился на свет Арик, первенец Нурлана, — станция заработала. А сегодня уже миллионы киловатт выдала Бухтарма. Грация прикинула, что в выработке энергии на душу населения Восточный Казахстан скоро превзойдет США. А ведь в будущем на усмиренном и обузданном Иртыше появятся по соседству с существующими другие ГЭС — Шульбинская, Семипалатинская... И может быть, сегодня проектировщики склонились уже над схемами новых плотин: Белокаменской, Известковской, Анжарской, Подпусковской, Ямышевской, Павлодарской, Омской... Созвездие ярких огней озарит воды буйного Иртыша. Вот она, частица того грядущего, за которое боролись комсомольцы первого поколения!



★ Нурман Джанзаков, сын Есенгали Исаева, — тоже врач, только ветеринарный. Это ему, как утверждает Сара Сатбаевна, обязан Бекет, ее сын, выбором своей профессии.

Пациентов у Нурмана гораздо больше, чем у его жены, Батимы Картабаевой. Тем не менее и он соблюдает золотое правило профилактики. Поэтому Нурмана трудно застать дома: все больше он в пути, в дороге.

За годы работы здесь — а в Тургае Джанзаков уже шесть лет — врач собрал немало экспериментального материала. Систематизирует его. Может быть, через несколько лет ему суждено стать вторым кандидатом наук среди Есовых — Исаевых?

ки — русской, в Усть-Каменогорске. Там, кстати, живет и их любимая тетка, Грация Антоновна Прохорова.

Бекет — младший сын Сары Сатбаевны. Он пошел совсем по другой линии, не имеющей ничего общего ни с точными науками брата, ни с историей, которой занимается мать. Он стал ветеринарным врачом. Будет ездить на джайляу, на целину, везде, где пасутся стада... Разве Бекет не сын Сары Есовой? В двадцать три года его мать направляла по заданию партии свою показательную Красную юрту в самые глухие места родной казахской земли. То не байский караван двигался по пустыне! Верблюды везли учебники и тетради, аптечки и кухонную утварь, с которой надо было знакомить женщин. В караване ехали народный судья, учительница, врач...

— А ваша маленькая Галия? А Турсун? А Марьям?

С ними и с остальными своими родичами Сара Сатбаевна познакомила нас заочно.

— Мой брат, его дети, деверь, отец моей двоюродной сестры, сын тетки, племянница, дочь деверя... Муж сестры...

Она называла имена, техникумы и институты, которые они кончали, города, поселки и села. И перед нами вставали рудники, поля, новостройки, пастбища, нефтяные вышки. Нам захотелось побывать у них и посмотреть, как они живут, о чем мечтают. Ведь это будет еще одна встреча с юностью — юностью второго поколения, юностью детей!

Родных оказалось так много, что мы решили взять географическую карту и отмечать на ней звездочками места, связанные с ними. Карту разложили на столе и поручили рисовать Нурлану. Первая звезда, конечно, в Кзыл-Орде. Это родина Сары Сатбаевны. Нурлан набрасывает красным карандашом пятиконечный контур. И звезда выглядит символично. Ведь именно здесь по воле Сары Сатбаевны, и таких, как она, и ее старших товарищей зажигалась и разгоралась одна из звезд новой истории.

В Кзыл-Орде, бывшем Перовске, жил ее старший брат, Ергали. Он тоже боролся за красную звезду, воевал с басмачами, получал из рук М. В. Фрунзе именное оружие за отвагу.

— Теперь, Нурлан, рисуй звезду в Чапаеве. Там родина твоего отца.

Мы смотрим на северо-запад республики. Вот она, маленькая точка на реке Урал. Чапаево, бывший Лбищенск. Здесь, на высоком берегу реки, — светлый обелиск легендарному командиру. В рядах чапаевцев воевал казах-коммунист, сын местного рабочего-строителя, ныне покойный Ураз Исаев, муж Есовой. Всю свою жизнь он боролся за счастье казахского народа.

А из Кзыл-Орды и Чапаева, как птенцы из родословных гнезд, разлетались в разные стороны молодые и подрастающие наследники династии Есовых — Исаевых. Юг, запад, север, центр... Гурьев, Тургай, Джамбул, Караганда... Едва успевал Нурлан рисовать все новые и новые звезды. Последнюю он вывел в Кентау — молодом прекрасном городе возле Чимкента. Здесь работают и живут два инженера, два горняка: чернобровый казах Турсун Есов и его жена, светло-русая украинка Наташа Толокнцева. Приехали сюда, когда не было никакого города. А теперь на диво всем здесь раскинулись площади и проспекты. Кто же станет отрицать, что они зажигали здесь самую молодую звезду — звезду казахстанской семилетки?!

Подсчитали количество звезд на карте — получилось десять. Десять звезд в девяти областях республики! Подсчитали профессии — набралось шестнадцать. Вспомнили, что есть депутаты местных Советов и даже член ЦК Компартии Казахстана — главный врач Тургайской больницы Батима Картабаева... А ведь речь шла о представителях только двух поколений могучего фамильного древа. Подрастает еще третье. Как много даст оно, вероятно, хороших людей: рабочих, хлеборобов, ученых, врачей! И кто скажет, сколько еще звезд зажгут они над казахской землей!

★ Не правда ли, эта женщина похожа на китаянку? Так и должно быть. Ведь она в роли Сыфын из спектакля «Тайфун».

Рауза Утельбаева — двоюродная сестра Сары Сатбаевны — актриса Карагандинского областного театра казахской драмы. Помещается он в самом красивом здании города — Дворце культуры горняков. А ведь до революции во всем Казахстане не было ни одного настоящего театра. Когда-то и самодеятельные спектакли, в которых участвовала Сара Есова, были настоящим событием. Теперь в каждом большом городе республики есть театр. Всего в Казахстане двадцать профессиональных театральных коллективов и девятнадцать народных, много концертных объединений и филармоний.

Раузу мы на месте не застали: была, как всегда, на гастролях. Джезказган, Коунрад, Темир-Тау, Каркаралинск, Балхаш — вот далеко не полный маршрут театра, а ведь есть еще и села, затерявшиеся меж холмов Центрального Казахстана. И маршрут все время увеличивается. Быстро, очень быстро растут новые города и поселки.



↓ Дворец культуры горняков в Караганде.

Фото Я. Босина.




Таир ЖАРОКОВ

Степь родная!.. Не охватит взгляд
Даже с самолета твой простор.
Кажется, как сотни лет назад,
Ты колышешься травой густой.
Возраст твой — векам и счету нет,
Но гляжу на села и сады:
Что века! Когда за сорок лет
Сказочно помолодела ты!

Чувствуются сила и размах,
Без размаха здесь и жить нельзя!
Вижу: точку ставит в небесах
Сокол, над вершинами вися.
И отары всходят на плато,
И картину взглядом не объять.
У твоих предгорий, Ала-Тоо,
Колыбельную мне пела мать!..

Степь моя!.. На тыщи верст вокруг
Травы тянут свои стебли ввысь.
Словно пальцы в пальцы — сотни рук,
Корни их в земле переплелись!
Ветерок тебя затронет лишь,
Где растут татарник и чебрец,
Всеми травами ты задрожишь,
Как от шпоры кровный жеребец.

Здесь печалью все дышало встарь,
А теперь и солнечный восход,
Будто всадник, на коне привстав,
Смотрит на тебя —
Не узнаёт!
И уже в пространствах голубых
Гром мотора слышу — не подков,
Черные и русые чубы —
Возле полотняных городков!

Как вливаются в простор морской
Рек потоки, так в степи моей
Разливается поток людской
С русских и украинских полей.
Травы, травы! Сколько их вокруг!
Новоселам дышится легко.
В почву, ждущую хозяйских рук,
Корни трав уходят глубоко.

Степь родная! Поле красоты!
Вон созвездий бисерная нить
Так близка, что от нее и ты,
Кажется, сумел бы прикурить...
Молодость, вступай в свои права,
В целину пуская, что ни год,
Корни...
А без корня и трава
На степном просторе не растет!

Перевел с казахского
А. КОРЕНЕВ.




Гали ОРМАНОВ

Ведет о домне разговор
Строитель — молодой жигит,
И восхищеньем блещет взор,
Когда о ней он говорит:

— Какая мощь! Какая стать!
Видней отсюда жизни даль!
Детали станешь разбирать —
Огромна каждая деталь.

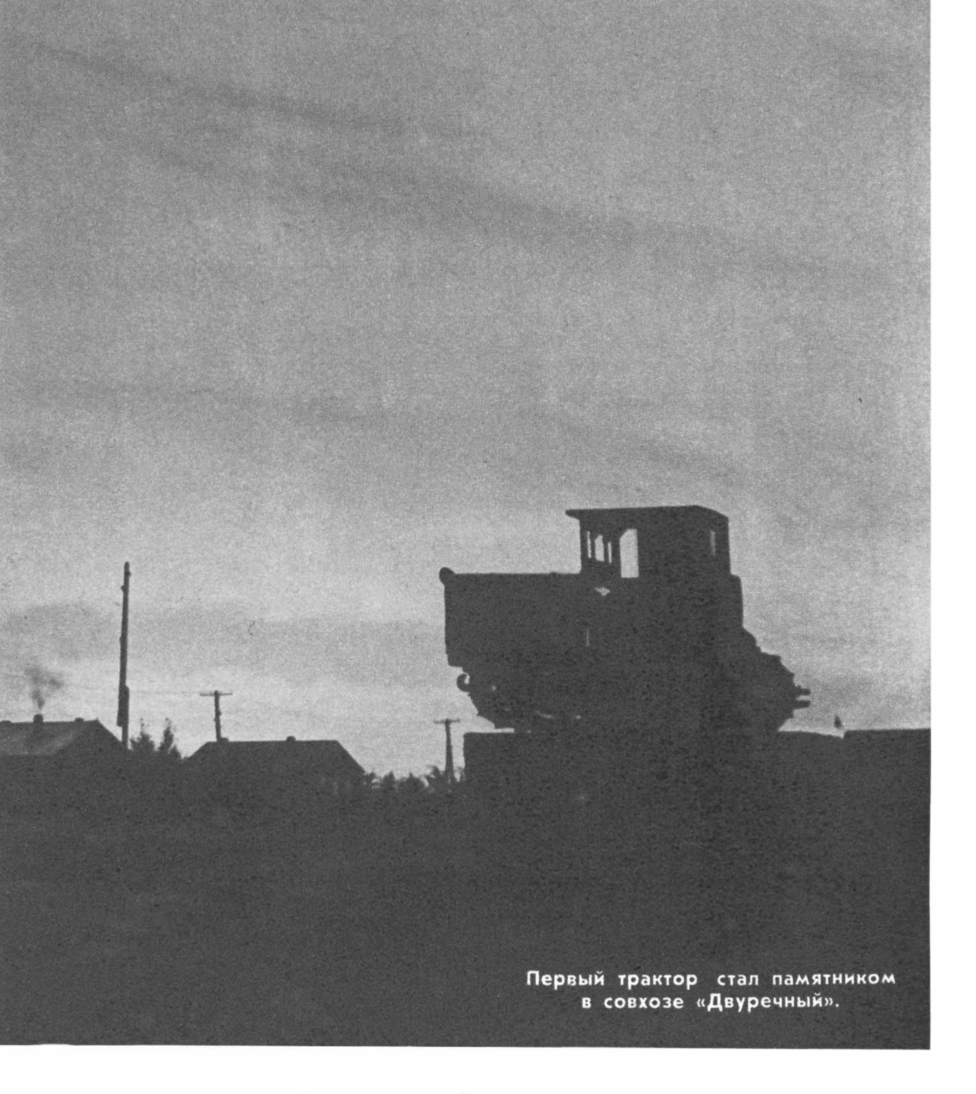
Громада за грядущим днем
Следит, спокойная сейчас.
А как начнет дышать огнем,
Поймешь, какой в ней сил запас.

Стоит, гора горой на вид,
Дивит величьем взгляд людской.
А как зажжется, загудит,
Она покажется живой.

На ней проступит жаркий пот,
Заблещет зарево над ней,
И зноем на тебя дохнет,
Как в летний полдень от степей.

В огне расплавится руда,
Польется пламенный поток,
И ты увидишь въявь тогда,
О чем вчера лишь грезить мог!

Перевел с казахского
Павел ЖЕЛЕЗНОВ.



Первый трактор стал памятником в совхозе «Двуречный».

# Пора звенящих колосьев

Алексей БРАГИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Трудной, поздней была минувшая весна на целине, но посеяли, как никогда, хорошо, и лето на первых порах сулило добрый урожай. Все обещало большой хлеб: обильно ловилась рыба в Ишиме, рясная земляника розовела в лучах, вдоволь грибов собирали под березами. Но дожди не в меру затянулись, и радостное ожидание сменилось горькими опасениями. Молчаливее становились хлеборобы казахстанской целины.

Обычно в конце августа степь уже выгорает, и в тон ей блекло золотятся березовые рощицы — колки. А нынче все было зелено, свежо, ярко: и травы, расшитые цветами, и листва берез, и, главное, пшеница. Густая, но по-здешнему рослая, она отцвела, выбросила колос и замерла. Медленно наливались колосья густым молочным соком. Приходило время косить, но зерна не отзернились, хлеб не созрел. Сурки, обманутые похолоданием и дождями, решили, что наступила осень, и залегли в норы на зимнюю спячку, так и не испробовав целинного зерна.

И вдруг где-то в конце августа подули сильные южные ветры. Тучи ушли на север, наступали теплые прозрачные дни первого, по старинному счету, бабьего лета. Нежно замерцали в полуденных лучах легчайшие, невесть откуда взявшиеся паутинки. Небо поголубело, стало глубоким и теплым, медленные лебединые облака только оттеняли его чистоту.

В эти дни можно было видеть и слышать, как зреет пшеница. Она бурела на глазах в масть красноватым степным лисам и начинала золотиться сначала пятнами, островками, а потом уже и квадратами. При легком ветерке мягко, ритмично и очень тихо шуршат стебли, а колосья почти соприкасаются друг с другом. Но вот ветерок крепчает, уплывает облако, набежавшее на солнце. И они начинают работать вдвоем: солнце и ветер! Поле тогда играет всеми красками. Колосья раскачиваются и переговариваются, перезваниваются, перестукиваются.

Колос колосу голос подает.

Не только друг другу, но и хлеборобам. Так и слышишь в этом перезвоне:

— Жать пора, жать пора!

Но, кроме поэзии созревания хлеба, близкой сердцу каждого хлебороба, есть еще хозяйственная математика начала жатвы. Пересчитываются кусты пшеницы на квадратном метре, изучается несколько кустов, и если три четверти зерен уже перешли от молочной к восковой спелости, значит, можно начинать свал.

Свал! Именно на целине, на необъятных нивах Казахстана, приобрело права гражданства это краткое и энергичное слово.

Сваливают хлеб быстро, не теряя погожих дней, чтобы не дать пшенице полечь самой под ветром и дождем, чтобы выиграть время, так скупо отпускаемое природой.

...Начало жатвы застало меня в Приишимье, в Акмолинской области, в совхозе «Двуречном».

Здесь я был в первые два года покорения целины и узнал много настоящих, мужественных людей. Какие перемены тут произошли, как идет жатва, как живут и работают те, с кем доводилось встречаться раньше?

В самый первый же день не могло не поразить меня обилие техники на полях. В этом совхозе совсем не было студентов, густо забивавших четыре года назад бригадные палатки. Не было и самих палаток. Рабочие и на полевых станах жили в аккуратных, под шиферными или железными крышами домах.

Все было ладно, обстоятельно.

Дома и склады, отлично профилированные дороги и безупречно работающие машины.

Прежнего директора совхоза, пылкой и до самозабвенности неутомимой Евдокии Андреевны Зайчуковой, здесь тоже не было. Ее сменил спокойный, уравновешенный Василий Макарович Степаненко. Объезжая с ним совхозные владения, я услышал от него первые восторженные слова. Василий Макарович говорил о людях. Но когда речь заходила непосредственно об уборке, к нему возвращалось непростительное, по-моему, спокойствие. Под конец я не вытерпел и спросил напрямик:

— Вы что, совсем не волнуетесь, полностью уверены в большом хлебе?

— Я уже отволновался, мил-человек, а на вопрос ваш отвечу ясно: да, полностью уверен, как дважды два четыре. Непогода кончилась, а если и будут дожди, то нам они мало уже помешают.

Он на память перечислил сроки косовицы, подбора валков, обмолота и вывозки хлеба, и выходило, что за двадцать три дня — именно двадцать три, а не двадцать или двадцать пять — все будет закончено. Забегая вперед, можно сказать, что именно так все и случилось. Еще 14 сентября совхоз «Двуречный» закончил сдачу хлеба государству.

Василий Макарович показал мне необычный грузовик. Он был горьковский, зеленый, а кузовом ему служили бункера ростсельмашевского комбайна.

— Понимаете, как самосвал, но только для зерна.

— Значит, растащили комбайны, или, как говорят вежливым техническим языком, «разукомплектовали»? — осведомился я.

— Ни боже мой! На кладбище машин взяли.

— И кто придумал?

— Да он же, наш главный инженер! Мы его, наверное, увидим в третьей бригаде.

У стана третьей бригады тарахтел трактор походной электросварки.

— Там Евдокимов? — осведомился директор.

Узнать инженера сразу было невозможно: три перепачканных машинным маслом и землей человека возились вокруг необычайно широкой жатки. Электросварщик в это время приваривал к ее оси какую-то деталь. Приплясывало и дрожало зеленоватое пламя, рассыпались бледные звездчатые искры, а люди, не обращая внимания на приезжих, обслушивали и выстукивали жатку, как врачи на консилиуме.

Электросварщик закончил свои дела, и «техничка» уехала в другую бригаду, а тракторист завел трактор, на прицепе у которого находилась эта необычайно широкая жатка. Все быстрыми шагами двинулись за агрегатом.

Бригадир коротко рассказал мне, что эта жатка, в сущности, не одна, а две «ЖБ-4,6», но не спаренные, а, как видите, сваренные и что ленинградский конструктор непременно почешет себе затылок, ибо его детище в первозданном виде никак не устраивает казахстанских целинников.

Жатка въехала в хлебное поле, и все мы пристально наблюдали, как ложатся могучие валки — комель к комлю, колос к колосу.

Отмерили целый загон и тут остановились.

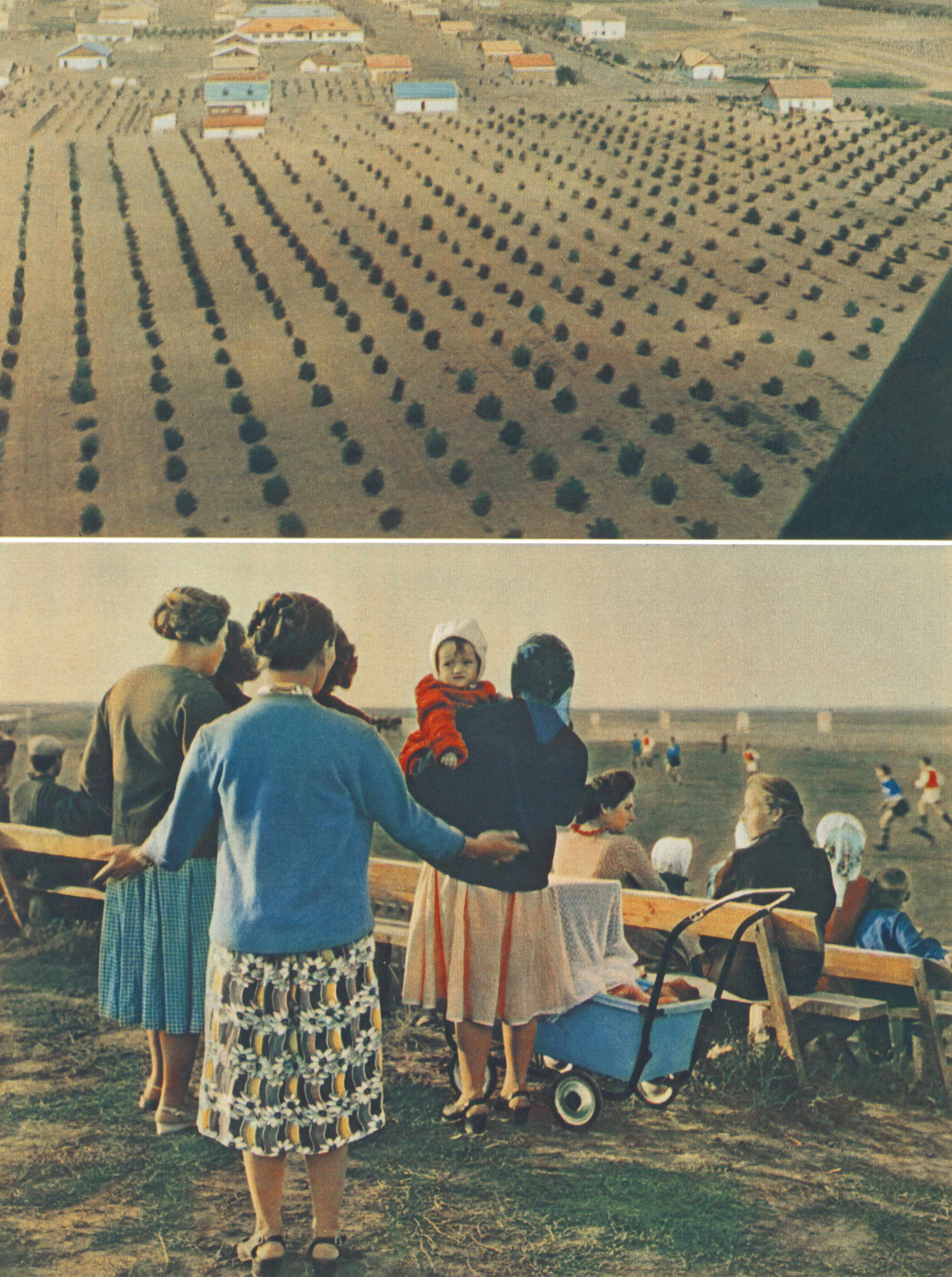
Инженер, управлявший жаткой, широко шагнул и неожиданно протянул мне руку:

— Здравствуйте! Опять к нам?

НА СНИМКАХ:

Под крылом самолета молодой сад совхоза «Двуречный».

Сегодня футбол.



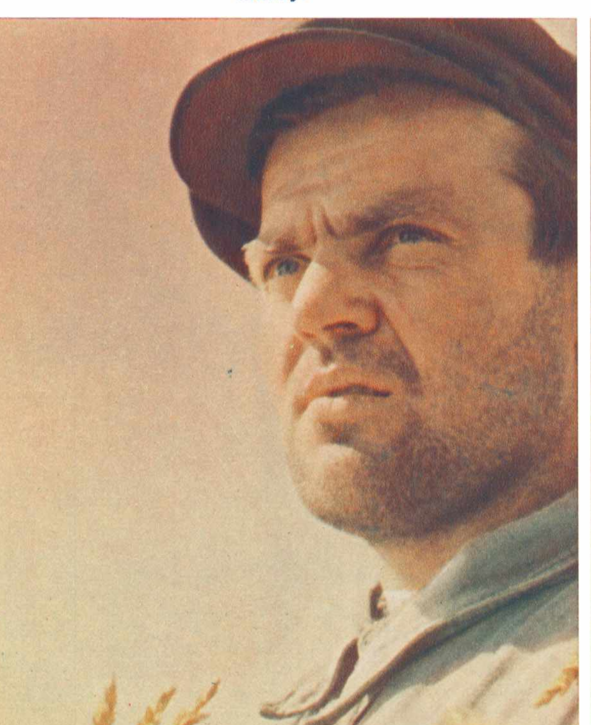
Днем и ночью работали комбайны.

Один трактор может вести две, даже три жатки. Так придумали местные рационализаторы.

Бригадир Василий Полевой встречал здесь шестую жатву.


У доярок явно не производственный разговор...







Когда уборка была закончена...

Сдача хлеба продолжается...



Яблоко кисловато, но зато свое, целинное.



В красном уголке на полевом стане весело.





Постойте, сколько же мы не виделись с той поры? Да, четыре года...

Я смутился. Меня подводила даже профессиональная журналистская память.

— Значит, не узнаете? Володя. Шофер Володя. Помните, с Евдокией Андреевной ездили?

Тут я вспомнил очень молодого водителя директорской машины. Тогда он был в белой косоворотке, из ее ворота не без кокетства проглядывала матросская тельняшка.

Я вспомнил и его рассказ о том, как где-то под Брянском отец Володи, совхозный механик, учил своего шестнадцатилетнего сына автомобильному делу. Но как из рядового шофера он стал главным инженером совхоза?

— Да-а-а...— протянул Владимир Иванович Евдокимов.— Положим, не из рядового шофера, а шофера первого класса. Совхоз послал на учебу. Ну и, понятно, Евдокия Андреевна помогла мне человеком стать.

...Утром следующего дня я иду в совхозный сад. Я вспоминаю, как гордилась Евдокия Андреевна его закладкой, как любовалась крохотными деревцами и трогательно мечтала о будущих плодах. Тогда в «Двуречном» выспели только первые огурцы, и Евдокия Андреевна срывала их с грядок и вкусно хрустела, не обращая внимания на землю, прилипшую после дождя к кожуре. Четыре года назад были первые целинные огурцы, а теперь поспели первые яблоки и первые вишни.

Как бы радовалась она им! И я ловлю себя на мысли, что буду рассказывать ей о «Двуречном» в совхозе «Ижевском», в том совхозе, где она работает сейчас.

...Несколько сот километров отделяют «Ижевский» от «Двуречного». Между ними — хлебные степи, между ними — Акмолинск с его элеваторами, с его заводом сельскохозяйственных машин и Министерством совхозов республики, между ними — Ишим, связывающий два поселка узкой вьющейся лентой.

Я еще не повидал Евдокию Андреевну, но уже узнал ее почерк.

Узнал по улицам, приведенным в порядок, по зеленым штакетникам, по портретной галерее лучших людей совхоза перед конторой, по уткам, плещущимся в заводях Ишима.

— Хозяйку нашу вы сейчас не найдете, придется подождать.— И вездесущий радиотехник и киномеханик Миша немедленно потащил меня на строительство клуба.— Лучше, чем в «Двуречном», будет, на четыреста мест.

Заодно он показал уже существующий стадион и овощной ларек.

— А сад у вас есть, Миша?

Он даже удивился:

— Как же это можно без сада!

...Шофер резко затормозил грузовик, и Евдокия Андреевна легко выпрыгнула из кабины. В запыленной желтой кофте, поседевшая, но, как прежде, энергичная и веселая.

Я смотрю на нее и мысленно воспроизвожу весь ее долгий трудовой путь. Она училась грамоте уже взрослой женщиной в школе ликбеза, и у нее хватило упорства и способностей самой стать позднее учительницей в украинском селе, а потом партийным работником в Донбассе. В годы войны, в эвакуации, она была рядовой трактористкой. Погиб муж, надо было растить детей, восстанавливать совхоз на донецкой земле. А когда партия бросила клич «На целину!», она приехала в Казахстан, мерзла вместе со всеми в палатках и вагончиках и построила совхоз «Двуречный».

— Обижают меня, бедную вдову,— говорила она мне осенью 1956 года,— я уже выполнила план, так теперь надо соседних мужиков на буксир брать.

И, как полководец, повела свои автомашины и комбайны на помощь другому совхозу.

— Опять обижают меня, бедную вдову,— говорит мне она теперь...

— Да кто вас, Евдокия Андреевна, обидеть может? — подзадоривал я, глядя на ее загорелое, смеющееся лицо, изрезанное морщинками.

— Погода обижает... А еще министр недавно обидел. Пообещал на клуб миллион, но не переводит денег.

И я уже знаю наперед, что сейчас она начнет говорить о своем совхозе «Ижевский», о его трактористах и огородниках, о его земле, как говорила несколько лет назад о «Двуречном» или о совхозах Кийминского района, где была секретарем райкома партии. Ведь эта женщина добровольно пошла в отстающий «Ижевский» единственно в силу своей веры в целину.

Всего два дня мне довелось побыть в «Ижевском», и этого срока оказалось достаточно, чтобы увидеть, как прониклись люди верой в совхоз, как щедро одаривает Евдокия Андреевна рабочих и своим хозяйственным и своим душевным опытом, как повсюду утверждается хорошее.

Я не сомневаюсь, что стопудовые урожаи пшеницы собираются здесь не только потому, что стало больше техники и внимания к агронауке, но и потому, что в бригадных станах в степи посажены клен, черемуха и акация и рабочие спят в чистых общежитиях на пружинных никелированных кроватях. Есть в степи электростанции «ЖС-30». Есть столовые, куда, конечно, привозят карасей и даже кефир. Вот, к примеру, меню завтрака и обеда у поварихи Марии Анисимовны Авдеевой в 3-й бригаде. Завтрак: рассольник, лапша, оладьи с вареньем, пудинг, кисель, компот, чай. Обед: суп картофельный, мясо тушеное с картофелем, каша манная, кисель, молоко. Ужин: щи мясные, вареники с творогом, глазунья, компот, чай. Самый дорогой обед стоит 3 рубля 8 копеек, а все дневное питание обходится не дороже 6 рублей. Под столовую в бригаде приспособлен вагончик, но он уже не на колесах, а на фундаменте, к нему пристроена веранда, стены внутри покрашены, и на буфете стоят осенние степные цветы.

Пшеничные необъятные поля в совхозе словно окаймлены кукурузными плантациями и огородами. А на берегу Ишима — птичники и животноводческие фермы.

Животноводством ведает главный зоотехник Володя Жангуразов, который и мальчуганом жил здесь, на берегу озера Айдарлыкуль, и вот окончил в Акмолинске техникум и вернулся к себе, в родные места. В совхозе больше тысячи голов свиней, 60 тысяч цыплят. Совхоз к 1 сентября сдал государству 285 тысяч яиц. А ведь это не животноводческий совхоз, а зерновой!

Огородник Иван Карпович здесь знаменитый человек. Правда, помидоры из-за дождей не очень удались в этом году, но капусты, моркови, укропа, огурцов в изобилии. А Иван Карпович к тому же отличный охотник, что очень нравится Евдокии Андреевне: она сама предпочитает этот вид спорта всем остальным и бьет птицу влет. Но, к сожалению, у нее на охоту не хватает времени. Надо сдавать хлеб, надо строить, надо выгнать рвача из плотницкой бригады, надо послать лучшую птичницу на учебу в техникум, надо достать цемент, а тебе уже за пятьдесят и уже прописаны капли Зеленина и еще какое-то снадобье от болей в сердце. И надо обязательно съездить к внукам на Украину: давно она их не проведывала.

...Я прощаюсь с Евдокией Андреевной, не уверенный, что года через два не встречусь с ней на Терсакканской целине.

А что такое Терсакканская целина? Это, можно сказать, целина на целине. О ней мне рассказали в Баранкульском районе, куда лежал мой маршрут,— дальше по течению Ишима. Дело в том, что в совхозе «Отрадный» мне хотелось повидать старого знакомого тракториста Анатолия Николаевича Чернышева. За пять лет он обжился, обзавелся семьей и стал бригадиром одной из лучших бригад. Но Анатолия Николаевича не оказалось дома.

— Ехать к нему больше двухсот километров надо. Он на Терсаккане. Там мы распахиваем новые массивы, а на будущий год организуется шесть новых совхозов.

Абахан Дюсембеков, бессменный секретарь парторганизации совхоза имени Гастелло, журналист в прошлом, посланец шахтерской Караганды на целине, рассказывал, что в Терсаккане стояли летние юрты кочевников, но поселков не было никогда. Там сайга не боялась человека, потому что не слыхала ружейных выстрелов. Там плодородная земля, но она была слишком далеко от железной дороги. А теперь, когда построена ветка Есиль — Тургай, и Терсаккан стал ближе. Он войдет богатым массивом в совхозное земледелие Баранкульского района. Ведь район называли зоной рискованного земледелия, а оказалось, надежней его нет в Акмолинской области! Каждый год урожаи. Меньше пятнадцати миллионов пудов хлеба здесь не сдают.

Абахан вел меня по асфальтовой дороге совхоза.

— Говорить ничего не надо. Смотреть надо.

И я смотрел на совхозный поселок и видел те же черты «Двуречного» и «Ижевского». Видел школу, фермы, магазин, видел, как на взгорье, километрах в трех отсюда, белели элеваторы и станционные здания поселка Державинки. И в утренней тишине были слышны не только шумы комбайнов, но и ритмичный перестук недальнего поезда. По новой ветке состав шел к просторам Кустанайской степи, откуда навстречу баранкульским совхозам шагали новые совхозы Тургая, возникающие в том уголке степи, где когда-то поднимали знамя восстания против царской власти повстанцы Амангельды Иманова...



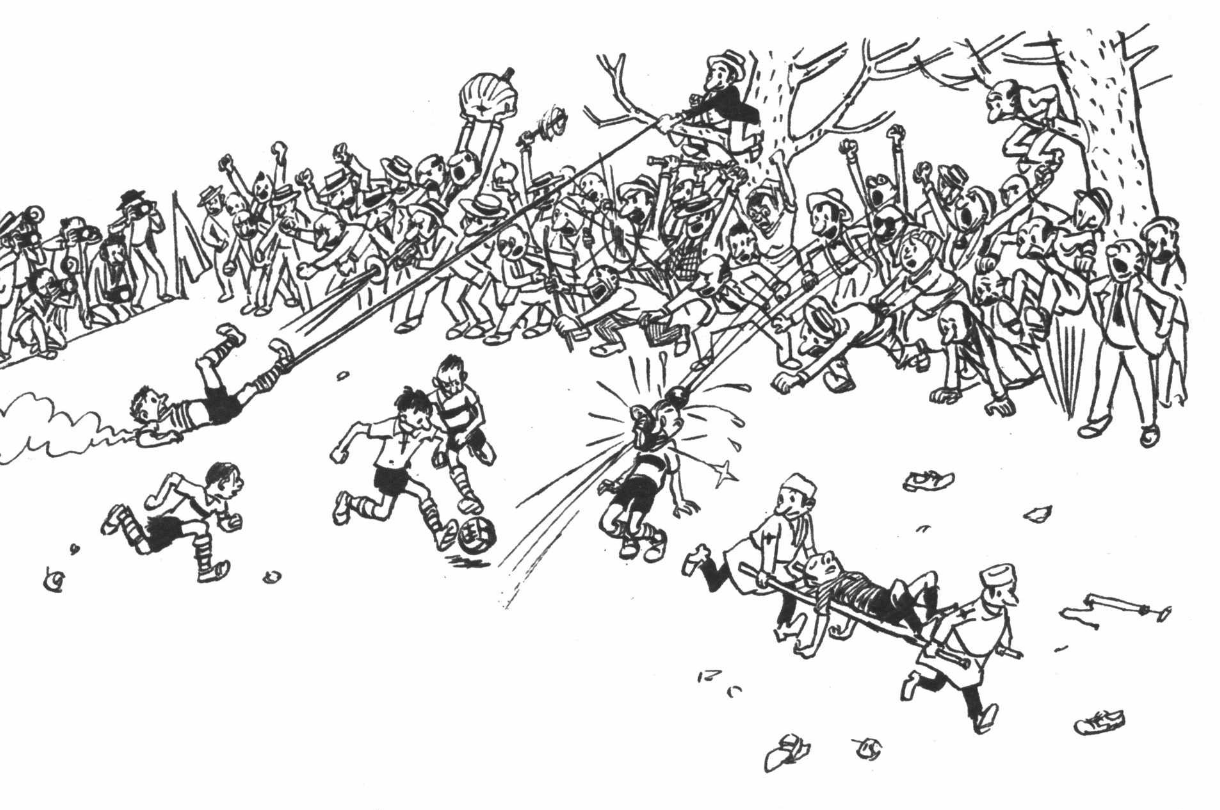
Е. А. Зайчукова.

Фото И. Будневича.

**НА СНИМКАХ:**

**А чем это стадо хуже какого-нибудь рязанского или тамбовского?**

**На целинной птицеферме тоже «урожай».**



# Вдали о

Рассказы

# Футбол по-аргентински

— Да, сеньоры, у нас в Аргентине нет боя быков! Ну и что же? Разве это означает, что аргентинцы обладают меньшим спортивным темпераментом, чем их южноамериканские собратья? Нет, напротив! Просто эта бурная страсть обращена к другому предмету. Поверьте, сеньоры, рядом с аргентинским футболом бой быков безобиден, как настольный теннис!

Так говорил один наш знакомый по ту сторону экватора.

Мы вспомнили его слова, когда увидели стадион в Буэнос-Айресе. В просторечии это огромное бетонное сооружение называется нежно, почти ласкательно: «Бонбоньера».

Его внутренний вид производит странное впечатление на европейца. Футбольное поле окружено глубоким бетонированным рвом и отгорожено от зрителей гигантской стальной решеткой. Похоже на то, что это не спортивная арена, а загон для диких африканских львов. И все же этих фортификационных укреплений оказывается недостаточно для того, чтобы сдержать всесокрушающую страсть аргентинских зрителей. Предусмотрены еще возможные междоусобные схватки болельщиков. Поэтому трибуны разгорожены на участки, отделенные друг от друга колючей проволокой, через которую, как говорят, во время матчей пропускается электрический ток, правда, слабого напряжения. У колючей проволоки, называемой аламбрадо, дежурят пожарные с брандспойтами в руках и полицейские со слезоточивыми бомбами. Во время особо сенсационных матчей у входа висит плакат:

| |
|---|
| Пустые бутылки и огнестрельное оружие сдавать обязательно!!! |

Нам не удалось побывать на «Бонбоньере» во время очередного матча. Но мы прочитали в вечерней газете, в отделе «Спорт», эпическую заметку:

«Состоявшийся в воскресенье футбольный матч между командой клуба «Виктория» и бразильской командой «Крус де Мальта» прошел вяло и неинтересно. В больницу было отправлено только четырнадцать зрителей, да и то с легкими увечьями. Полицейские бросили всего лишь две слезоточивые бомбы... Левый нападающий Хуан Вилья так слабо ударил головой в живот вратаря Прадеро, что тот даже не пошатнулся...»

Заметка называлась лаконично и исчерпывающе: «Кролики против овец».

* * *

Как мы уже сказали, нам не довелось наблюдать футбольный матч в столице, но несколькими днями позже мы все-таки увидели футбольное состязание между двумя провинциальными командами. Быть может, это было менее помпезное и сенсационное зрелище, но душа аргентинского болельщика проявилась в нем, вероятно, с не меньшей полнотой.

Произошло это так.

В старомодном, громыхающем и пыльном поезде мы приехали в город Кордоба. Между прочим, все поезда в Аргентине носят имена генералов, прославившихся во время войны за независимость. Наш дребезжащий, но довольно бойко идущий состав назывался «Генерал Митре». Из пыльного «Генерала Митре» мы пересели в автобус и поехали к горной гряде Коминчегонес осматривать плотину Крус дель Эхе.

У маленького городка Капилья дель Монте, что означает в переводе «Часовня в горах», нас обогнал грузовичок, в кузове которого на неструганых лавках сидели молодые аргентинцы в клюквенно-алых майках и зеленых трусах. Над шоферской кабиной развевалось шелковое знамя, на котором был изображен святой Георгий, протыкающий копьем дракона, как мы узнали позже,— герб города Капилья дель Монте. Молодые люди играли на гитарах и грудными голосами напевали томные милонги и тонады — лирические аргентинские песни.

Через некоторое время за грузовиком проследовал небольшой автобус, из окон которого также неслись надрывные звуки гитар и банджо.

Поравнявшись с автобусом, мы обменялись традиционным приветствием:

— Буэн виахе! Счастливого пути!

На скорости ста километров (минимальная скорость для мало-мальски уважающего себя аргентинского шофера) мы разговорились с пассажирами автобуса. Правда, это было трудновато: холодный памперо— ветер, дующий из Антарктики,— относил слова. Но все же удалось выяснить, что на грузовике едет футбольная команда города Капилья дель Монте, следующая на матч с соседним городком Ла Фальда.

— А кто же вы такие? — спросили мы у пассажиров автобуса.

— Мы компаньерос! — бодро донеслось из окна автобуса.

Одним словом, в автобусе следовал моральный резерв футбольной команды — ее болельщики.

— Не будь я Франсиско Бланко,— гордо выкрикнул из окна какой-то седоусый болельщик,— если мы не своротим нос этим гордецам из Ла Фальды!

Влекомые спортивным искусом, мы решили остановиться в Ла Фальде, дабы посмотреть предстоящее сражение.

Когда мы прибыли в Ла Фальду, создалось впечатление, что городок эвакуирован. Магазины были закрыты. Рестораны не работали. Даже высокие будки полицейских, похожие на куриные насесты, были пусты: блюстители порядка, по-видимому, также отправились на стадион. Будь это во время конкисты — испанского похода в Южную Америку,— любой, самый захудалый конквистадор-любитель мог бы ограбить и завоевать опустевший город в течение получаса.

Только городской собор был открыт, и из него доносились звуки органа. Мы заглянули внутрь. Одиннадцать футболистов и несколько запасных игроков Ла Фальды коленопреклоненно возносили молитвы пресвятой деве о ниспослании победы над заклятыми врагами из Капильи дель Монте. Толстый падре в сутане окропил святой водой кожаный мяч, который по-испански зовется «пелота».

Мраморная мадонна благосклонно взирала на молодых спортсменов, замерших в молитвенном экстазе. Это была скромная провинциальная мадонна, максимум в чине лейтенанта.

Позвольте, позвольте!.. Мадонна в чине лейтенанта? Вы удивлены? Не оговорились ли мы? Но для аргентинцев в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что некоторые католические храмы в Аргентине испытывают недостаток средств для поддержания благолепия, и тогда власти идут им навстречу, присваивая мадоннам... воинские звания с выплатой положенного жалованья. Так, например, иконе святой девы Марии в городе Формоса было официальным декретом присвоено звание генерала аргентинской армии с вручением генеральской перевязи и с регулярной выплатой жалованья — пятидесяти тысяч песо в год за счет военного министерства...

Итак, скромная уездная мадонна благословила футбольную команду, и молодые люди, поднявшись с колен, направились к стадиону.

Неподалеку от стадиона приезжие компаньерос из Капильи дель Монте уже высаживались из своего автобуса. С воинственными песнями они выгружали сложное снаряжение болельщиков: трещотки, барабаны из ослиной кожи, огромные высушенные тыквы и большие медные трубы, похожие на генерал-басы. Осторожно озираясь, они тайно вытаскивали небольшие мешки, в которых хранилось, как нам сообщили всеведущие мальчишки, оружие ближнего боя: сосновые шишки, гнилые бананы и прочие предметы, предназначенные для метания на небольшие дистанции.

Стадион в Ла Фальде был, конечно, не похож на столичную «Бонбоньеру». В сущности, это была обыкновенная поляна, окруженная араукариями. Трибун здесь не было. Их роль выполняли ветки деревьев, на которых громоздилось молодое население Ла Фальды. Граж-

# т дома

Братья ТУР

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

дане постарше принесли с собой складные стульчики. Одного наполовину парализованного старика привезли в кресле-каталке. Население среднего возраста окружило тесной толпой футбольное поле, обнесенное колючим аламбрадо.

Пока приезжие «варяги» из Капильи дель Монте производили традиционную разминку, зрители, демонстративно повернувшись спинами к пришельцам, закусывали и болтали. Некоторые ели из маленьких горшочков равиолес — разновидность макарон, пересыпанных мясом и залитых соусом, таким острым, что его не выдержал бы даже бывалый житель нашей Грузии. Другие тянули через специальную соломинку — бомбилью — традиционный аргентинский чай — матэ. Третьи просто сосали вино из пузатых бутылок.

Публика была самая разношерстная. Загорелые пастухи-гаучо в длинных кожаных накопенниках — гуардамонтес, защищающих ноги от колючек. Они приехали из дальних горных деревень на ослах и мулах, пасшихся здесь же неподалеку. Батраки в плетеных сандалиях — альпаргатах. Местные коммерсанты в цветных пиджаках. Их жены и дочери в таких ярких юбках, что казалось, будто несчастные женщины объяты пламенем. Отцы города с важностью, написанной на оплывших лицах. Ученики католического лицея, бледные юноши в длинных сутанах. Индейцы в твердых, накрахмаленных воротничках и галстуках на резинках. И, наконец, душа стадиона — бесчисленные мальчишки, загорелые и верткие, как черти, облитые с головы до ног коричневым керамическим блеском.

Предприимчивые уличные продавцы разносили на деревянных лотках крошечные жирные сардельки — чорисо, похожие на желуди, с воткнутыми в них деревянными палочками.

Игра началась. И тут сразу же произошло нечто странное: мужчины деловито кинулись к колючей изгороди, на солнце блеснули плоскогубцы и кусачки, и через несколько мгновений в грозном аламбрадо зазияли гигантские бреши. С такой сноровистой быстротой работали, вероятно, саперы на войне под кинжальным огнем противника.

Рядом с нами репортер местного радио с прической, похожей на взбитый кофейный крем, тараторил в микрофон:

— Игра сразу же приняла агрессивный характер. Нахалы из Капильи дель Монте ринулись к воротам, но наша доблестная защита железной стеной встала на пути приезжих авантюристов!

Мы не специалисты по части футбола и поэтому заранее предупреждаем: пусть читатель не ждет от нас глубокого стратегического анализа столь выдающегося матча. Единственно, что мы заметили глазами профанов,— игра сразу же перекинулась на половину хозяев поля. Раздался шум трещоток, зарычали медные генерал-басы, но все это покрывал какой-то раздирающий уши треск. Мы вгляделись: оказывается, его производили высушенные тыквы в умелых руках компаньерос, приехавших из Капильи дель Монте.

Небольшая сравнительно кучка болельщиков из этого городка создавала такую какофонию, какой, вероятно, не было и в дни сотворения мира. Зато все остальные зрители, местные обитатели, хранили угрюмое молчание.

Нападающий приезжей команды, перехватив мяч, посланный ему ловким пасом, устремился к воротам Ла Фальды. Гол казался неминуемым, как вдруг произошло нечто необыкновенное. Из рядов зрителей выкатился толстяк в ослепительно белом костюме и вращательными движениями, как некий адский волчок, устремился под ноги нападающему. Рослый футболист из Капильи дель Монте перекатился через толстяка, вспахав носом землю стадиона. Ударенный бутсами толстяк остался бездыханным у спасенных им ворот. Впрочем, через несколько мгновений героический патриот Ла Фальды уполз на карачках с поля под восторженные клики своих сограждан:

— Браво, Рикардо Риос! Браво!

Репортер с кофейным кремом на голове, подпрыгнув, крикнул в микрофон:

— Слава герою! Подвиг владельца прачечной господина Риоса останется в истории Ла Фальды!

Со своей стороны, болельщики из Капильи дель Монте тоже не остались в долгу.

— Фуэра! — неистовствовали они, потрясая сушеными тыквами.— Вон! Долой!

— Карамба! Уна поркерия! Свинство!

Виденный нами в автобусе седоусый сеньор Франсиско Бланко, как оказалось, отец сбитого нападающего, рыдал, как король Лир, воздев кверху руки. Потом он вынул из жилетного кармана ампулу с нитроглицерином и заглотал сразу две таблетки, схватившись за сердце.

Спортивное счастье, как известно, переменчиво. Ободренные патриотическим самопожертвованием владельца прачечной, футболисты Ла Фальды погнали мяч к воротам противника. Шум на стадионе напоминал грохот извергающегося вулкана. Темпераментные зрители скандировали имена игроков и выбросили над головами огромные транспаранты. Среди них выделялся один:

> Да здравствует великий Перейра!

Оказалось, Перейра был нападающим Ла Фальды. Но когда мяч был уже почти у ворот гостей, произошло нечто непостижимое. Великий Перейра в нарушение всех законов физики внезапно был отнесен назад, будто порывом ветра, и пополз по полю, отчаянно цепляясь за землю. Топот ног, рев сотен глоток потряс воздух.

Признаться, мы не сообразили, что произошло. Как мы уже сказали, все законы физики были нарушены. Но когда огромная толпа с разъяренными возгласами ринулась к приезжим болельщикам, мы поняли, в чем дело. Один из приезжих метнул с дерева лассо и заарканил великого Перейру в момент решающего удара. Ворота были спасены.

Полицейские в белых нарукавниках (это означает в Аргентине, что они находятся при исполнении служебных обязанностей) с трудом спасли приезжих компаньерос от справедливого гнева патриотов Ла Фальды. Метатель лассо в испуге забрался на самую вершину гигантской араукарии и так и не спускался с нее до конца матча.

Но, к счастью, страсти здесь так же быстро остывают, как и накаляются. Выпутавшись из лассо, великий Перейра снова вошел в игру, и матч продолжался. Кожаная пелота снова перекинулась к воротам местной команды, и только гонг, возвестивший о конце тайма, спас Ла Фальду от горестного позора поражения. Именно такими словами прервал свою передачу репортер с кофейным кремом на голове.

Как только был объявлен перерыв, страсти мгновенно улеглись, и зрители стали мирно уплетать толстенькие чорисо и прикладываться к бутылкам.

Болельщики из Капильи дель Монте, собравшись в изолированный кружок, также закусывали извлеченной из автобуса провизией. Седоусый Франсиско Бланко демонстративно хохотал, уплетая огромные ломти жареного мяса.

— Клянусь девой Марией,— хрипло кричал он, чтобы слышали лафальдовцы,— мой мальчик вкатит им кожаную дыню!

Второй тайм начался натиском хозяев поля.

— Передаваемый безупречными пасами кожаный мяч, как загипнотизированный, катился к грозному Перейре для решающего удара по вражеским воротам,— возбужденно передавал в эфир репортер местного радио.

Когда мяч был уже у ног Перейры и уже, казалось, готов был влететь в ворота приезжих, старика Франсиско Бланко хватил небольшой сердечный спазм. Два дюжих компаньерос оттащили беднягу в кусты. Среди зелени мелькнули белые ягодицы и сверкнул на солнце металл шприца: старику сделали поддерживающую инъекцию.

Но огорчение старика было напрасным. Случилось (в который раз!) нечто непоправимое и удивительное — великий Перейра ударил носком по мячу, но мяч вместо того, чтобы влететь в ворота, по-видимому, передумал по дороге и... шлепнулся в штангу.

Из рядов жителей Ла Фальды в злосчастного нападающего полетел град оскорблений и, что еще хуже, предметов, среди которых были самые удивительные: недоеденные сардельки, початки кукурузы, старые башмаки и велосипедные насосы. Над рядами взвились транспаранты:

> Позор презренному Перейре!

Когда мы с законным удивлением поинтересовались, каким образом так быстро возникла эта материализованная реакция на неожиданный промах великого Перейры, какой-то болельщик, презрительно поглядев на нас, ответил:

— Чудаки! Игра есть игра. Транспаранты заготовлены на все случаи жизни...

На этот раз неверное счастье игры окончательно изменило аборигенам Ла Фальды. Вскоре сын счастливого Франсиско Бланко вбил первый гол в ворота хозяев поля. Горю местных жителей не было предела. В разных концах стадиона раздавались громкие рыдания. Несколько красавиц сеньорит забилось в истерике. Зато в небольшой группке компаньерос из Капильи даль Монте царило счастье. Восторженные крики: «Маканудо!», «Здорово!», «Молодцы, ребята!» — взрывались, как петарды. Над кучкой болельщиков взвилось огромное оранжевое знамя:

> Да здравствует неповторимый, гениальный Эреро Бланко!

Седоусый отец неповторимого нападающего хохотал и танцевал байлесито, откалывая лихие коленца. По-видимому, таблетки нитроглицерина и ободряющий укол сделали свое дело.

Когда за первым голом последовал второй, приезжие болельщики стали целоваться взасос, сжимая друг друга в объятиях. По кругу заходил бочонок мендосского вина.

Компаньерос из Капильи дель Монте бросились через поле к своим игрокам, сминая заслон полицейских, и стали качать молодого Бланко. Игра на несколько минут остановилась...

Вскоре, когда картина окончательно прояснилась и роковой счет два ноль в пользу приезжих не оставлял никаких сомнений в исходе матча, местные жители стали массами покидать стадион. Они демонстративно шли через поле в траурном молчании, мешая игре и плюя в сторону победителей. Молодые матери катили впереди себя коляски с младенцами с таким расчетом, чтобы отдавить ноги приезжим нахалам.

Мы забыли упомянуть, что финал игры проходил без судьи, который уже четверть часа лежал в местной больнице в состоянии сильного шока, поскольку его раза три приняли за мяч. Запасной судья, местный виноторговец, струсил выйти вместо него.

Вскоре прозвучал финальный гонг...

Надменные победители стали усаживаться в грузовичок, а их компаньерос грузили в автобус тыквы, трубы и барабаны.

Но прежде чем покинуть Ла Фальду, кортеж победителей не отказал себе в удовольствии дважды проехать по улицам побежденного города, чтобы до конца насладиться победой. Футболисты, высунувшись до пояса из кузова грузовика, осыпали неслыханными оскорблениями проигравшую команду, а заодно и всех жителей Ла Фальды.

— Позор матерям, родившим таких мазил! — кричали они, почти выпадая из кузова.

— Позор отцам, воспитавшим таких ослов!

Следовавшие позади болельщики выскакивали из автобуса и тут же на стенах домов рисовали мелом карикатуры на проигравших. Особенно доставалось бедному Перейре.

Побежденный город горестно безмолвствовал. На окнах были опущены жалюзи и шторы. Ла Фальда казалась еще более пустынной, чем перед началом матча. Как объяснил нам наш гид, граждане собрались в винных погребках и запивали вином горечь позора...

Мы продолжили наш путь к горам Коминчегонес, направляясь к плотине Крус дель Эхе. Через два дня мы возвращались вечером обратно. Неподалеку от Ла Фальды мы увидели мула, медленно влекущего тележку по тропинке в горы. От тележки аппетитно пахло жареным мясом — чураско. Наш водитель разговорился с погонщиком мула, индейцем в рваном пончо. Через несколько минут он вернулся и, улыбаясь, рассказал нам:

— Это родители проигравших футболистов Ла Фальды отправляют пищу своим детям и в том числе несчастному Перейре...

— Зачем? — удивились мы.— Куда?

— О, сеньоры, не удивляйтесь,— сказал шофер.— Вы не знаете местных нравов...

Оказалось, что сразу же после поражения, прикрываясь тьмой тропической ночи, команда Ла Фальды в полном составе бежала в горы, спасаясь от справедливого гнева сограждан. Здесь, неподалеку, в ущелье, они проведут несколько суток, пока не остынет кровь оскорбленных земляков, и потом вернутся к своим мирным занятиям.

— Клянусь мадонной,— закончил шофер, блеснув глазами,— клянусь мадонной и всеми апостолами, мы еще намылим шею этим наглым ублюдкам из Капильи дель Монте!

Признаться, мы подивились неукротимому темпераменту жителей этих мест. Но ехавший с нами старик учитель сказал:

— У каждого народа свои страсти, господа. Здесь, под Южным Крестом, живут горячие и гордые люди. Но если бы воинственный темперамент всех народов был обращен к таким вещам, как футбол, ей-богу, в мире жилось бы спокойней!.. Не правда ли, это было бы совсем неплохо, уважаемые сеньоры?!

# Лазурь Атлантики

Сеньор Доминго Нуньес со своим семейством — женой Induced Тересой-Марией и дочерью Ангелитой — на собственной машине аргентинской марки «Карабелла» выехал из Буэнос-Айреса на курорт Мар-дель-Плата.

Стоял конец ноября — поздняя южноамериканская весна. В этом году сеньор Доминго поехал отдыхать несколько раньше обычного по двум причинам: во-первых, весна в Буэнос-Айресе была необыкновенно жаркой и в городе нечем было дышать, а во-вторых, рост дороговизны и падение курса песо определили коммерческий спад в деловой жизни столицы. Собственно, «во-вторых» можно было поставить на место «во-первых»...

Сеньор Доминго был владельцем первоклассного универмага на авениде Санта-Фэ. Каждый год к началу сезона его агенты отправлялись в Париж и Нью-Йорк за последними моделями обоих континентов. В течение многих лет дела сеньора Доминго шли прекрасно. Но в этом злосчастном году дела, как и всюду, пошатнулись. Десятки продавцов на всех пяти этажах изнывали в ожидании одиноких покупателей. Коммерческий гений сеньора Доминго изобретал один трюк за другим для привлечения публики, но ничто не помогало. В конце концов Доминго Нуньес был вынужден решиться на крайнюю меру — он выкинул трагический флаг всеобщей распродажи.

Дело в том, что распродажи в Аргентине не имеют ничего общего с аналогичными мероприятиями в других странах мира. Это коммерческие катаклизмы, напоминающие землетрясения или извержения вулканов. Анонс о распродаже в универмаге Нуньес и К° был написан со всем пылом южноамериканского темперамента.

«Внимание! — гласили афишные буквы, начертанные люминесцентной краской у главного входа.— Владелец этого магазина сошел с ума! В припадке безумия он распродает свои товары в три раза дешевле их стоимости! Сеньоры и сеньориты, спешите! Скупайте за бесценок все! Завтра к нему может вернуться рассудок — и будет уже поздно! С почтением Доминго Нуньес, коммерсант».

Но испытанный трюк со всеобщей распродажей не улучшил положения, и Доминго Нуньес по зрелом размышлении решил в этом году пораньше отправиться на отдых, чтобы на лазурном берегу Атлантики привести в порядок расшатавшиеся нервы и переждать чреватую неожиданностями торговую конъюнктуру. Так потрепанный ветрами корабль заходит в бухту, чтобы переждать бурю...

Надобно сказать, что аргентинцы обладают страстью к некоторым преувеличениям. Быть может, это также порождение южноамериканского темперамента, а быть может, проявление патриотизма. Так, например, они утверждают, что авенида Ривадавия в Буэнос-Айресе — самая длинная улица в мире. Действительно, эта бойкая торговая магистраль, пересекающая столицу, тянется на тридцать километров. На ее домах можно запросто увидеть двухтысячные и трехтысячные номера. Знаменитый водопад Игуасу в провинции Миссионес, как говорят аргентинцы,— самый большой водопад на планете. Достаточно сказать, что его фронт — четыре километра. Как ни удивительно, но эти цифры близки к истине.

Точно так же аргентинцы утверждают, что Мар-дель-Плата — самый большой курорт на земле. Не знаем, насколько правдиво это утверждение в планетарном масштабе, но, во всяком случае, Мар-дель-Плата, безусловно,— самое большое курортное место в южном полушарии. За сезон в нем отдыхает миллион человек из многих стран мира. Само собой понятно, что этот миллион составляют отнюдь не самые бедные жители континента.

Сезон здесь официально начинается двадцать седьмого ноября — за три дня до наступления южноамериканского лета. По черному гудрону широкой автострады, идущей из самого Нью-Йорка через Центральную Америку, приезжают на низких «крейслерах» и «олсмобилях» зажиточные семьи из Соединенных Штатов, как их называют здесь, «норт американос». На аэродроме Мар-дель-Плата снижаются «боинги» и «дугласы», из которых выходят джентльмены и дамы в эксцентрических куртках и кремовых пиджаках. Крупнозернистый песок пляжа покрывается разноцветными грибами зонтов и маленьких остерий.

В огромном казино отеля «Провинсиаль», о котором аргентинцы также утверждают, что оно больше, чем казино в Монте-Карло, открывается рулетка. Цены в многочисленных небоскребах-отелях непомерно высоки, как сами отели. Одним словом, бедняку здесь нечего делать. Мар-дель-Плата — курорт для богатых.

Итак, как мы уже сказали, лакированная «Карабелла» с семейством Нуньесов въехала в черту Мар-дель-Платы, промчалась по центральной авениде Луро, мимо обязательного памятника генералу Сан Мартину, мимо чопорного отеля «Кинг» и остановилась у небоскреба, облицованного цветной глазурованной керамикой, как почти все небоскребы Мар-дель-Платы.

Привратник вынес из багажника чемоданы семейства Нуньесов и погрузил их в лифт. Сеньор Доминго вынул из кармана ключи от своего этажа и направился к себе...

Ключи от этажа... Вот именно...

Надобно заметить, что Мар-дель-Плата в некотором смысле не похожа на все курорты мира: на Капри, на Ниццу, на Контрексвиль, на Майами. Здесь почти нет отдельных коттеджей. Огромный южноамериканский курорт, которому нет еще семидесяти лет, построен по необычному принципу. Это город небоскребов, узких и высоких четырехгранных каменных призм. На каждом этаже одна квартира. Богатый делец из Буэнос-Айреса приобретает в собственность этаж, обставляет его по своему вкусу, запирает его на зиму, а летом отпирает, чтобы расположиться до марта или апреля, когда осенняя Мар-дель-Плата снова опустеает до наступления сезона.

Итак, семейство Нуньесов расположилось в «своем этаже» на летний отдых. Мы уже сказали, что Нуньесы приехали в Мар-дель-Плату до наступления сезона. В курортном городе еще веяло скукой, в отелях заканчивался ремонт, в ресторанах было пусто.

Пока супруга и дочь приводили в порядок туалеты, сеньор Доминго, дабы скоротать день, отправился на мол, уходящий далеко в лазурь Атлантики. Холодный еще океан бил по волнолому. На молу расположился «Рыбачий клуб Мар-дель-Плата». От нечего делать сеньор Нуньес за сорок песо взял в аренду спиннинг. Он сидел, погруженный в свои грустные мечты о том, чтобы в Буэнос-Айресе возник большой пожар и во всей столице уцелел один-единственный универмаг Нуньес и К°. Рыба как на зло не ловилась. Слава богу, что предприимчивые акционеры «Рыбачьего клуба» догадались открыть тут же, на молу, небольшую рыбную торговлю для невезучих рыбаков, дабы спасти неудачников от позора. Сеньор Нуньес купил в лавке килограмм пехерео, вроде нашей серебристой макрели, связку пеламиды и, сохраняя достоинство, отправился с добычей домой.

Супруга и дочь уже переоделись. Они встретили главу семьи радостными восклицаниями:

— О папа, как ты много наловил!

— Да, сегодня был отличный клев...— отводя глаза, пробормотал сеньор Доминго.— И, кроме того, надо уметь!..

Семейство Нуньесов пошло обедать в маленький ресторанчик «Эль Грильо», оборудованный из яхты, вытащенной на берег. В ресторане было пустовато, как и повсюду. На раскаленной парилье — железной решетке — жарились огромные ломти мяса. Сеньор Доминго спросил местное блюдо моникос — макароны, завязанные бантиком, потом аррос а-ля кубано — рис по-кубински, залитый оливковым маслом... Сеньор Нуньес любил покушать, о чем свидетельствовало его яйцевидное брюшко, но даже эти маленькие гастрономические радости не развеяли его меланхолии. От скуки сеньор Доминго сунул пятьдесят сентаво в скважину механической пианолы, и она сыграла танго «Кошечка из Корриентес».

Утром Нуньесы, облачившись в приличествующие туалеты, отправились на кладбище, чтобы отдать долг покоившимся здесь родственникам.

Следует заметить, что посещение кладбища в Аргентине есть не просто будничная обязанность, но некий торжественный ритуал, пышная семейная церемония. Вот почему Нуньесы предварительно зашли в большой магазин по центральной авениде с массивной вывеской на фронтоне: «Все для покойников». Это была солидная и обычно процветающая фирма. Здесь продавались не только гробы, венки и мраморные распятия, но и костюмы для мертвецов, сделанные из бумажной ткани и совсем как настоящие. Здесь можно было приобрести также все для траура: плерезы, черные кружева, траурные визитки и даже украшения —

бусы и серьги из дымчато-черного жемчуга. В отделе цветов был большой выбор черных роз, астр и иммортелей...

— Как дела, сеньор Галеага? — дружески осведомился Нуньес у своего старого знакомца — владельца магазина. Но сеньор Галеага только трагически махнул рукой... В этом несчастном году пошатнулись дела не только живых, но соответственно пошатнулись обстоятельства у владельцев похоронных фирм.

— Что же, люди стали реже умирать? — удивился сеньор Нуньес.

— Напротив, ничего подобного,— скептически ответил Галеага.— Десятки разорившихся коммерсантов каждый день стреляют себе в рот из ковбойских кольтов и глотают пачками веронал.

— Так это же прекрасно! — воскликнул сеньор Нуньес не без тайного злорадства по адресу своих неудачливых конкурентов.— Поздравляю вас, дорогой сеньор Педро!

— Но, черт побери, эти бессовестные ловчилы не оставляют денег для респектабельного вояжа в лучший мир, а норовят отправиться на тот свет по дешевке, так сказать, с билетом третьего класса. Безутешные родственники торопятся проводить дорогих покойников с будничной торопливостью, как на загородную дачу...

И осунувшийся сеньор Галеага, держась за сердце, показал на толпу белоснежных мраморных ангелов, покрывающихся пылью в витринах магазина, и на траурные визитки, из которых вылетала моль...

Итак, приобретя букеты иммортелей в целлофане, семейство Нуньесов направилось к кладбищу.

О кладбище в Мар-дель-Плате аргентинцы также говорят, что это — самое красивое кладбище в мире. Вероятно, это не соответствует действительности: кладбища в Риге и Генуе, несомненно, красивее. Но одно можно сказать со всей определенностью — это действительно самое оригинальное место вечного успокоения на земле. Оно выстроено в стиле модерн!

Представьте себе маленький городок с узенькими улочками, распланированными в строгом шахматном порядке. По обе стороны улочек возведены крошечные виллы из черного мрамора и серого гранита. Да, виллы, иначе не скажешь об этих склепах. Красивые виллы в суперсовременном кубистском стиле. Мраморные ступени ведут к строгим массивным дверям. Прямые квадраты окошек. Плоские крыши. И ничего лишнего, как этого требует современный урбанистический вкус.

Одним словом, негоцианты и экспортеры мяса, основавшие модный курорт, выстроили рядом с ним маленький городок для своих мертвецов. Бедным нет места на этом кладбище, как и на курорте. Только где-то, на самой окраине этого города Прозерпины, приютился погост для неимущих.

В центре городка, как и полагается в каждом городе, расположилась маленькая площадь, на которой в отличие от обычной городской площади возвышался не конный памятник какому-нибудь аргентинскому генералу, а мраморная мадонна. Среди цветов на площади бил фонтан.

Сеньор Нуньес, придав лицу выражение почтительной скорби, прошел по главной кладбищенской авениде к своему семейному склепу. Дело в том, что фамилия Нуньесов уже много лет проводила отдых в Мар-дель-Плате, и безжалостная смерть застала некоторых членов династии именно на курорте. В склепе Нуньесов покоились отец и дядя, не вынесшие бурных переживаний в казино «Провинсиаль».

Сеньор Доминго миновал аллею испанского землячества, потом прошел переулок самоубийц, где покоились жертвы рулетки, и вышел на улицу, ведущую к родовому склепу. Позади шли сеньора Тереса-Мария и сеньорита Ангелита с молитвенниками и охапками цветов в руках...

И вдруг почтенный коммерсант увидел нечто странное. Из окон его склепа, фундаментального мраморного коттеджа, курился дымок. Опасаясь, не примерещилось ли ему это, сеньор Доминго искоса взглянул на супругу и дочь. На их лицах скорбь также уступила место недоумению. Семейство приблизилось к последнему обиталищу основателей фирмы. В окошке склепа сеньор Нуньес явственно узрел... подштанники, обыкновенные земные подштанники, вывешенные для просушки.

Задыхаясь от волнения, владелец фирмы поднялся по ступеням, дрожащей рукой вынул из кармана массивный ключ, чтобы открыть дверь... но ключа не понадобилось: дверь была отворена.

Сеньор Доминго шагнул внутрь склепа, и глазам его представилось чудовищное зрелище. В центре обиталища усопших Нуньесов пылала жаровня. На ней кипятилось что-то в закопченной кастрюле. Над кастрюлей склонился небритый мужчина в подтяжках и разодранных брюках. На полу возились черноголовые дети.

— О сеньора нуэстра! Госпожа наша, матерь божья! — негодуя, воскликнул Доминго Нуньес, чувствуя, как кровь бьет в его затылок.— Карамба!.. Диабло! — бормотал он, чередуя имя пресвятой девы с упоминанием сатаны.— Как вы сюда попали?

— Ради Христа, простите, сеньор...— бормотал оборванный мужчина в подтяжках.— Мы не знали, что вы приедете до наступления сезона...

— Что это такое, негодяй?! — трагически негодовал почтенный сеньор Доминго.— Как ты посмел осквернить могилу, мерзавец!..



Внезапно стон, мучительный, резкий стон прервал негодующую тираду сеньора Доминго.

— Тише! — с внезапной суровостью произнес человек в подтяжках, показав рукой в угол.

И тут сеньор Доминго увидел: на мраморной плите саркофага, в котором покоился прах благочестивых предков, на соломенной подстилке лежала женщина. Живот ее под грязной простыней, высокий, как холм, вздымался в судорогах. Серые губы были сжаты. На лице, как на камне статуи, было оттиснуто страдание.

Над женщиной склонилась старуха.

— Тише! — еще раз строго повторил мужчина.

— Она... рожает,— шепнула мужу сеньора Тереса-Мария.— Ангелита, выйди! — строго приказала она дочери.

— Рожать... в моем склепе?! — бушевал сеньор Доминго.— Немедленно прочь отсюда... нечестивцы... богохульники... осквернители могил!

— Повторяю, сеньор,— тихо шептал человек в подтяжках,— мы не знали, что вы так рано приедете... Ей негде было рожать... На дворе еще холодно... У нас нет жилья...

— Мне нет до этого дела! — не унимался сеньор Доминго.

Стенание, отраженное мраморной пустотой склепа, вдруг слилось с высоким криком новорожденного.

— Уйдите отсюда! — повелительно сказала старуха. — Уйдите все...

— Вон! Слышишь! — стиснув зубы, угрожающе прошептал мужчина в подтяжках, подойдя вплотную к Нуньесу.

— Пойдем, папа,— прошептала сеньорита Ангелита.— Не надо...

Семейство Нуньесов молча направилось к выходу мимо аллей с маленькими черными виллами, где чинно и удобно расположились на последний отдых благочестивые негоцианты и банкиры, акционеры пароходных компаний и владельцы оливковых рощ. Вдогонку им несся пронзительный крик младенца. Семейство Нуньесов убыстрило шаг... Но визг новорожденного захлебывающейся фистулой как бы преследовал их, нарушая молитвенную тишину кладбища.

И когда наконец крик стих вдали, сеньор Нуньес остановился у мраморной мадонны и, перекрестившись, прошептал, томимый какой-то неясной тревогой:

— О сеньора нуэстра! Спаси и помилуй от испытаний...

Вернувшись домой и придя в себя после треволнений этого странного дня, сеньор Нуньес вышел на балкон, чтобы остудиться ветром Атлантики, и долго всматривался в серебристую даль океана, как бы ища там, на горизонте, ответ на мучивший его вопрос: что происходит в этом мире, который ещё недавно был таким понятным? Но горизонт был пуст, с океана потянуло прохладой, и сеньор Нуньес, почесав грудь, отправился спать...



«Леон Гаррос ищет друга». Этот кадр с Татьяной Самойловой снимался на Сталинградской ГЭС.

# ВНИМАНИЕ! ИДУТ СЪЕМКИ...

*На севере и на юге, среди лесов и полей, на берегах морей и рек, в маленьких селах и на грандиозных стройках идут киносъемки. Много фильмов снимают сейчас киностудии нашей страны, большинство из них — о советских людях. Чтобы сделать эти кинорассказы достовернее, ближе к той жизни, которую они воссоздают на экране, киногруппы отправляются на «натуру».*

*Итак, расскажем о киноэкспедициях.*

## «Евдокия»

В начале августа на одной из окраинных улиц Тулы вырос новый бревенчатый сруб. Обыкновенный сруб — в два оконца, с крыльцом, рядом сарайчик. И не успели еще жильцы поселиться, а уже все туляки, и в первую очередь, конечно, городские ребятишки, знали, кто эти люди и как сложится их жизнь. Потому что дом предназначался героям фильма «Евдокия», который снимает в Туле Киностудия имени Горького.

В простой рабочей семье воспитывается пятеро детей. Дети все не свои — чужие. Но ни Евдоким, ни жена его Евдокия не ставят себе этого в заслугу. А как же иначе? Своя семья!..

В сценарии, написанном Верой Пановой, нет острых коллизий, неожиданных поворотов действия, но режиссер Т. Лиознова, исполнители главных ролей Л. Хитяева, Н. Лебедев, П. Константинов почувствовали его большую жизненную правду и с увлечением работают над созданием фильма. Ревностно следят за съемками туляки.

## «Время летних отпусков»

Этот фильм снимали в окрестностях Ухты. Погода удалась на редкость: каждый день солнце.

В сценарии А. Рекемчука и в помине нет реки, но какой кинематографист удержался бы от искушения снять красавицу Чуть? И режиссер К. Воинов многие кадры снимал на реке. Но тут подвело солнце: его оказалось чересчур много, и река начала катастрофически мелеть. Местные жители, актеры, рабочие воздвигали целые плотины, чтобы удержать воду, но и это не помогало. Нередко целая бригада осветителей — благо в ее основной работе никто не нуждался — по четыре часа героически высиживала в воде, незаметно подталкивая «плывущую» в кадре лодку.

Здесь среди нефтепромыслов, настоящих и бутафорских (кинематографисты построили декорации нефтяного поселка), разворачивалась киноповесть о сильной женщине, о ее большой работе и большой любви.

Когда съемки в экспедиции подходили к концу, в семидесяти километрах от Ухты, словно подчиняясь сюжету фильма, ряд скважин зафонтанировал. Радость нефтяников разделили все участники киногруппы.

## «Чудотворная»

Повесть Тендрякова о том, как религия искалечила душу двенадцатилетнего мальчика и довела его до самоубийства, снимал режиссер В. Скуйбин в маленьком городке Тарусе. Когда Родьку, в отчаянии бросившегося в реку, вытаскивали из воды, женщины, участвующие в массовых сценах, рыдали. Особенно горько плакала над ним одна бабка. Режиссер решил снять ее крупным планом.

— Как талантливо вы плакали! — сказал он.— Получится ли у вас еще раз так?

— Могёт и получиться,— ответила бабка, всхлипывая, и зарыдала еще горше...

Навсегда запомнит московский школьник пионер Володя Васильев Тарусу, ее жителей, проявивших такой искренний интерес к киносъемкам, и несчастного мальчика Родьку, которого он играл.

## «Чистое небо»

Жители Ярославля с удивлением наблюдали странную картину: из пригородов шли в город автомашины, доверху груженные снегом.

В Ярославле находилась киногруппа, работающая над фильмом «Чистое небо». Съемки зимних сцен еще не были закончены, но в городе снег растаял, и кинематографистам пришлось его привозить из окрестных лесов и оврагов...

Когда режиссер Г. Чухрай еще снимал картину «Баллада о солдате», он решил для следующей своей работы взять сценарий Д. Храбровицкого «Чистое небо». И, вероятно, тогда же главную роль в будущем фильме он поручил актеру, которого в то время снимал,— Евгению Урбанскому.

## «Хлеб и розы»

— Для фильма «Хлеб и розы» нужен трактор — настоящий американский «Фордзон»,— сообщил режиссер Филиппов.

— Да вы что, смеетесь?! — ответили на студии.— Достать трактор тридцатилетней давности! Невозможно!..

И все-таки достали. Запрашивали Академию сельскохозяйствен-


Режиссер фильма «Евдокия» Т. Лиознова работает с «актером».


Так в картине «Время летних отпусков» снимали лодку, плывущую по «глубокой» реке.


Нелегко сниматься в этой роли актеру, да еще в жаркий июльский день («Чудотворная»).


А. Завьялова и П. Кадочников в фильме «Хлеб и розы».

ных наук, писали в министерства союзных республик. И наконец... купили.

Трактор бегал, тарахтел, пахал, вызывая своим слабеньким, щупленьким видом удивление жителей села Работки, где проходили съемки. Так вместе с актерами П. Кадочниковым, Л. Касаткиной и А. Завьяловой в создании фильма принял участие, быть может, тот самый трактор, на котором когда-то пахали настоящие коммунары, о них написал свой сценарий А. Салынский.

## «Песня влюбленных сердец»

В таллинском «Теннис-холле» сегодня не увидишь завсегдатаев — спортсменов с ракетками; их место заняли юноши и девушки с аккордеонами, саксофонами, тромбонами... Да и самому зданию «Теннис-холла» присвоено сейчас новое название — «Концертный зал». Объясняется все очень просто. Здесь Таллинская киностудия снимает новую широкоэкранную музыкальную кинокомедию «Песня влюбленных сердец».

Сюжет фильма несложен. Композитор Хуго Хинно написал для знаменитого певца и руководителя эстрадного оркестра Рейна Лайго — его играет Георг Отс — напевную, душевную песню «Влюбленные сердца». Но, пока тот ее готовил, мелодию стал напевать весь город.

Что же случилось дальше? Это вы узнаете, когда режиссер Л. Лайус закончит кинокомедию.

В картине почти нет павильонных съемок, она создается «на натуре». Даже сцены, происходящие в кафе, гостинице, в квартирах, все снимались в настоящих гостиницах, кафе и квартирах Пярну и Таллина. Это дало лучшее и более правдивое изображение и немалую экономию времени и денег.

Картину предполагается выпустить на экран в конце этого года. Но пока она снимается, с песней «Влюбленные сердца» произошло в жизни то же, что случилось с ней в фильме. Ее уже распевают на улицах Таллина...

## «Леон Гаррос ищет друга»

Леон Гаррос ищет своего старого русского друга Ваганова. Вместе были они в немецком плену, вместе бежали. И вот теперь Гаррос приехал из Франции туристом в СССР, чтобы повидаться с товарищем. Но, оказывается, это нелегко: Ваганов — строитель. А за строителем в Советской стране трудно угнаться даже на новейшем автомобиле. И Леон Гаррос в поисках своего друга путешествует по нашим стройкам.

Этот веселый фильм-путешествие снимали совместно советские и французские кинематографисты. В нем участвуют Жан Габэн (советский зритель знает его по картине «Их было пятеро»), Леон Зитрон (популярнейший во Франции телерепортер), Жан Рошфор и наши артисты Т. Самойлова, Ю. Белов, Л. Марченко, Е. Буренков. Режиссер картины, известный итальянский артист Марсель Пальеро, поставил перед собой задачу познакомить французского зрителя с Советским Союзом. В картине, решил он, все должно быть настоящее: дороги, палатки строителей Братской ГЭС, гостиницы в маленьких и больших советских городах — словом, все.

Поэтому основные сцены снимались прямо на месте действия — на стройках Братска, Сталинграда, Иркутска, Москвы...

Киногруппа проехала тысячи километров по стране. А когда французы уезжали к себе на родину, они говорили не только о радостях совместной работы, но и о нашей стране, по-новому раскрывшейся перед ними.

## «Когда нам восемнадцать»

Ранним зимним утром к колхозной ферме подошли незнакомые девчата и паренек. Они смущенно поздоровались с телятницами и попросили дать им лопату или другой какой инструмент и показать, как и что делать.

Колхозницы молчали. «Откуда пришли эти ребята?» — думали они.

— Да ведь это же артисты! — подсказал кто-то.— Вчера председатель предупреждал, что придут на ферму артисты, которые у нас здесь кино снимают. Только мы не думали, что они в ватниках будут.

Эта смешная сцена произошла в деревне Вертлино, Московской области, где съемочная группа Киностудии имени Горького снимала фильм «Когда нам восемнадцать».

Десятиклассники остаются в родном колхозе, здесь они находят свое счастье, свою судьбу — такова основная сюжетная линия фильма.

И режиссер-постановщик картины М. Федорова посоветовала молодым исполнителям — десятиклассницам Тане Богдановой, Нине Шориной, которые впервые снимаются в кино, Игорю Пушкареву, только что окончившему Щепкинское училище,— пойти поработать на колхозной ферме.

— Разве сможете вы правдиво сыграть колхозников, если не отличите проса от ржи и гуся от утки?

Вот и работали молодые артисты вместе с колхозниками на ферме. Прошли хорошую практику.

## «Балтийское небо»

В разгар обычной деловой жизни Ленинграда у Казанского собора собралась группа девушек с лопатами и мотыгами в руках. Молча, без шума и песен, они принялись разгребать землю. Вскоре появилась автомашина с надписью «Ленфильм». Включили мотор. Киносъемка началась.

Где-то совсем рядом со свистом пролетел «снаряд».

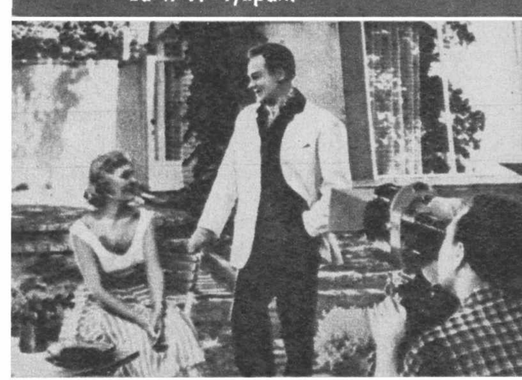
— Девочки, в укрытие! — спокойно сказала одна.

— Это далеко бьют,— так же спокойно ответили ей,— на Васильевском...

Толпа, собравшаяся вокруг съемочной площадки, необычна. Здесь не видно оживленных лиц, не слышно веселых реплик. Тем, кто жил в Ленинграде в суровое время блокады, нелегко вспомнить пережитое. А об этих днях рассказывает вторая серия фильма «Балтийское небо» (время действия — 1943—1945 годы). Фильм снимается по роману Н. Чуковского «Балтийское небо».

Зритель увидит во второй серии «Балтийского неба» героев, уже отстоявших свой город, теперь они ведут бои далеко от него. В главных ролях снимаются Петр Глебов — командир полка Лунин, Альберт Борисов — командир эскадрильи Татаренко, Соня — Людмила Гурченко...


В Ярославле на съемках «Чистого неба». Е. Урбанский, Н. Дробышева и Г. Чухрай.


«Песня влюбленных сердец». Майя — М. Юрасова, Лайго — Георг Отс.


П. Глебов — Лунин и А. Борисов — Татаренко в фильме «Балтийское небо».


Борис Чирков на съемках фильма «Когда нам восемнадцать».

# СТИХИ О ВСТРЕЧАХ

Евг. ЕВТУШЕНКО

## Карусель в Тырново

Все квартиры пустуют в Тырново —
не бывало такого досель!
Над трактирами
и над тирами
с криком крутится карусель.
Все слилось:
облака и яблоки,
визг свиней
и ржанье коней.
С неба падаю
в яму ярмарки
и опять взмываю над ней!
Вижу синее,
вижу алое...
Все исчезло —
остались цвета.
Вот и вскрикиваю,
вот и ахаю,
так что ахает высота!
Нарастание,
нарастание...
А болгарочка лет восьми:
«Вы не бойтесь —
еще вы не старые...»
И на «ты»:
«На, конфетку возьми!»
Ах ты, умница,
ах, разумница,
если б только ты знать могла,
сколько крутится —
не раскрутится
карусельная жизнь моя.
Все неистовее,
все праздничней
она крутится столько лет,
карусель моих бед и радостей,
карусель неудач и побед.
Нарастание,
нарастание...
Черт возьми,
я сейчас завалюсь!
«Вы не бойтесь —
еще вы не старые...»
Стану старым —
не забоюсь!
Все кругом, как огромная ярмарка.
Я лечу, задыхаясь, над ней,
и ору я кому-то яростно:
«Что ты спишь там?
Крути сильней!»

Так и надо —
без тени робости,
не боящимся ни черта,
чтобы все исчезали подробности,
оставались
одни
цвета!

## Взмах руки

Когда вы,
из окна вагона высунувшись,
у моря или просто у реки,
в степи или у гор, надменно высящихся,
увидите короткий взмах руки,
движением стремительным обдутые
и полные своих удач и бед,
о машущем, конечно, вы не думаете,
вы просто тоже машете в ответ.
Да и о вас не думает он,
машущий.
Непроизволен этот добрый взмах —
солдат ли машет вам из роты маршевой
или мальчишка с бубликом в зубах.
И машут пастухи с лугов некошеных,
и рыбаки, таща в сетях кефаль,
и пальчиками,
алыми на кончиках,
вас провожают ягодницы вдаль.
О взмах руки —
участья дуновение!
О взмах руки!
Ничем ты не растлим
средь века,
так больного недоверием,
доверья изначального инстинкт!
И пальчиками, алыми на кончиках,
все ягодницы всех на свете стран
средь эдельвейсов,
миртов,
колокольчиков
нас провожают в звезды и туман.
Девчонок плещут платьица короткие.
Девчонки машут с радостью такой!
Всегда у рельс найдутся те,
которые
махнут —
пускай ручонкой,
не рукой!
Девчонки в развалившихся сабо!
Девчонки в ореолах из ромашек!
Как будто человечество
само
себе,
куда-то едущему,
машет.

# К. Ф. ЮОН ОБ ИСКУССТВЕ

*24 октября исполняется 85 лет со дня рождения К. Ф. Юона, замечательного мастера русской советской живописи.*

*Мы нередко говорим, любуясь природой: юоновские краски, юоновский пейзаж. Художник обогатил наше видение окружающего мира.*

*Мы помним юоновские зимы с их синими далями, сверкающим снегом, темным кружевом ветвей; праздничные полдни, ясную лирику вечеров. Оптимистична, мажорна палитра художника. «Мне хотелось писать эти картины, как песни»,— говорил Юон.*

*В течение многих лет Юон жил в селе Лигачеве под Москвой, чтобы ближе быть к природе.*

*Многогранность и высокая культура отличали художника. Он был живописец и педагог, неутомимый общественник, книжный иллюстратор и художник театра.*

*Недавно в издательстве «Искусство» вышел двухтомник статей, теоретических работ, афоризмов Юона об искусстве. Мы публикуем некоторые его высказывания.*

Чем больше люди окружены искусством, тем ценнее, содержательнее и организованнее становится жизнь.

Влияние предметов искусства на людей гораздо больше, чем люди думают.

Искусство не подделывает и не заменяет реальный мир, а объясняет его, расширяет и продолжает.

Функция искусства есть функция общественная, независимо от того, хочет ли этого художник или не хочет. Искусство каждой новой эпохи вольно или невольно отражает состояние ее культуры.

Реализм — единственно непреходящая школа искусства и художественного мышления.

Художником становится не тот, кто раздумывает — быть ему им или нет, а тот, кто им становится, не замечая того сам.

Свой стиль имеется не только у каждого народа, в каждой стране или в каждой эпохе. Он налицо в каждом городе, в каждой улице, в каждом индивидууме.

Чувство стиля — тончайшее жало искусства.

Глаз художника — его мозг и сердце.

Художник, кому-либо подражающий, всегда лишь покорный слуга, причем даже без найма.

В жизни искусства происходит постоянная борьба качественного с количественным.

Количественное — то, что стало модным и штампованным.

Качественное — то, что борется с нашествием количественного.

Художественные сокровища тысячелетий искусства живут как драгоценнейшее достояние человечества, являясь суммарным итогом его прекрасного прошлого и одновременной его мечтой о еще более прекрасном будущем.

Искусство, начинаясь с бессознательного, движется вперед через подсознательное по пути к сознательному.

Природа искусства всегда оптимистична, даже повествуя о печальном.

Новые художественные формы в искусстве равносильны новым изобретениям в мире науки и техники.

Мастерство есть творческая мысль плюс техника и плюс культура.

Пошлость рождается и живет в искусстве не только от рук иного профессионала, но и от глаз зрителя.

Человек в человечестве и человечество в человеке — неизменная тема в искусстве, однако всегда меняющая свое содержание.

Так, Микеланджело, как и наш великий Суриков, хотел знать людей только исполинской воли и могучей страсти. Они искали среди них титанов и пророков, героев и вождей. Рядом с ними Матисс и Дерен видели в людях материал, себе полезный и вполне достаточный для переработки в яркие обои или в деревянные манекены.

В то время как прозорливый психолог и анатом Веласкес, как и наш гениальный Репин, раскрывал человека до дна души и до мозга костей, для художников-импрессионистов человек был часто даже не субъектом, а лишь объектом, на котором, как и на прочих предметах, играл свет и ложились рефлексы.

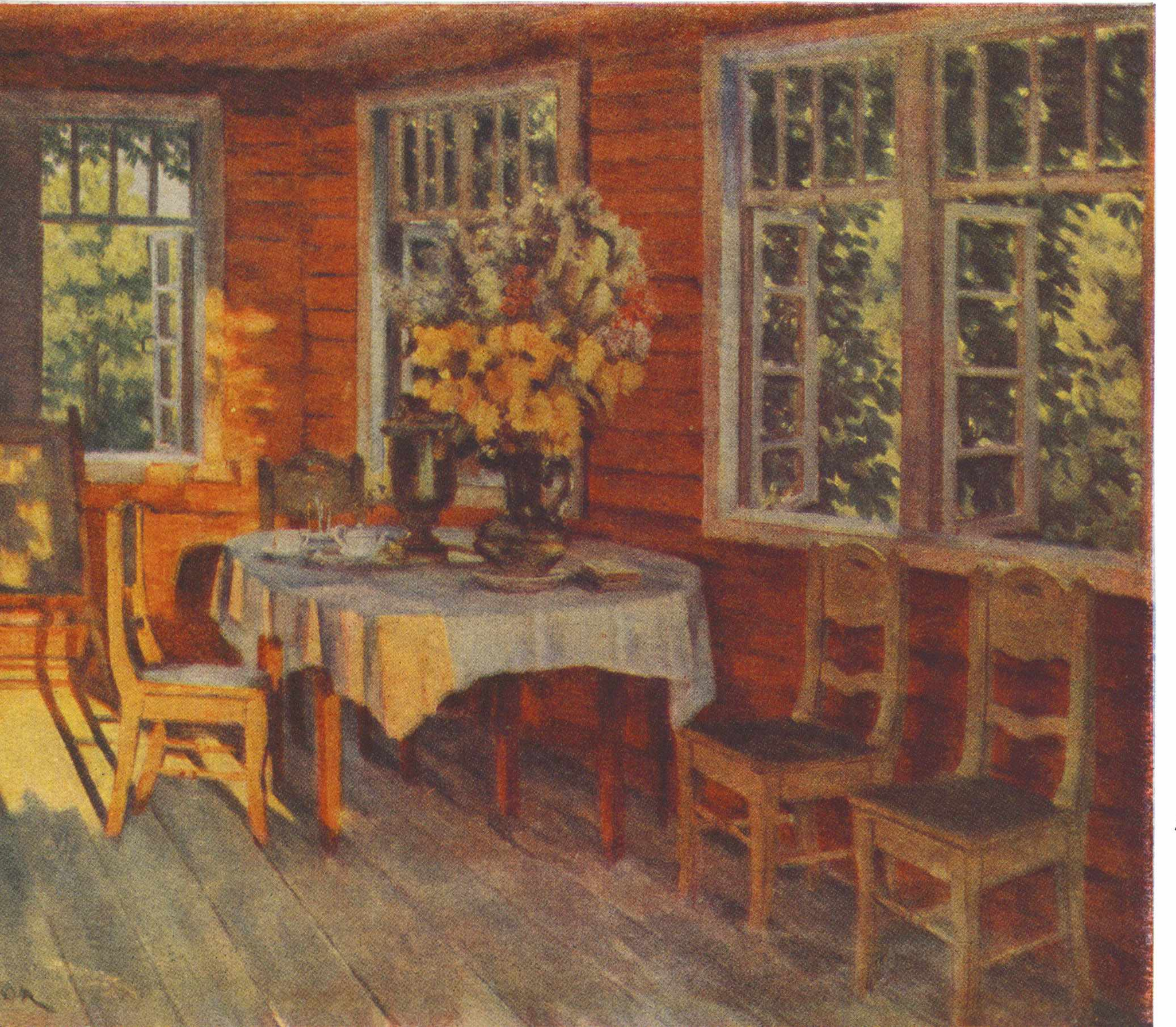
Социалистический реализм, призванный оплодотворить новым содержанием национальные формы искусства, тем самым становится великой международной силой не только для обогащения идеологической, но и формальной стороны искусства.

**К. Ф. Юон.**

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ.

В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ.

**К. Ф. Юон.** НАЧАЛО ВЕСНЫ.



АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР.

# ЧУЖОЕ ПИСЬМО



Рассказ

Инна ГОФФ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Тонка сидит за столом, покрытым голубой клеенкой, на том самом месте, где сидит она всегда, готовя уроки.

Как всегда, сидит она чуть боком, отчего одно плечо ее кажется выше другого. Учительница не велит так сидеть, говорит, что Тонка станет горбатой. Но каждый раз, придя домой, Тонка забывает ее слова.

Тем более сегодня, когда все так необычно, странно. И то, что сидит она за столом в такой поздний час, и то, что пишет она под диктовку Анны на двух тетрадных, в клеточку, листках.

Анна диктует совсем как настоящая учительница: походит по комнате, потом подойдет сзади и заглянет в листок через Тонкино плечо.

— Красиво пиши, старайся,— говорит она.— Ну, так, значит... Что у нас тут получается...

И она читает вслух в который уже раз все сначала:

— «Здравствуйте, незнакомая мне Лена!

Вы прислали письмо моему папе, Петру Скворушкину. Но получила ваше письмо я, дочь Петра Скворушкина Антонина, и вам на него отвечаю. Мне тринадцать лет, я учусь в шестом классе. Папа с мамой и братиком Кузей живут на Волге, и скоро я к ним уеду тоже. Впрочем, вас интересуем не мы, а наш папа. Так вот могу вам сообщить, что он работает директором совхоза, маму и нас очень любит и бросать не собирается...»

— «Собирается» — с мягким знаком? — спрашивает Тонка.

— С мягким,— не задумываясь, говорит Анна.

Она присаживается к столу и, подпершись рукой, глубоко задумывается. Тонка терпеливо ждет, поглядывая на Анну. Анна — младшая сестра матери. Ей двадцать шесть лет. Работает Анна в колхозной конторе счетоводом. Когда-то считалась она первой красавицей на селе, но почему-то замуж никак не могла выйти. Кто говорил — от гордости, кто — от злого нрава.

Тонка разглядывает Анну. Остренькие серые глаза, презрительно стиснутые алые губы. И почему это ее никто не взял за себя? Может, она и вправду злая?..

О чем бы ни думать сейчас Тонке, лишь бы не об этом письме в руках Анны, не об этом ненавистном, чужом письме.

— Ты не маленькая,— сказала Анна.— Должна понимать...

Тонка не маленькая. Она понимает. Даже больше, чем думает Анна.

— Ты ведь не хочешь, чтоб мама плакала,— сказала Анна.

Нет, она не хочет.

— Ты знаешь, какой будет скандал?

Нет, скандала не будет. Тонка никому ничего не скажет. Тонка умеет хранить тайну. Ведь не сказала же она Вере Клавдиевне, кто разбил стекло в классе! Зря трясся Колька Удав. Тонка видела, как он влепил в окно мячом.

«Ага, Удав,— сказала тогда Тонка,— вот я скажу Вере Клавдиевне». Он и трясся, Удав. А Тонка промолчала. Она хитрая, Тонка. Иногда ей кажется, что она хитрей всех.

— Пиши дальше,— говорит Анна строгим голосом, возвращая Тонку к письму.— «Вы спрашиваете, работает ли у папы правая рука. Можете не беспокоиться. Рука у него прекрасно работает, и он играет на баяне, гитаре и мандолине. Кажется, на все ответила. Надеюсь, что больше не станете писать нам писем, не станете огорчать маму. Вы спрашиваете, помнит ли папа «девочку с косичками», как вы себя называете. Навряд ли. А вам было бы приятно, чтобы вашему мужу писали всякие «девочки с косичками»? Если это правда, что вы замужем».

— Ну, вот и все,— говорит Анна.— Теперь подпишись полностью. Да ты что, спишь совсем? Не соображаешь ничего! Полностью — значит «Антонина Скворушкина». Поняла? А сейчас перепишем все начисто...

Тонка устала, переписывать ей не хочется. Но у Анны вид такой строгий, что Тонка, не споря, вырывает из тетрадки два чистых листка.

И опять: «Здравствуйте, незнакомая мне Лена!..»

Ах, если бы прочесть письмо! Анна сказала: «Мала еще!» То «мала», то «не маленькая». Ее не поймешь. Неужели она порвет письмо или бросит в эти догорающие угли, и Тонка никогда не узнает, что пишет отцу незнакомая женщина? Как Тонка ненавидит ее! Как хорошо было все до сих пор! Как они весело, дружно жили: папа, мама, Тонка и Кузька!..

Зачем она, эта, разыскала папу? Наверно, хочет, чтобы папа бросил их с Кузькой и маму и женился на ней...

«Дура! Вот дура!» Это — самое грубое, что приходит сейчас Тонке на ум.

Глаза Тонки смотрят на фотографии. Тут, объединенные одной вишневой рамкой, карточки всей семьи. Вон Тонка, когда ей исполнилось пять лет, в белом платье с оборками. Только оборки-то все внутри. Отец сам надел ей платье в тот день и повел ее к фотографу дяде Мише, тому, что и сейчас работает в синей будочке возле базара. Мама, как увидела карточку — платье наизнанку вывернуто,— только ахнула.

А вот и мама с новорожденным Кузькой на руках. Смотрит мама, улыбается...

Карточек, на которых снят отец, несколько. Тонка смотрит на свою любимую, ту, где отец в гимнастерке, с двумя орденами. Какой он молодой здесь, пилотка набекрень, глаза чуть прищурены, словно от яркого солнца, во рту папироска! Отец и сам эту карточку любит. Бывало, посмотрит и, довольный, спросит: «Что, лихой солдат был?»

Но сейчас Тонка разглядывает фотографию отчужденно, ей кажется, отец нарочно прищурился, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Ну, кончай писать,— говорит Анна.— Вон уж одиннадцать бьет. Завтра не добужусь тебя...

Она подходит к печке и, помешав кочергой голубоватые уголья, бросает в жар письмо. Оно вспыхивает на миг ярким пламенем и тут же превращается в серую кучу пепла.

— Сожгла?!

— Я конверт только,— откликается Анна.— На нем обратный адрес был. Для ответа, значит...

— А как же мы пошлем?

— Не бойсь: я на новый конверт списала. Уж своей рукой, так и быть. А то ты не поместишь: адрес-то длинный.

Анна помешивает в печке кочергой, приминая голубые огоньки.

— А письмо я спрячу подале,— говорит она как бы сама с собой.— Может, пригодится когда, постращать...

Тонка не понимает, кого и зачем нужно «стращать» письмом. Она думает лишь о том, что письмо есть, Анна не сожгла его. Значит, можно его прочесть, надо только выследить, куда Анна спрячет.

Тонка делает вид, что совсем засыпает. Ей легко притвориться, она и в самом деле вот-вот уснет.

С трудом добирается она до кровати, стягивает платье, расплетает на ночь косы. Анна берет со стола письмо и несет его к своей тумбочке под зеркалом.

Анна оглядывается на Тонку, но Тонка совсем уже спит, ее голова склонилась к плечу, пальцы никак не могут развязать узелок коричневой ленты. Только два хитрых глаза следят за Анной из-под пушистых ресниц.

Анна не замечает этого и, успокоенная, прячет письмо в ящик, под коробку с пудрой. В ящик, где хранятся ее бусы, серьги со смешным названием «клипсы» и другие, что вдеваются прямо в уши, губная помада и коробочка с краской для ресниц. В ящик, куда никто, кроме Анны, никогда не заглядывает.

«Косметика» — так называет Анна содержимое своего ящика. Из-за этой косметики Тонка опозорилась в школе, сказав, что ракета ушла в «косметический полет».

Тонка ныряет под одеяло и крепко зажмуривает глаза, потом слегка приоткрывает их. Анна тоже готовится ко сну. Она долго расчесывает перед зеркалом густые пшеничные волосы, долго взбивает и перекладывает подушку. В короткой, выше колен, рубашке с кружевными прошвами, простоволосая, она кажется совсем девочкой, и Тонке нравится гораздо больше.

— Аня,— говорит Тонка,— ты сама письмо опустишь?

— Сама поймала сома,— отзывается Анна одной из своих любимых поговорок. Они у нее на все случаи припасены. Пожелаешь ей доброго аппетита, а она: «Без аппетита так летит».

— Спи, не думай ни о чем,— велит Анна.

Легко сказать, не думай, а если думается?.. Всплывает в памяти строчка: «...маму и нас

очень любит и бросать не собирается». А если все-таки бросит, уедет к этой?..

Тонка вспоминает Раечку Борсякову, которую бросил отец. Пальтишко у Раечки выше колен, а нового мать не покупает: отец денег не шлет.

Раечка учится с Тонкой в одном классе. Отца своего она не помнит и никогда о нем не говорит. Только раз сказала: «Я как буду паспорт получать, на мамкину фамилию перепишусь».

«Я тоже,— думает Тонка.— Нужна мне его фамилия, раз он такой... такой...»

Ей становится жаль себя, губы кривятся. Тонка громко всхлипывает. Анна не слышит. Она уже спит и глубоко, ровно дышит во сне. Сон ее крепок и безмятежен: сон человека, свершившего доброе дело.

Тогда Тонка тихонько сбрасывает одеяло и крадется к ящику с косметикой. Крашеный пол холодный, но Тонка не замечает холода, только бы половицы не скрипнули, только бы ящик не громыхнул. Проходит минута, и письмо у Тонки в руках. Тонка становится на колени возле печки, дверца открыта, и печь еще дышит в лицо неостывшим жаром. В неярком свете красного жара Тонка читает письмо:

«Здравствуй, Петя!

Шестнадцать лет прошло с тех пор, и, возможно, ты не помнишь уже девочки с косичками, Лену, «сестренку», как называли меня в вашей восьмой палате. Кажется, первый так назвал меня ты. Конечно, много времени прошло с тех пор, и много событий произошло в жизни каждого из нас и в жизни страны. Но мне никогда не забыть тех лет. Наш госпиталь с полевым номером пятнадцать ноль шесть, раненых, или ран-больных, как называли вас в анкетах и как вы, раненые, сами иногда величали себя. Мне не нравилось это название: за вас, раненных в бою, я готова была отдать жизнь, к больным же в ту пору была равнодушна.

У меня хранится твоя фотография тех лет с надписью: «Сестренке Лене на добрую память от ран-больного Отечественной войны Петра Скворушкина». На этой карточке ты очень молодой, в пилотке, с надутыми, как у ребенка, губами. Глядя на нее, трудно представить, что тебе уже, наверно, под сорок, да и мне тридцать.

Живу я сейчас на Крайнем Севере — может, слышал, бухта Тикси,— куда получила направление после окончания института. Я замужем, у меня сын. Работаю врачом. Да, Петя, видимо, госпиталь сыграл решающую роль в выборе профессии. Я никогда не забуду, как мучилась, что так мало могу помочь. Завидовала медсестрам. Что я, девчонка, могла тогда? Почитать вслух книгу, написать письмо. Толку от меня было мало.

А как, Петя, твоя правая рука? Помню, как ты горевал, что не придется играть на баяне. Помню и твою любимую песню: «Карие очи».

Сейчас я возвращаюсь с юга, где проводила отпуск. За окном твои места — Курская область. Очень бы хотелось знать, как ты живешь.

Если помнишь меня,— ответишь. Если же время стерло меня в твоей памяти, я не обижусь и пойму это по твоему молчанию.

Будь здоров и счастлив!

Лена».

Вот и все.

Тонка складывает письмо, как было, и прячет на место, в ящик с косметикой. Только теперь она чувствует, как холодно ногам. Тонка забирается под одеяло, чтобы скорей согреться. Она разочарована: письмо как письмо, ничего особенного. И в то же время на душе почему-то стало опять хорошо и спокойно.

Согревшись, Тонка высовывает нос из-под одеяла, поудобней укладывается на ночь. Метель все метет за окнами, шелестит снегом по ставням и по крыше, ветер в соснах гудит протяжно и жалостно.

Но, засыпая, Тонка помнит, что ветер дует с юга и, значит, несет с собой тепло, весеннюю распутицу и тот самый последний снег, что сыплет уже по темному следу на дороге, снег, о котором говорят: «Внук за дедушкой пришел».

Отец приехал за Тонкой спустя полтора месяца, когда отвоевались метели и дорога зачернела проталинами. Он спешил вернуться назад к весеннему севу и потому сразу же стал торопить Анну и Тонку в дорогу.

Приходили какие-то люди, человек пять,— комиссия. Лазили на чердак, проверяли стены. От Анны Тонка узнала, что их дом купил колхоз под детские ясли.

Тонка собралась быстро. Что ей собираться! Колька Удав спросил:

— Насовсем уезжаете?

Тонка ответила радостно, чуть хвастливо:

— Насовсем!

Домой в этот день Тонка вернулась в том особом веселом возбуждении, какое бывает перед дорогой. Возвращаясь из школы, она пела песню за песней и немного охрипла, но это не портило ей настроения. Неяркое голубое весеннее небо по-вечернему тихо сияло над головой, мокрый снег сиротливо прятался в канавы, ютился в подворотнях, жался к стволам высоких сосен. Подойдя к своему дому, она увидела, что ворота во двор распахнуты и на мокрой земле рубчатый след грузовика. Значит, шкаф и диван уже увезли на товарную станцию.

Тонка поднялась на крыльцо, вошла в дом и остановилась, словно споткнувшись о взгляд отца.

Отец стоял посреди непривычно пустой комнаты, твердо расставив ноги в сапогах, спрятав руки в карманы брюк, заправленных в сапоги, и в упор смотрел на Тонку.

Еще не зная своей вины, Тонка замерла под его взглядом. Она словно сейчас впервые увидела своего отца. Так бывает виден ночной след за окном в яркой вспышке молнии.

Тонка увидела отца, большого, плотного в плечах, с крупными морщинами на лбу и у рта. Увидела его мягкие, слегка поредевшие волосы, усталые, с красными жилками глаза. Он был совсем не похож на ту любимую Тонкину карточку под стеклом.

— Подойди,— сказал он.

И Тонка подошла. Отец протянул ей смятый клочок бумаги.

— Что это?

Тонка узнала свой ответ, написанный под диктовку Анны. Не тот, что переписали начисто, а первый листок, с кляксами и помарками.

— Я нашел это на полу, за шкафом,— сказал отец.— Что за чепуху ты тут пишешь и кому, хотел бы я знать...

Отец говорил негромко, но Тонке казалось, что он кричит. Тонка побледнела.

— Что ты на меня кричишь? — спросила она.— Я разве знаю? Мне Анна велела написать, и я написала... потому что... потому что...

Тонка хотела сказать: «Потому что я не хотела, чтоб ты нас бросил»,— но хлынувшие слезы помешали ей выговорить эти жалобные слова.

— Погодь реветь! — сказал отец.— Кому ты писала и зачем?..

И тогда Тонка подбежала к тумбочке и вытащила из-под коробки с пудрой письмо. Какое ей было сейчас дело до того, что скажет Анна?

Заплаканными глазами следила она за отцом. Письмо казалось совсем маленьким в его больших руках. Отец читал строку за строкой, и лицо его прояснялось и молодело с каждой минутой.

— Бог ты мой! — сказал он как бы себе самому.— Бог ты мой! Ленка! Да ты знаешь, кто это пишет? — с живостью, как ни в чем не бывало обратился он к Тонке.— Это же Лена, сестренка... Примерно как ты, девчушка была. Коски тоненькие, сама худенькая такая. И кофточка у ней была красная, на локтях заштопана... В госпиталь к нам ходила. Письма я ей диктовал, рука была ранена... Бог ты мой!

Отец снова брался за письмо и снова восклицал взволнованно:

— Бог ты мой!

— Ну, а где же конверт отсюда? — спросил он вдруг.— Там, наверно, адрес был? Адресато нет...

— Конверт Анна в печку бросила,— сказала Тонка.

— В печку?..

— Ну да. В огонь,— простодушно созналась Тонка.

— Рехнулась она, что ли, старая дева? Как же я теперь отвечу?..

— А мы ей ответили,— сказала Тонка, снова всхлипнув.

— Что?..

Отец не понял. Он словно забыл о найденном клочке бумаги, с которого все началось. И вдруг вспомнил. И понял все. Тонка ждала, что отец закричит на нее, но он только изменился в лице, и опять стали заметны и морщины его, и поредевшие волосы, и красные жилки в глазах.

— Так,— сказал он.— Все ясно.

И вышел из комнаты.

Тонка испугалась, что отец уйдет совсем. Уйдет на вокзал, сядет в поезд и уедет без нее. Она бросилась к окну, прижалась щекой к стеклу и увидела отца. Он стоял на высоком крыльце с непокрытой головой, без пальто, спрятав руки в карманы брюк, заправленных в сапоги.

Закат багряно освещал его лицо, слабый ветер чуть шевелил волосы. Но сам отец стоял неподвижно и смотрел прямо перед собой, туда, где за деревьями краснело вечернее небо.

О чем он думал, что творилось в его душе, какие картины прошлого вставали перед его глазами, какие слова ответного письма складывались сами собой, о том знал только он один.

«Здравствуй, Лена! Здравствуй, сестренка! Бог ты мой, сколько лет прошло!..»

Он видел перед собой девочку с тонкими косицами, в длинном, не по росту, белом халате. Она появлялась в дверях восьмой палаты, румяная от мороза. Улыбаясь, дула на озябшие, посиневшие детские руки. И сразу в палате становилось веселей. «Ленка! Сестренка!..» — неслось со всех сторон. «Как жизнь? Что, река не вскрылась еще?», «Орехов принесла?..»

Лишь он, Петр Скворушкин, не оживлялся с ее приходом. Налитая свинцовой тяжестью правая рука в гипсе казалась чужой. Только о ней думал он дни и ночи. Будет ли действовать или повиснет плетью?

По ночам ему снилось, что он играет на баяне, перебирает струны гитары. Он был самый молодой в палате и самый угрюмый. Может быть, поэтому Ленка возилась с ним больше всего. Она садилась на стул рядом с его койкой, спрашивала:

— Ну как, Петя, будем сегодня писать домой?

И они начинали писать.

— «Правой рукой, видать, я работать уже не смогу»,— диктовал он ей, а Лена писала: «Надеюсь, смогу работать правой рукой». Спорили, ссорились, рвали письмо, писали заново.

Девчонка оказалась права. Рука понемногу оживала. Стали шевелиться пальцы. Петр Скворушкин повеселел. Теперь он подолгу беседовал с Ленкой: рассказывал ей о родном селе, о том, как весенней порой белеют вишневые сады, а в садах стоят хаты с голубыми ставнями. Вспоминал, как поют ночами курские соловьи...

А за окнами госпиталя медленно разворачивалась суровая сибирская весна.

Все дни проводил Петр Скворушкин в госпитальном коридоре на третьем этаже. Отсюда, из окон третьего этажа, была видна голубая полоса реки с плывущими по ней последними, грязно-белыми льдинками. В открытую форточку врывался сладкий весенний ветер.

— Эх, погулять бы по городу! — как-то мечтательно вздохнул он.

А на другой день Ленка раздобыла у кастелянши какую-то жалкую амуницию, из-под которой торчали халаты и завязки от белья, и повела Петра Скворушкина и еще двоих парней из восьмой палаты по городу.

Она важно и гордо шагала рядом с ними, так смешно и уродливо одетыми, по главной улице города. Прохожие с интересом поглядывали на странную компанию. Впрочем, и раненые с тем же любопытством оглядывались по сторонам.

От свежего воздуха и солнца с непривычки кружилась голова. Но так приятно было чувствовать под ногами не госпитальные, чуть не добела отмытые полы, а твердую, мокрую, грязную землю!

Ослепленные, счастливые, они брели по городу — три пленника, вырвавшиеся из больничного окружения.

Здесь-то, на главной улице, и повстречался им начальник госпиталя.

— Почему гуляете одни? Кто разрешил вам такую далекую прогулку? — спросил он строго.— Где ваш провожатый?

— Я провожатый,— сказала Ленка, выступив вперед. Отмороженные щеки ее посинели от ветра и казались испачканными. Из-под вязаной шапки смешно топорщились косички.

Начальник госпиталя взглянул на нее без улыбки.

— Ступайте в госпиталь,— сказал он.

«Здравствуй, Лена! Здравствуй, сестренка! Ты пишешь, забыл ли я тебя. Бог ты мой! Разве можно забыть войну, ранение, Сибирь, юность, когда не думалось вообще в те годы войны, что будешь жить, работать и тем более писать правой рукой...»

Так само собой складывалось письмо, но некуда было послать его. Где-то на земле своей жизнью жила Лена, сестренка, светлая душа. Она ждала ответа. Она хотела знать, сохранилась ли в памяти раненого солдата, ран-больного Петра Скворушкина.

Что подумала она, получив письмо, продиктованное Анной? Рассердилась? Заплакала?

Возмутилась человеческой пошлости или грустно улыбнулась человеческой глупости?

Закат за деревьями погас, поднялся ветер.

## ХУДОЖНИК. ЭТОГО МАЛО!

# Не только мастерство

Прочитал в журнале «Огонек» статьи Мариэтты Шагинян «Ленинградские вечера» и Н. Черкасова «Художник. Этого мало?», и хочется высказать свое суждение по этому вопросу.

Конечно, рядовому зрителю, простому читателю трудно тягаться с такими авторитетами. Но поскольку оба автора творят именно для него, то скромное мнение обычных людей, мне думается, для них не должно быть маловажно.

Прежде всего в статье М. Шагинян я не увидел «суровую и пессимистическую» оценку ленинградских театров, как утверждает это Черкасов. Скорее напротив. Статья писательницы вызывает уверенность, что театры, да и сам товарищ Черкасов, учтут ее высказывания и станут еще лучше. Именно такая критика нужна, и давно.

В связи с огромным влиянием искусства и литературы на молодежь хочется сказать: «Что-то вы недосматриваете, инженеры человеческих душ! Ведь часто наша молодежь растет не такой, как хотелось бы нам в наших мечтах».

По-моему, именно об этом и говорит Мариэтта Шагинян. Она заставляет думать о том, что некоторые профессиональные театры важные задачи воспитания молодежи сегодня упускают. Иначе как могло случиться, что именно в больших городах зародилось среди молодежи стиляжничество, тунеядство, зародилось там, где человек, казалось бы, должен очень высоко вырасти духовно...

Актерам надо строго подходить к новым произведениям, лучше знать вкус народа и говорить «нет» до того, как спектакль вызовет неудовольствие широкого круга зрителей. Надо прислушиваться к зрителю. Но не к тому, который ходит в театр ради моды. А к тому простому труженику, который любит искусство.

Мне кажется, надо задуматься о том, в чем именно сегодня уступают профессиональные театры самодеятельности. Может быть, дело в том, товарищ Черкасов, что самодеятельные-то артисты, создавая свои образы, знают лучше, за что и с чем они борются?

Марк Кондратенко не случайно сказал Мариэтте Шагинян, что быть профессиональным артистом для него мало. Права и сама писательница, говоря, что быть профессионалом в искусстве уже мало для нового человека. Это так! По крайней мере с точки зрения людей других — рабочих — профессий. Причем это не отрицание профессионального театра вообще, а отрицание некоторой замкнутости артистических кругов в себе, порождающей иногда кастовость и отрыв от рядовых тружеников.

Я, конечно, ни в коем случае не хочу огулом судить так о всех. Но тот, кого это касается, не может создать на сцене привлекательный, правдивый образ современника, хотя мастерства у него во много раз больше, чем у артиста самодеятельности. Но мастерство без души — всего лишь запас проверенных шаблонов!

Интереснейшая статья Мариэтты Шагинян затронула много принципиальных, острых вопросов, и разговор о них надо продолжать.

С. ЗАВОДЧИКОВ

Ленинград.

# Требования искусства едины

Я горячо влюблен в театр с детства. Много лет участвовал в любительских кружках, в драматических театральных коллективах. Театр, задачи театрального искусства, успехи художественной самодеятельности, горечь ее неудач — все это мое родное.

Но не только поэтому я уверен, что наше искусство едино. Искусство предъявляет одни и те же требования и к тем, кто служит ему по своей высокой, всеми уважаемой профессии, и к тем, кто отдает ему свои силы только из безграничной любви и энтузиазма.

У нас, в нашей стране, нельзя говорить: «Все ценное только в самодеятельности». Или: «Куда вам, дилетантам, приобщаться к подлинному искусству!». У нас идет процесс невиданный: искусство стало достоянием народа. И прав Н. Черкасов, утверждая, что «в совместном развитии театра больше предвестий хорошего будущего, чем в подмене одного другим».

Но для совместного развития требуется очень тесное творческое содружество профессионального и самодеятельного театров.

Насущная задача сегодняшнего дня: вывести театральные коллективы художественной самодеятельности к массовому зрителю.

Решению этой задачи пока еще мешает отсутствие единого руководства театральными самодеятельными коллективами. Ими ведают профсоюзные организации, органы культуры, дома народного творчества...

Единое руководство прекратило бы распыление сил и денежных средств, помогло бы коллективам — и профессиональным и самодеятельным — расти, творить, создавать новые, значительные произведения искусства.

Б. СОКОЛОВСКИЙ,
председатель совета старост театральных коллективов Москвы

В Советском Союзе с успехом выступают солисты французского балета Иветт Шовире и Юлий Алгаров. На снимке: И. Шовире — Жизель и Ю. Алгаров — Альберт в спектакле Большого театра Союза ССР «Жизель».

Фото Е. Умнова.



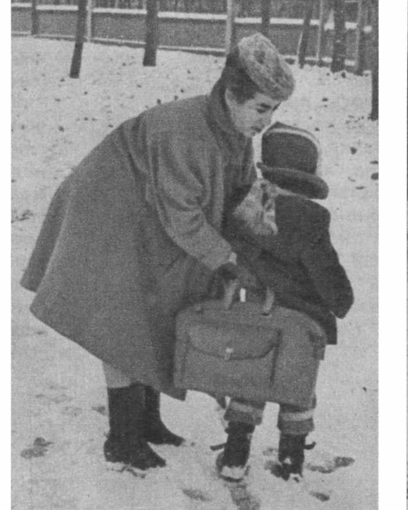
# ПЕРВЫЙ СНЕГ В МОСКВЕ

Фото Я. РЮМКИНА













Прыгает Роберт Шавлакадзе.

# Встречный огонь

В. ВИКТОРОВ, В. ПЕТРУСЕНКО

Фото Ассошиэйтед Пресс.

Весь год он готовился к этой поездке в «вечный город». Сколько раз проспект Руставели в родном Тбилиси представлялся ему римской виа, протянувшейся к мраморному стадиону «Форо Италико»! Вот она перед ним, эта улица. Она ведет к олимпийскому стадиону за зеленым ленивым Тибром.

Конечно, Роберт Шавлакадзе знал еще задолго до отъезда, что вопреки всем традициям выступления легкоатлетов перенесены на вторую половину олимпиады. Конечно, он учитывал это неожиданное изменение в программе, но мог ли он знать, как будет тягостно ожидание! Ждать день и ночь, ждать бесконечных 144 часа! И где-то рядом с ним ждал своего часа Джон Томас, длинноногий невозмутимый негр...

С этим негром Роберт Шавлакадзе познакомился вот таким же душным летним днем год назад, в Филадельфии, американском городе, избранном для встречи легкоатлетов СССР и США. Томас не выступал на стадионе «Франклин филд», он сидел на скамье запасных, и его точеное темное лицо не выражало ничего. Он просто сидел и смотрел, как два его товарища, Дюмас и Уильямс, пытаются «перепрыгнуть» двух советских спортсменов — Шавлакадзе и Кашкарова, а узнав о победе Шавлакадзе, не торопясь, подошел к нему и как бы мимоходом поздравил с успехом.

Джон Томас возник на спортивном горизонте осенью 1958 года, когда взял на соревнованиях в Токио 2 метра 10 сантиметров. Зимой 1959 года на соревнованиях в Мэдисон Сквер — Гардене он одним прыжком вошел в плеяду сильнейших, взяв 2 метра 13 сантиметров. Но после этого Томас повредил ногу, и его шансы стать преемником Чарльза Дюмаса, чемпиона XVI Олимпийских игр, отодвинулись в будущее. Однако весной 1960 года Шавлакадзе снова встретился с молодым атлетом, и на сей раз на страницах газет.

Все чаще и чаще мелькало это имя с тех пор, как в феврале он снова вышел на старт в Калифорнии. Девятнадцатилетний студент Бостонского университета быстро двигался вперед, или, вернее, вверх. В начале июля на отборочных предолимпийских соревнованиях Томас установил поистине феноменальный рекорд — 2 метра 22 сантиметра,— и для этого ему понадобилось всего семь попыток, так как каждую новую высоту он брал с первого раза.

Вот с кем предстояло Роберту Шавлакадзе, Валерию Брумелю, Виктору Большову встретиться через неделю на стадионе «Форо Италико». Да, не легко ждать этого часа! И не так уж приятно каждый день убеждаться, что спортивные обозреватели, съехавшиеся в Рим со всех концов света, ни во что не ставят тебя!..

Особенно запомнилась Шавлакадзе заметка, которая появилась 24 августа в английской газете «Таймс». Обозреватель газеты Нейл Аллен с восторгом писал о стальных нервах Томаса, о его полнейшей невозмутимости, о его удивительной прыгучести, которая позволяет ему взлетать вверх, «не поднимая пальца». Обозреватель считал, что победа негра предрешена, а среди возможных претендентов на серебряную медаль видел лишь шведа Петерссона и двух советских прыгунов — Брумеля и Большова.

Итак, имя Роберта Шавлакадзе не упоминалось в «Таймсе», но это нисколько не огорчало Шавлакадзе. Не лезть на первый план, готовиться исподволь, кропотливо, серьезно, добиваясь высокой стабильности прыжков,— вот каков был план советского спортсмена. Недаром его кандидатская диссертация, которой он, выпускник педагогического института, занимался уже несколько лет, так и называлась: «Стабильность результатов по прыжкам в высоту».

В семнадцать лет Шавлакадзе увлекся легкой атлетикой, но начав с бега, затем перешел к прыжкам. Его увлекла трудность стоящей перед нами задачи: прыжки были одним из самых отстающих участков в легкой атлетике. Из года в год штурмовали спортсмены двухметровую высоту и из года в год терпели сокрушительное поражение. В 1927 году нынешний тренер Валерия Брумеля, Владимир Дьячков, установил всесоюзный рекорд — 1 метр 78 сантиметров. Через десять лет первый тренер Роберта Шавлакадзе, Габриель Атанелов, поднял потолок рекорда на 17 сантиметров, и теперь до двухметровой высоты оставалось не так уж много. Но Юрий Ильясов, сильнейший послевоенный прыгун, так и не смог преодолеть этот заколдованный рубеж. Лишь одному советскому спортсмену, Николаю Ковтуну, удалось в 1937 году прыгнуть на 2 метра 1 сантиметр. Когда в 1954 году Шавлакадзе по настоянию Атанелова перешел от бега к прыжкам, а затем познал всю сложность стоящей перед ним задачи, занимаясь с Борисом Дьячковым, рекорд Ковтуна стоял по-прежнему незыблемо. Лишь год спустя Юрий Степанов первым сумел преодолеть его.

Шавлакадзе был целиком захвачен внезапно вспыхнувшей борьбой Юрия Степанова, Владимира Ситкина и Игоря Кашкарова, и вот в 1956 году всесоюзный рекорд был поднят Кашкаровым до 2 метров 10 сантиметров, а вскоре тот же Степанов установил и мировой рекорд — 2 метра 16 сантиметров.

Но, несмотря на все успехи прыгунов СССР, американцы по-прежнему считались непобедимыми. Ведь за всю современную историю Олимпийских игр, тринадцать раз оспаривая золотые медали, американские прыгуны всего лишь дважды уступали первенство: в 1932 году — канадцу, который жил и учился в США, а в 1948 году — австралийцу.

В тот день, когда в руки советских прыгунов попала «Таймс», они должны были встретиться на тренировке с американскими прыгунами. И вот эта встреча состоялась.

Томас легко и непринужденно брал высоту за высотой, а советские спортсмены стояли в стороне, любуясь точными, изящными, спокойными движениями негра. И вдруг Гавриил Коробков, старший тренер команды СССР, отлично знающий английский язык, шепнул Шавлакадзе:

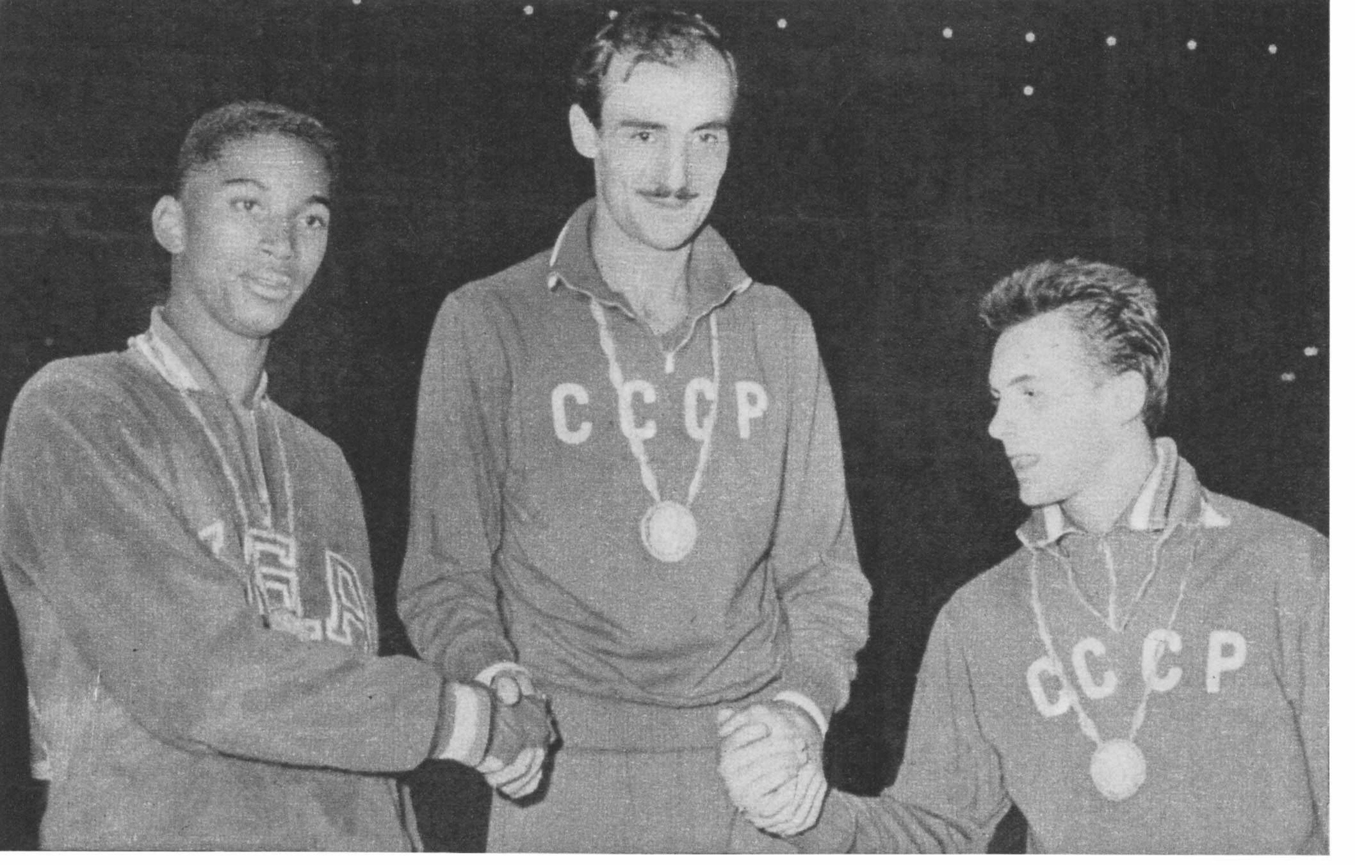
— Ты знаешь, что сейчас предложил Томасу тренер? «Томас, подбрось им психологический барьерчик!» Ну-ка, посмотрим же, что это за барьерчик!

Установили новую высоту. Томас не торопясь отправился к старту, постоял там и, взяв внезапно стремительный разбег, взлетел в воздух.

— Два метра пятнадцать! — крикнул американский репортер, стоящий рядом с планкой.

«Так вот что такое «психологический барьерчик»!» — подумал Шавлакадзе. На планке было не больше 2 метров 8 сантиметров. Уж что-что, а определять высоту даже на глаз он умел безошибочно.

— Нас обманывают,— сказал Шавлакадзе Брумелю.—Тут и без линейки видно, что высота по крайней мере сантиметров на семь меньше. Но мы давай-ка сде-




Рим. 1 сентября. На постаменте почета. Слева направо: Джон Томас, Роберт Шавлакадзе и Валерий Брумель.

лаем вид, что верим. Пусть думают, что их психологическая атака удалась.

И, решив это, советские спортсмены снова почувствовали себя свободно и легко. Так прошла первая встреча с Джоном Томасом и другими американскими легкоатлетами, а вскоре наступила встреча вторая и решающая.

1 сентября в 9 часов утра на полупустом стадионе собрались прыгуны, чтобы выполнить классификационную норму. Только те спортсмены, которые сумеют преодолеть 2 метра, будут допущены на вечерние соревнования. Им всем предстоял долгий и трудный путь.

Как и следовало ожидать, стадион «Форо Италико» к трем часам дня был уже заполнен до отказа, хотя фавориты еще долго не появлялись на старте. Молодой американец Фауст начал прыжки с 1 метра 90 сантиметров, а на высоте 2 метра разразилась первая сенсация: Фауст так и не взял этой высоты, хотя на предолимпийских соревнованиях в США до конца вел борьбу с Томасом.

«Вот что значит не держать себя в руках!» — подумал Роберт Шавлакадзе, готовясь к своей первой попытке. Конечно, он возьмет легко 2 метра. Это же разминка!.. Но первая попытка оказалась неудачной — планка сбита. А Томас остается верным своему правилу ограничиваться первой попыткой. Вот он натягивает тренировочный костюм и скрывается под пестрым зонтиком, чтобы отдохнуть, отвлечься от борьбы.

Отвлечься от борьбы... Не так-то это просто. Шавлакадзе хочется видеть, как прыгает Валерий, как чувствует себя Виктор. А прыжки все длятся и длятся. Позади высота 2 метра 3 сантиметра... 2 метра 6 сантиметров... 2 метра 9 сантиметров...

Теперь их остается лишь шестеро: три советских прыгуна, швед Петерссон и два американца — Томас и Дюмас. Приближаются решающие минуты. Это ясно всем. А планка уже на высоте 2 метров 12 сантиметров. На этой высоте Дюмас победил в Мельбурне. И вот первая жертва финала: чемпион XVI Олимпийских игр Чарльз Дюмас выходит из борьбы. Не будет ли олимпийский рекорд последней высотой здесь, в Риме? И как бы в ответ на эти мысли сбивает планку Петерссон, терпит неудачу Брумель. Но тут же Большов добивается успеха, а потом и Шавлакадзе снова с первой же попытки берет опасный рубеж. Все в порядке?.. Для них двух — да, а как для Томаса? Откуда-то издалека доносится до Шавлакадзе гул огромного стадиона. Томас пропускает высоту 2 метра 12 сантиметров! Кто мог бы это предвидеть?! Американцы снова наносят психологический удар! Кто мог бы подумать, что Томас решится на это?! Как надо быть уверенным в себе, чтобы не выйти на старт, когда на планке высота олимпийского рекорда! Чем же нужно ответить на этот удар? Только одним — хорошим прыжком, встречной разящей контратакой...

Только сейчас Шавлакадзе вдруг заметил, что густой римский вечер окутал стадион. «Почему же не дают света? Ведь так же прыгать трудно!» — подумал он. Но свет по-прежнему не зажигался. Ну и пусть не зажигается! Они все втроем готовы ко всяким случайностям. Они могут прыгать даже в полной темноте. И действительно, Брумель со второй попытки взял высоту. Да, Брумель снова вместе с ними, но не Петерссон. Вот она, вторая жертва финала! Швед побежден.

В сгустившихся сумерках на электрическом табло зажглись четыре имени: Большов, Брумель, Шавлакадзе, Томас. 13 прыгунов уже сошли. Высота 2 метра 14 сантиметров — новый олимпийский рекорд. Вспыхивают прожекторы над стадионом. Сегодняшняя программа почти исчерпана. Теперь только прыгуны продолжают борьбу. Задевают планку Большов и Брумель... Но с первого же раза над ней проносится Шавлакадзе. Ни разу не пришлось ему выходить на старт вторично после неудачи на двухметровой высоте. Теперь очередь за Томасом. Вот он выходит на старт...

— Он возьмет эту высоту с закрытыми глазами! — кричит нам сосед, заокеанский журналист. И тут же хватается за голову... Томас одним неверным движением задевает рейку. Бушует стадион, а негр, видимо, ослепленный промахом, хочет сразу идти на вторую попытку. Судьям приходится долго объяснять ему, что сейчас очередь Брумеля.

Вот Валерий на старте. Как он, должно быть, устал! Ведь им сделано уже девятнадцать прыжков! Но Брумель с поразительной легкостью пролетает над планкой. Большов и Томас также успешно заканчивают «вторичные переговоры» с этой высотой.

Теперь 2 метра 16 сантиметров. Еще недавно эта высота была мировым рекордом. Невесомая, еле видимая, готовая упасть от малейшего порыва ветерка, висит в воздухе тоненькая реечка. Слово за Большовым и Брумелем. Но им не удается использовать своей первой попытки. Очередь Шавлакадзе. Высоко над собой видит он планочку, а советского прыгуна, освещенного лучами прожекторов, хорошо видно со всех концов стадиона. Вот он берет разбег. Восемь беговых шагов, точно рассчитанных, выверенных до сантиметра. Взлет, и тело его проносится над планкой, не задев ее. И снова замирает стадион в ожидании. Снова десятки тысяч глаз стараются запомнить до мельчайших деталей короткий, стремительный путь Томаса, но только для того, чтобы единым горестным вздохом проводить на землю планку. Валерий Брумель после второй попытки снова на коне, но Большов и Томас вторично терпят неудачу. Последняя попытка. Ну же, Виктор! Но Большов снова проиграл. И весь стадион в полнейшем молчании ждал выхода Джона Томаса. У Томаса есть еще последний прыжок, последняя надежда еще при нем. Долго и тщательно готовится он к разбегу. И за все эти бесконечные минуты стадион не шелохнулся. Томас на дорожке. Все ближе и ближе та точка, с которой он должен взлететь в воздух. Последний шанс американца... Нет, планка вместе с ним летит на землю. Томас побежден! Он всего лишь третий после Роберта Шавлакадзе и его молодого товарища Валерия Брумеля...

* * *

На следующее утро в олимпийской деревне мы беседовали с Джоном Томасом. Он вышел к нам в вестибюль невозмутимый, вежливый и спокойно выслушал наш вопрос:

— Что случилось, Томас? Почему вы проиграли?

— Ничего не случилось,— ответил он нам, пожав плечами.— Я не считаю в таком состязании третье место своим поражением. Любой прыгун, который берет 7 футов (это примерно 2 метра 13 сантиметров), является великим спортсменом.

Томас оставался верным себе. Менее сдержанной оказалась английская и американская печать. Газета «Таймс», еще недавно, до борьбы, вручившая Томасу золотую медаль, сокрушенно заявляла, что никто не может поверить даже теперь, что Томас разбит. А «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Джон Куртис Томас разбит сегодня на Олимпийских играх самым шокирующим образом, который можно было бы только предположить... Лесные пожары прекращаются встречным огнем. Сметающий всех соперников триумфальный «пожар» Томаса был прекращен встречным «огнем» советских спортсменов».

Надо отдать должное нью-йоркской газете: образ, использованный ею, был хоть и несколько неожидан, но совершенно точен. «В чем же была причина поражения Томаса?» — спрашивала «Нью-Йорк геральд трибюн» и, не давая прямого ответа на этот вопрос, сообщала, что римские эксперты никак не могут решить, правильно ли поступил Томас, пропустив высоту 2 метра 12 сантиметров. Было ли это зазнайством? Многие из них считали, что американец, выступая против трех русских, осуществлял психологический маневр, рассчитанный на то, чтобы выбить из седла соперников.

На поставленный американской газетой вопрос ответил нам Роберт Шавлакадзе:

— Быть может, неожиданное решение Томаса пропустить высоту 2 метра 12 сантиметров действительно являлось частью «психологического наступления»,— сказал Шавлакадзе.— Но, помимо этого наступления, заранее обреченного на провал, мне кажется, что причину неудачи Томаса надо искать в самой системе его тренировки. Судя по всему, она была рассчитана на то, чтоб не только побеждать серьезных соперников, но прежде всего повышать уровень мирового рекорда одному, с глазу на глаз с высотой. Томас, судя по всему, был не готов к встречному огню, к напряженной борьбе, и он, видимо, зря отдавал предпочтение слишком твердым грунтам, включая и деревянные настилы в зимних залах. А прыгать надо хорошо при всяких условиях, на самых обыкновенных грунтах.

Вот что сообщил нам Роберт Шавлакадзе в тот день, когда газеты всего мира, не жалея ни слов, ни красок, рассказывали о том, как в густых римских сумерках все ярче и ярче разгорался сверкающий, триумфальный огонь его большой победы.

# Сказка Верочкиной мамы

Р. РОМА

Верочкина мама всегда страдала отсутствием воображения.

— Я с тобой скоро с ума сойду! — говорила она Верочке, когда надо было придумывать очередную сказку.

— Нет, ты не скоро сойдешь с ума,— успокаивала Верочка, присаживаясь на маленькую скамеечку у маминого чертежного стола.

Верочкина мама была чертежница и работала в конструкторском бюро. Иногда она брала работу на дом.

— Откуда я тебе возьму сказку? — жалобно спрашивала Верочкина мама, прикалывая бумагу к чертежной доске.

— Из головы,— твердо отвечала Верочка.

— У меня уже от этих сказок голова пухнет.

— Не выдумывай! — строго говорила Верочка и придвигалась на своей скамеечке к самой маминой ноге.

— Про что тебе рассказать?

— Расскажи про зайчика.

— Тогда слушай. Жила-была одна зайчиха. Она была уже немолодая зайчиха. Шерсть у нее потускнела, хвостик повис, и глаза уже видели не очень хорошо. В молодости она была веселая и хорошая, а к старости стала сердитая и завистливая. Если бы она рассказывала молодым зайчикам сказки, помогала бы им, учила бы их, они бы ее любили, а она только все время сердилась на молодых за то, что они молодые. Вот однажды эта зайчиха...

— Ну? — спросила Верочка.

— Не туда провела линию...

— Какую линию?

— Нет, это я неправильно линию провела из-за твоих зайцев.

— Ну, и что эта зайчиха?

— А эта зайчиха пришла однажды в гости к одному зайчику с белым пятном на голове и сказала ему: «Я к вам очень хорошо отношусь, и я вам вот что скажу. Вы знаете худенькую зайчиху, у которой трое зайчат? Она живет в Криволодыженском переулке.» «Знаю»,— сказал зайчик с белым пятном на голове. «А вы знаете, что она про вас говорит?» «Нет, не знаю,— сказал зайчик с белым пятном на голове.— А что она про меня говорит?» «А она говорит, что когда капустку убирали, то вы половину к себе домой свезли, и что вы всегда так делаете и потому ковер купили такой красивый». «Это неправда! — закричал зайчик с пятном на голове.— Я ковер на премию купил, а премию мне дали за хорошую работу».— И заплакал. А зайчиха уже убежала.

— Ну? — сказала Верочка.

— Не толкай мой стол, а то я ничего не буду тебе рассказывать.

— Ну? — снова сказала Верочка и отодвинула свою скамейку.— Ну, куда она убежала?

— А она побежала к худенькой зайчихе, у которой трое зайчат и которая живет в Криволодыженском переулке. Угостила ее худенькая зайчиха чаем с конфетами, а старая зайчиха попила чаю, поела конфет и спрашивает: «А вы знаете, что про вас говорит зайчик с белым пятном на голове?» «Нет, не знаю,— ответила худенькая зайчиха и покраснела: она была очень нервная,— а что он про меня говорит?» «Я к вам очень хорошо отношусь и потому расскажу. Он говорит, что вы плохая хозяйка, и что ваши дети всегда голодные, и чулочки у них рваные, и ушки простуженные, и что ваш муж у всех по капустному листочку занимает и никому не отдает». «Это неправда! — закричала худенькая зайчиха.— Я даже работу бросила, только и делаю, что ухаживаю за моими зайчатами. Они у меня всегда чистенькие, сытые и здоровые. И про мужа неправда!» А пожилая зайчиха сразу убежала...

— Ну? — снова сказала Верочка.

— Ты на меня не нукай.

— А ты в самом интересном месте не останавливайся.

— А это — интересное место?

— Интересное. Она убежала, а куда, неизвестно.

— А убежала она на работу. На работе она подозвала к себе серого зайца и говорит: «Вы знаете, как я к вам хорошо отношусь. Я хочу предупредить вас, что плешивый заяц, который сидит у окна, говорит, будто вы без конца торчите возле красноглазой зайчихи и ей сказки рассказываете и что лучше бы вы рассказывали сказки своей жене Белохвостке и дочке Морковочке». «Это безобразие! — закричал серый заяц.— Я ей объяснял, как работу сделать, у нее что-то не клеилось!»

И все зайцы стали ссориться и выяснять отношения. А старая зайчиха только хихикала у себя под кустом. Зайцы ссорились, ссорились, но в конце концов выяснили, кто всех перессорил. Тогда они в один прекрасный день собрались, окружили старую зайчиху и, как она ни вертелась, запихали ее в мешок, потащили этот мешок в лес и бросили на муравьиную кучу. Зайчиха захотела из мешка вылезти, а он завязан капроновой веревкой. Но муравьи через завязанное место все-таки в мешок пролезли и стали зайчиху кусать. Знаешь, когда один муравей укусит, и то как больно.

— Да, я не люблю,— сказала Верочка.

— И она не любила. А тем более муравьев было много. И зайчиха закричала: «Ай, ай, ай! Я больше не буду!» «Ты чего кричишь?» — спросил ее жук-олень, он случайно попал в мешок вместе с зайчихой. «Я больше не буду ссорить зайчиков, не буду сплетничать, не буду одним на других наговаривать!» «Ах, вот за что тебя наказали!» «Жучок, жучок, прокуси мешок, я его лапками разорву и убегу, а то у меня зубки притупились... Ой, ой, ой! Больно! Больно!» «Нет, не прокушу,— прогудел жук,— сиди в мешке, раз ты такая вредная».

— Нет, пускай прокусит,— сказала Верочка,— она больше не будет!

— Да... Зайчиха так просила и обещала исправиться, что жук тоже поверил ей, прокусил дырочку, она лапками разорвала мешок, вылезла да пустилась бежать без оглядки! С тех пор зайчиха стала такая хорошая, такая тихая, никого не ссорила. А уж если хотела что рассказать, то говорила: «Все говорят...» И если кто начинал сплетничать, ему сразу грозили: «Смотри, посадим тебя в мешок и отнесем на муравьиную кучу, как ту зайчиху». И это очень помогало.

Я рассказала тебе сказку, и ты иди с бабушкой гулять, а то я так не могу работать.

И Верочка ушла с бабушкой гулять.

А через несколько дней к Верочкиной маме пришли гости по случаю ее дня рождения. Гости сели за стол и сразу заговорили про винтики, шайбы и про какую-то машину, которая не клеится.

Верочка вылезла из-за кресла в углу, и ее все сразу заметили, потому что она была такая же румяная, большеглазая, рыжеволосая, как и ее мама, а голубое капроновое платье из «Детского мира» ей очень шло. Гости сразу схватили Верочку, стали ее очень хвалить, гладить, целовать и передавать из рук в руки.

Верочка очень стеснялась, а Верочкина мама была на кухне и не могла отнять Верочку у гостей. Потом все стали просить Верочку что-нибудь спеть или станцевать, но она молчала и только застенчиво посматривала то на одного, то на другого своими круглыми зелеными глазами.

Но когда кто-то сказал, что девочка, наверное, не знает ни стихов, ни сказок и вообще не умеет говорить, Верочка прошептала:

— Нет, я умею говорить.

Тогда все опять стали просить Верочку рассказать что-нибудь, а одна гостья посадила ее на свои толстые теплые колени. И хотя Верочка очень стеснялась своего нового нарядного голубого платья, все-таки она начала рассказывать сказку про зайчиху.

Верочка считала, что это страшная сказка, и не понимала, почему все вдруг начали переглядываться и смеяться, а толстая гостья спустила Верочку на пол и стала сердиться, что в комнате очень накурено. Тогда Верочка сказала, что дальше самое интересное и страшное: как зайчиху завязали в мешок и бросили на муравьиную кучу. А толстая гостья вдруг нахмурилась, сказала, что пахнет горелым, и убежала на кухню. В это время вошла Верочкина мама с пирогом и сказала, что Верочке хватит болтать. Но сказка уже кончилась.

Все еще долго смеялись и спросили Верочку, кто ей рассказал эту сказку.

— Мама,— ответила Верочка.

— А какие она тебе еще сказки рассказывала?

Тут Верочкина мама сделала четырехугольные глаза, сказала:

— Нет, нет, уже поздно,— и увела Верочку спать.




Сергей ОСТРОВОЙ

Две руки у тебя. А зачем?
Для чего тебе руки, скажи?
— Как зачем? Я ведь все-таки ем!
Надо вилки держать. И ножи!

Две ноги у тебя. Две ноги.
А зачем? Ты ответить готов?
— Как зачем? Чтобы делать долги,
А потом убегать от долгов!

А глаза? Голубые глаза?
Для чего? Что ты видишь, ответь?
—Для чего? Чтоб тянулась слеза,
Чтобы люди могли пожалеть...

А спина? Что носил на спине?
Поднял в жизни когда-нибудь кладь?
— На спине? А зачем это мне?
Ведь спина для того, чтоб лежать.

Ну, а совесть? Как быть тебе с ней?
Жить всю жизнь у чужого огня?
— Ну и что ж? Разве столько людей
Одного не прокормят меня?!

Одного-то? Прокормят! Чего ж!
Только в толк не возьму я вовек,
Что ж такое есть мерзкая вошь,
Если ты, так сказать, человек?

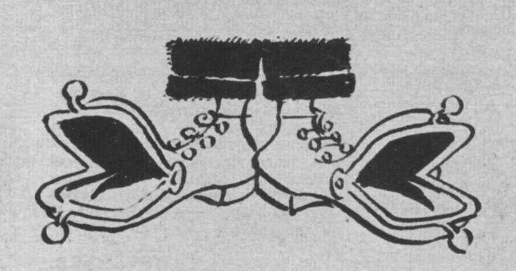


Рисунок Ю. Черепанова.

# КРОССВОРД

**По горизонтали:**

5. Столица африканского государства. 6. Строительный материал. 10. Вулкан в Мексике. 11. Драма А. Н. Островского. 12. Сетчатая ткань. 13. Певчая птица. 15. Ягода. 17. Хищное животное, распространенное в Африке и Азии. 19. Повесть А. И. Куприна. 21. Рыба семейства карповых. 22. Полный круг вращения. 23. Часть оптической системы. 24. Растение-насекомоед. 26. Один из Ионических островов. 30. Синтетическое волокно. 31. Чешский писатель. 32. Материк. 35. Упряжь для верховой езды. 37. Небольшое судно. 38. Минерал, разновидность кварца. 39. Заключительная торжественная сцена спектакля. 40. Лечебная палата с искусственным климатом.

**По вертикали:**

1. Китайское жилище. 2. Советская киноактриса. 3. Французский естествоиспытатель. 4. Съедобный гриб. 5. Танец. 7. Направление, перпендикулярное курсу судна. 8. Герой трилогии Бомарше. 9. Отсвет заката на небе. 13. Певучая мелодия. 14. Наука о земледелии. 16. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 18. Дорога в лесу. 19. Коренное население Новой Зеландии. 20. Прямая, соединяющая две точки кривой линии. 25. Спутник планеты Нептун. 27. Русский поэт XIX века. 28. Ледокол арктического флота. 29. Материал для переплетов книг. 33. Сильнейший спортсмен мира. 34. Химический элемент. 36. Продукт, применяемый для производства красок, лаков. 37. Чертеж земной поверхности.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42**

**По горизонтали:**

1. «Набоб». 3. Пикап. 5. Амазонка. 6. Кречет. 7. Ракета. 10. Баскетболист. 12. Виола. 13. Монтаж. 14. Олень. 15. Традесканция. 18. Стоматология. 22. Тавры. 23. Цадаса. 24. Шланг. 27. Петрозаводск. 28. Бештау. 29. Солнце. 30. Веретено. 31. Рабле. 32. Нонет.

**По вертикали:**

1. Норвегия. 2. Батист. 3. Парник. 4. Потанина. 8. Мелодекламатор. 9. Доказательство. 10. Балет. 11. Тулья. 16. Рост. 17. Изаи. 18. Строп. 19. Ярлык. 20. Ваттметр. 21. Антрацит. 25. Струве. 26. Эдисон.

**На первой странице обложки:** Дамей Насанова — лаборантка Пришимского пункта «Заготзерно» Акмолинской области (см. в номере очерк Алексея Брагина «Пора звенящих колосьев»). Фото И. Тункеля.

**На последней странице обложки:** Городом-парком называют Алма-Ату. Фото Б. Кузьмина.


**Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.**

**Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

**Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.**
**Рукописи не возвращаются.**

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06453. Подписано к печати 20/X 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. 1564. Заказ 2799.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

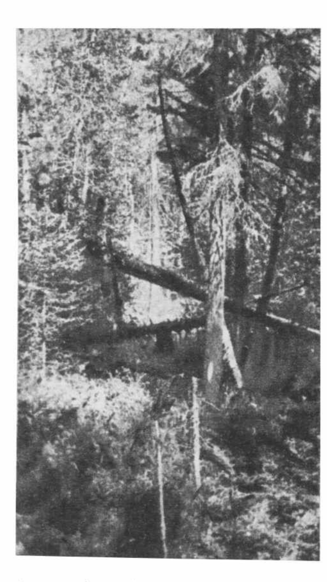

*Думая о потомках*

# В защиту кедра

**Я прочитал в № 41 журнала «Огонек» статью профессора Ф. Н. Петрова «Думая о потомках». Она очень правильно и своевременно ставит вопросы охраны природы. Решать их надо всем нам вместе, решать безотлагательно и по-государственному широко.**

**Мне хочется привести факты, с которыми я и мои товарищи сталкивались во время изысканий на Байкале, на южном берегу озера. Там, где мы прокладывали трассу новой дороги, раньше, как утверждают старожилы, шумел непроходимый кедровый лес. Теперь он отступил, порубленный топором нерасчетливых заготовителей, поваленный браконьерами - «шишкарями». Много кедрача гибнет от неосторожного обращения с огнем. Зверье, и особенно драгоценный баргузинский соболь, повывелось или ушло в горные леса. Место кедра, сосны, ели заняла осина, реже береза. Берег заболотился. Кедр стал редкостью на южном Байкале. «Шишкарям» приходится углубляться в лес на тридцать и больше километров. Там, в глуши, где их никто не видит, они расправляются с вековыми деревьями по-своему. Мне приходилось видеть столетние могучие деревья, срубленные только для того, чтобы снять с них десятка два-три шишек. И это деревья, которые могли бы плодоносить еще сто — полтораста лет. В лучшем случае упавший кедр переведут на дрова.**

**А ведь всем известно, насколько ценно это чудесное дерево. Кедр дает замечательную древесину для поделки мебели, высокопитательные орехи и масло. Кедровая живица может быть**



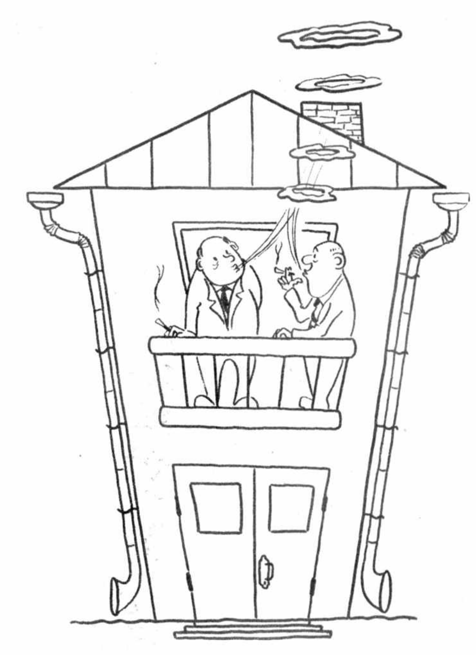
Это не бурелом, это кедры, поваленные браконьерами для сбора шишек.

Фото А. Волконского.

**использована и для химической переработки и для лекарственных целей.**

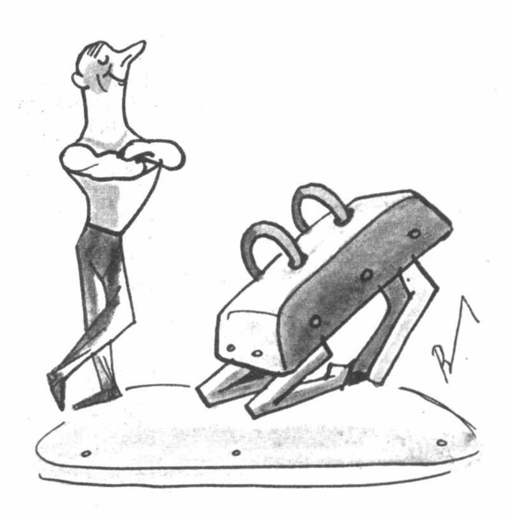
**Мне думается, что кедр должен быть взят под особую защиту. А в законе об охране природы, принятия которого настоятельно требует жизнь, ему надо отвести почетное место.**

**С. АРТЕМЬЕВ, инженер.**



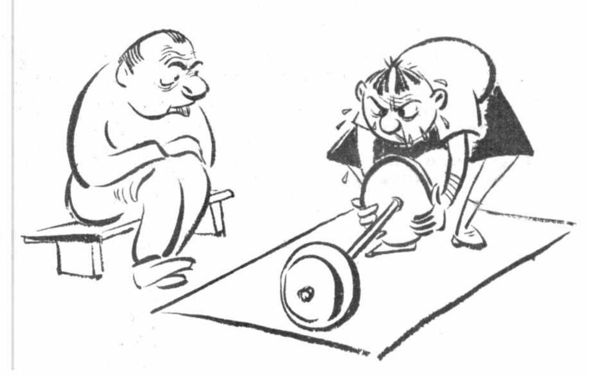
— Люблю вечером выйти на балкон подышать свежим воздухом.

**Рисунок С. Титова.**



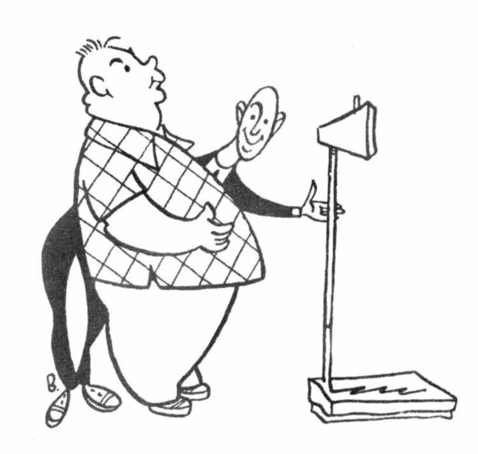
Преклонение.

**Рисунок Вл. Гальбы.**



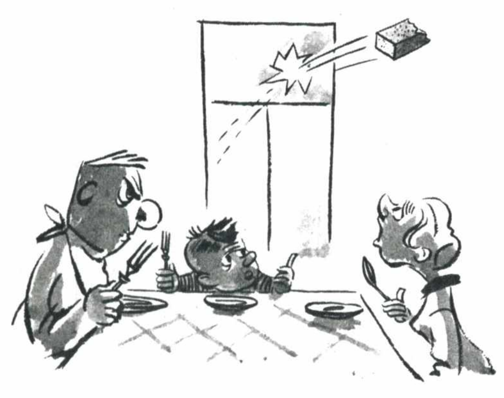
— Нет, ты не Власов!

**Рисунок В. Воеводина.**

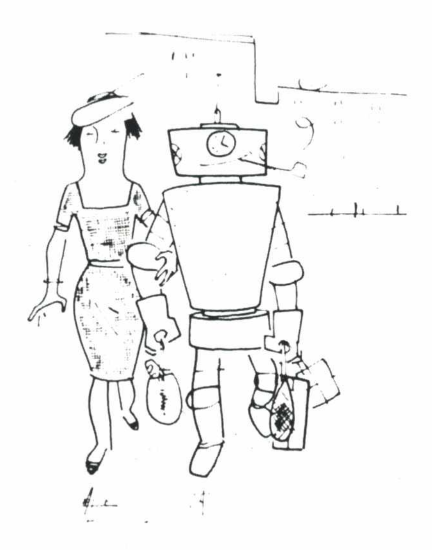


— Разрешите, Пал Палыч, я за вас взвешаюсь?

**Рисунок М. Вайсброда.**



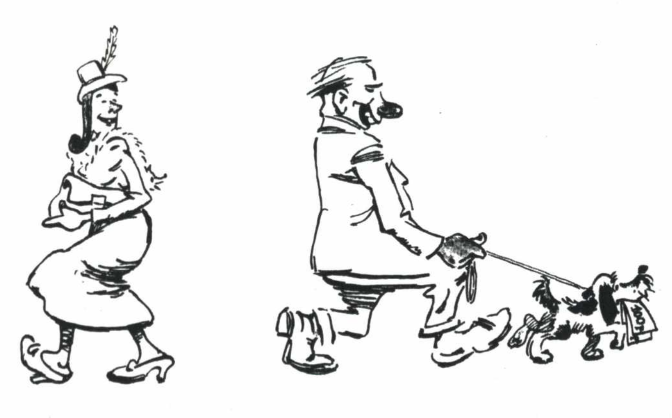
— Меня уже зовут...
**Рисунок В. Воеводина.**



Идеальный муж.
**Рисунок А. Сухова.**



— Я вам покажу, как предлагать мне взятку. Полкан, взять ее!



. . . . . . . . . . . . .

**Рисунок Г. Андрианова.**

# джаз

**Вниманию читателей в этом номере предлагаются веселые деревянные игрушки, вырезанные московскими архитекторами А. Костиным и Ю. Чистяковым.**


Цена номера 3 руб.